

**ТАДЖИКСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ**

**Нагзибекова М.Б., Рахимова Р.Д., Собирова Ф.А.,
Хасанова О.А., Дилрабои О.**

ПРАКТИКУМ ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Душанбе -2023

ББК

Печатается по решению научно-методического совета ТНУ.

**Нагзибекова М.Б., Рахимова Р.Д., Собирова Ф.А., Хасанова О.А.,
Дилрабои О.**

ПРАКТИКУМ ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ. - Душанбе, 2023

Учебное пособие составлено на материале произведений русской литературы XIX и XX вв. и предназначено для студентов 1 и 2 курсов. Составители пособия сохраняли оригинальность авторского текста, адаптация производилась путем сокращения текста.

Цель пособия - развитие навыков чтения, навыков устной речи, расширение и обогащение словарного запаса, а также ознакомление с русской культурой.

Тексты снабжены краткими вступительными статьями, содержащими сведения о писателе и послетекстовыми заданиями, цель которых - проверка понимания содержания текста, обучение монологическому высказыванию, умение выражать собственное суждение о прочитанном.

Оглавление

Введение	7-9
Горький М. «Старуха Изергиль»	10-16
Толстой А. «Русский характер», «Петр Первый»	17-31
Шукшин В.М. «Сельские жители», «Чудик»	32-47
Паустовский К.Г. «Заячьи лапы», «Снег»	48-60
Куприн А.И. «Гранатовый браслет»	60-64
Зощенко М. «Не надо иметь родственников»	65-70
Шолохов М. А. «Судьба человека».....	71-80
Полевой Б.Н. «Повесть о настоящем человеке».....	80-86
Распутин В.Г. «Уроки французского».....	87-93
Троепольский Г.Н. «Белый Бим Черное ухо».....	93-98
Блок А.....	98-103
Ахматова А.....	103-108
Есенин С.....	108

ПРЕДИСЛОВИЕ

Согласно учебному плану для групп студентов, закончивших школы с таджикским языком обучения, введён практический курс по русскому языку и литературе.

Задача данных дисциплин состоит в том, чтобы подготовить студентов к изучению университетских курсов по русской филологии, вооружить их практическими навыками и знаниями, необходимыми для самостоятельной работы с учебной, научно- методической литературой по своей специальности, а также для свободного усвоения идейно-художественного содержания литературных произведений и критических статей на русском языке с осмысленным восприятием выразительных средств, смысловых оттенков речи, эмоциональной окраски и стилистических особенностей языка.

Трудность разработки единых методических принципов проведения практических занятий по русской литературе состоит в неоднородности уровня подготовки студентов: некоторые из них в какой-то степени владеют русским языком и имеют определённый запас знаний по русской литературе, другие же не обладают элементарной подготовкой по школьной программе.

для выработки у студентов требуемых знаний, навыков и умений. Отобранный материал, освещение его, комментарии к текстам и задания для самостоятельной работы студентов- всё рассчитано на вдумчивую, кропотливую, систематическую работу студентов при постоянном внимании, руководстве и контроле преподавателя.

Курс практических занятий по русской литературе строится на сочетании двух основных форм работы со студентами:

1. Изучение учебного материала в процессе аудиторных занятий с преподавателем (на материале прозаических произведений малого жанра и стихотворных произведений).

2. Самостоятельной работы студентов под руководством преподавателя (в виде домашних заданий и их проверки: чтение текстов, написание различных видов письменных работ, заучивание наизусть стихотворений, выполнение заданий и упражнений по тексту, работы с новыми, неизвестными словами т.д)

Проведение рейтингового контроля по данному курсу позволит установить эффективность занятий, даст возможность обоснованно судить о сделанном и наметить планы дальнейшей работы по курсу.

ВВЕДЕНИЕ

В наши дни слово литература имеет два основных значения. В широком смысле литературой называют все печатные и письменные произведения самого разнообразного содержания.

В узком и специальном значении слово «литература» обозначает художественную литературу, т.е. один из видов искусства. Чтобы читать художественную литературу, недостаточно быть только грамотным.

Вспомним, что писал Горький о том, как начиналось его сознательное чтение художественной литературы: «Читать сознательно я научился, когда мне было лет четырнадцать. В эти годы меня увлекала уже не одна только фабула книги - более или менее интересное развитие изображаемых событий, - но я начал понимать красоту описаний, задумываться над характеристикой действующих лиц, смутно догадываться о целях автора и тревожно чувствовал различие между тем, о чём говорила книга, и тем, что внушала жизнь».

Литература отражает жизнь в художественной, образной форме, в живых картинах действительности.

Пис

ли внимание на тот факт, что в литературных произведениях разных писателей можно найти некоторые сходства. Как тут разобраться? Как научиться «узнавать» писателей и поэтов по художественному тексту? У каждого творца, в том числе и писателя свой почерк, художественный почерк. Существует специальная наука – теория литературы или литературоведение. Знать основные понятия (термины) этой науки необходимо, если вы хотите научиться глубоко понимать литературное произведение, судить о его достоинствах и слабых сторонах, иметь своё собственное представление о писателе.

Вот вы берете в руки книгу, начинаете листать и сразу определяете жанр произведения. Если перед вами прозаическое произведение, то это может быть рассказ, новелла, повесть, роман. Если же перед вами стихотворный художественный текст, то это может быть стихотворение,

басня, ода, поэма и другое. От того насколько точно вы определите жанр, зависит правильность понимания текста произведения.

Итак, жанр - это термин теории литературы, которым чаще всего

В литературном произведении, если оно прозаическое, всегда идет речь о событиях. В стихотворном произведении мы тоже знакомимся с событиями, но по-особенному, если произведение очень короткое. Иногда в стихотворном произведении рассказывается о чувстве, а не о событии. Вернее, сильное и красивое чувство само по себе событие. Ход событий может излагаться автором в определенной последовательности и образовывать сюжетную линию. В крупных литературных произведениях бывает несколько сюжетных линий со своими литературными героями. Сюжетные линии могут пересекаться, а могут и нет. Все это зависит от темы, и идеи произведения и художественного замысла автора.

Итак, сюжет - это ход событий в произведении в последовательности, которую определил автор. События могут размещаться в сюжете последовательно, а могут и не последовательно.

Внутри любого литературного произведения действует один и тот же закон построения всех частей и связи их между собой - это композиция.

Итак, композиция - это построение художественного произведения особая группировка образов героев, их связей и отношений

Итак, художественный образ это создание писателя, в котором определяется его жизненный опыт, идеалы, вкусы, мировоззрение.

Образ героя произведения может иметь воспитательное значение, он всегда принадлежит определенной эпохе, стране, нации.

Вы, конечно, не раз обращали читательское внимание на то, что в повести, поэме, романе и т.д. разные герои как бы говорят на

индивидуальных языках. Это не случайно. Ведь в жизни тоже речь отдельного человека зависит от его образования, культуры, профессии и других характеристик.

Язык произведения определяется задачами, которые стоят перед писателем. Через язык писатель добивается индивидуальной характеристики героев. Анализ языка писателя является обязательным условием при изучении художественного произведения.

Мы остановились лишь на самых основных литературных понятиях, без которых невозможно сколько-нибудь правильно разобраться в художественном тексте при изучении. Но наука теории литературы - это огромный раздел знания, который может открыться каждому, кто заинтересуется.

Часть I. Русская литература XXв.

А.М.Горький
(1868-1936)

Биография Алексея Максимовича Пешкова (Максима Горького) так наполнена неожиданными событиями, так непохожа на традиционный жизненный путь писателя, что изучать ее можно только отдельными периодами, очень отличающимися друг от друга. Одно только остается без изменений - это величайший писатель XX века, заслуживший мировую славу. Все творчество Горького от его рассказов до пьес и романов, посвящено решению проблемы свободы личности или ее несвободы. Такая тема во многом определилась личной судьбой писателя. С одиннадцати лет он сам зарабатывал себе на жизнь, живя "в людях". Он пешком исходил много дорог России, побывал в разных краях, повидал множество людей, познакомился и подружился с выдающимися людьми, прежде всего писателями. Горький всегда был в гуще общественных событий. Писатель активно пополнял свои знания через самообразование. Всю жизнь содействовал просвещению, основал издательство "Всемирная литература".

Ранний период творчества Горького получил название романтического. Он дал замечательные произведения, которые принесли писателю широкую известность. Это рассказы «Макар Чудра», «Песня о Соколе», пьесы «На дне», «Егор Булычев и

др», романы «Мать», «Дело Артамоновых, «Фома Гордеев»» и др. Среди них и рассказ "Старуха Изергиль". В этом произведении показаны исключительные люди.

Один из них - красивый, смелый Данко. Он совершает подвиг ради своего народа, отдает свою жизнь. Старуха Изергиль рассказывает легенду о Данко и о том, что память и благодарность людей бывает разной.

СТАРУХА ИЗЕРГИЛЬ (Отрывки)

Жили на земле в старину одни люди, непроходимые леса окружали с трёх сторон таборы этих людей, а с четвёртой – была степь. Были это весёлые, сильные и смелые люди. И вот пришла однажды тяжелая пора: явились откуда-то иные племена и прогнали прежних в глубь леса. Там были болота и тьма, потому что лес был старый, и так густо переплелись его ветви, что сквозь них не видать было неба, и лучи солнца едва могли пробить себе дорогу до болот сквозь густую листву. Но когда его лучи падали на воду болот, то подымался смрад (отвратительный запах), и от него люди гибли один за другим. Тогда стали плакать жёны и дети этого племени, а отцы задумались и впали в тоску. Нужно было уйти из этого леса, и для того были две дороги: одна – назад, - там были сильные и злые враги, другая – вперёд, - там стояли великаны-деревья, плотно обняв друг друга могучими ветвями, опустив узловатые корни глубоко в цепкий ил болота. Эти каменные деревья стояли молча и неподвижно днём в сером сумраке и ещё плотнее сдвигались вокруг людей по вечерам, когда загорались костры. И всегда, днём и ночью, вокруг тех людей было кольцо крепкой тьмы, оно точно собиралось раздавить их, а они привыкли к степному простору. А еще страшней было, когда ветер глухо гудел точно грозил и пел похоронную песню тем людям. Это были всё-таки сильные люди, и могли бы они биться насмерть с теми,

что однажды победили их, но они не могли умереть в боях, потому что у них были заветы, и коли б умерли они, то пропали б с ними из жизни и заветы. И потому они сидели и думали в длинные ночи, под глухой шум леса, в ядовитом смраде болота. Они сидели, а тени от костров прыгали вокруг них в безмолвной пляске, и всем казалось, что это не тени пляшут, а торжествуют злые духи леса и болота... Люди всё сидели и думали. Но ничто – ни работа, ни женщины не изнуряют (доводят до полного утомления) тела и души людей так, как изнуряют тоскливые думы. И ослабли люди от дум... Страх родился среди них, сковал им крепкие руки, ужас родили женщины плачем над трупами умерших от смрада и над судьбой скованных страхом живых, - и трусливые слова стали слышны в лесу, сначала робкие и тихие, а потом всё громче и громче... Уже хотели идти к врагу и принести в дар ему волку свою, и никто уже, испуганный смертью, не боялся рабской жизни... Но тут явился Данко и спас всех один»...

Повёл их Данко. Дружно все пошли за ним – верили в него. Трудный путь это был! Темно было, и на каждом шагу болото раззевало свою жадную пасть, глотая людей, и деревья заступали дорогу могучей стеной. Переплелись их ветки между собой; как змеи, протянулись всюду корни, и каждый шаг много стоил пота и крови тем людям. Долго шли они... Всё гуще становился лес, всё меньше сил. И вот стали роптать (выражать недовольство) на Данко, говоря, что напрасно он, молодой и неопытный, повёл их куда-то. А он шёл впереди их и был бодр и ясен.

Но однажды гроза грянула над лесом, зашептали деревья глухо, грозно. И стало тогда в лесу так темно, точно в нём собрались сразу все ночи, сколько их было на свете с той поры, как он родился. Шли маленькие люди между больших деревьев и в грозном шуме молний, шли они, и, качаясь, великаны-деревья скрипели и гудели сер-

дитые песни, а молнии, летая над вершинами леса, освещали его на минутку синим холодным огнём и исчезали так же быстро, как являлись, пугая людей. И деревья, освещенные холодным огнём молний, казались живыми, простирающимися вокруг людей, уходивших из плена тьмы, корявые, длинные руки, сплетая их в густую сеть, пытаясь остановить людей. А из тьмы ветвей смотрело на идущих что-то страшное, тёмное, холодное. Это был трудный путь, и люди, утомленные им, падали духом (впали в уныние, отчаяние). Но им стыдно было сознаваться в бессилии, и вот они в злобе и гнев обрушились на Данко, человека, который шёл впереди их. И стали они упрекать его в неумении управлять ими, - вот как!

- Ты умрёшь! Ты умрёшь – ревели они.

А лес всё гудел и гудел, вторя их крикам, и молнии разрывали тьму в клочья. Данко смотрел на тех, ради которых он понёс труд и видел, что они – как звери. Много людей стояло вокруг него, но не было на лицах их благородства, и нельзя было ждать ему пощады от них. Тогда и в его сердце вскипело негодование, но от жалости к людям оно погасло. Он любил людей и думал, что, может быть, без него они погибнут. И вот его сердце вспыхнуло огнём желания спасти их, вывести на лёгкий путь, и тогда в его очах засверкали лучи того могучего огня...

- Что сделаю я для людей?! – сильнее грома крикнул Данко.

И вдруг он разорвал руками себе грудь и вырвал из неё своё сердце и высоко поднял его над головой.

Оно пылало так ярко, как солнце, и ярче солнца, и весь лес замолчал, освещённый этим факелом любви к людям, а тьма разлетелась от света его и там, глубоко в лесу, дрожащая, пала в гнилой зев болота. Люди же, изумленные, стали как камни.

-Идём! – крикнул Данко и бросился вперёд на своё место, высоко держа горящее сердце и освещая им путь людям.

Они бросились за ним, очарованные. Тогда лес снова зашумел, удивлённо качая вершинами, но его шум был заглушён топотом бегущих людей. Все бежали быстро и смело, увлекаемые чудесным зрелищем горящего сердца. И теперь гибли, но гибли без жалоб и слёз. А Данко всё был впереди, и сердце его всё пылало, пылало!

И вот вдруг лес расступился перед ним, расступился и остался сзади, плотный и немой, а Данко и все те люди сразу окунулись в море солнечного света и чистого воздуха, промытого дождём. Гроза была – там, сзади них, над лесом, а тут сияло солнце, вздыхала степь, блестела трава в брильянтах дождя и золотом сверкала река... Был вечер, и от лучей заката река казалась красной, как та кровь, что была горячей струёй из разорванной груди Данко.

Кинул взор вперёд себя на ширь степи гордый смельчак Данко, - кинул он радостный взор на свободную землю и засмеялся гордо. А потом упал и – умер.

Люди же, радостные и полные надежд, не заметили смерти его и не видели, что ещё пылает рядом с трупом Данко его смелое сердце. Только один осторожный человек заметил это и, боясь чего-то, наступил на гордое сердце ногой... И вот оно, рассыпавшись в искры, угасло...».

Вопросы и задания

1. От чего спас свой народ Данко?
2. Какие отрицательные черты проявились в людях в трудных условиях и почему они начали роптать на Данко?
3. Покажите на примере из текста, что смелый поступок Данко имел подражательное значение для людей.
4. Что нужно для того, чтобы люди поверили тому человеку, который хочет для них добра?

5. Почему перед смертью Данко гордо рассмеялся?
6. Дайте свою характеристику "осторожному" человеку. Какое чувство двигало этим человеком, когда он наступил на "гордое сердце" ногой?
7. Почему Горький не показал, как люди прославили Данко за его подвиг?
8. Что победил Данко: природные силы или человеческую слабость?
9. Найдите в тексте пример, когда картины природы соответствуют состоянию людей, когда контрастируют с ними.
10. Какие эпитеты характеризуют Данко?
11. Дайте речевую характеристику образу Данко.
12. Какой вывод можно заключить из легенды о Данко? (Письменно)

Эпитет - это особое определение с помощью которого передается впечатление, чувство, переживание, характеристика.

Лексическая работа

Как вы понимаете следующие слова и выражения:

Падать духом, принести в дар, впадать в тоску, великаны-деревья, биться на смерть, сознаться в бессилии, смельчак, топот, человеческая фантазия, свобода личности, исключительные люди

Объясните значение пословицы: «Не своротить камня с пути думую»

СЛОВАРНАЯ РАБОТА

- **Судьба** – сарнавишт, такдир, қисмат
- **Просвещение** – маориф, маърифат
- **Романтик** – хаёлпараст
- **Подвиг** – диловарӣ, қаҳрамонӣ, қорнома
- **Легенда** – афсона, ривоят, достон, қисса
- **В старину** – дар замони қадим

- **Табор** – хаймалок
- **Степь** – дашт, кўл
- **Племена** – қабила, тоифа, қавм
- **Прежний** – пеш, собиқ, пештара
- **Болото** – ботлоқ
- **Ил** – лойқа
- **Сумрак** – нимториқӣ
- **Завет** – васият
- **Смрад** – бадбуй, буи бад
- **Сковывать** – куфта сохтан, кўфта пайванд кардан
- **Ужас** – даҳшат, ваҳм
- **Труп** – қасад, мурда
- **Напрасно** – беҳуда, бефоида
- **Бодрый** – рӯҳбаланд, зиндадил
- **Ясный** – соф, тоза
- **Шептаться** – ба ҳамдигар пичиррос задан
- **Утомлённый** – хаста, шалпар
- **Гнев** – ғазаб, хашм, қаҳр

А.Н. Толстой (1883-1945)

Алексей Николаевич Толстой принадлежит к тем писателям, для которых на протяжении всего творчества главной оставалась русская тема, русский национальный характер. В художественных поисках писатель обращался и к современности, и к истории. Им написан лучший исторический роман в русской литературе 20-го века – «Петр Первый»

Толстой писал в разных жанрах: рассказы, романы, автобиографические повести, фантастические романы, детские сказки.

Первые его произведения - рассказы. В них он писал о доброте человеческой, о сострадании и о прекрасном чувстве - человеческой любви.

Писатель прошёл со своим народом все испытания. Участвовал в боевых действиях на фронтах в первой мировой войне, приветствовал Февральскую и Октябрьскую революцию. Ожидал от Октябрьской революции освобождение народа, но увидев злость, ненависть, жестокость покидает Россию и эмигрирует в Париж.

В 1923 г. возвращается на Родину.

Роман «Петр Первый» остался незаконченным. Над его третьей книгой писатель работал до конца жизни. В петровской теме писателя прежде всего интересовало время, представляющее важнейший «узел русской жизни». Петр первый - центральный

герой, которого Толстой показывает на протяжении 25 лет. Начав показ героя с детства и ранней молодости, писатель переходит к изображению Петра Первого как преобразователя, полководца, основателя Петербурга.

Заслужой Толстого следует считать умение показать Петра Первого как первого императора России во всем величии власти и как простого человека, который, как все, переживает события своей личной жизни. Через трудное становление личности царя – реформатора показана в романе историческая судьба России.

Ему удалось познакомиться с подлинными историческими документами, письмами, воспоминаниями современников Петра. Содержание романа соотносится с действительно важнейшими моментами отечественной истории конца XVII - начала XVIII в., такими как восстание стрельцов в Москве в 1672 г., смерть царя Фёдора и правление Софьи венчание на престол юного Петра, Крымская война с татарами, битва за Азов, победа российской армии над шведами и основание Петербурга. В романе отражена молодость, становление, первые шаги могучего русского государства при Петре I.

Когда Петр I должен был объявлен царём, он был ещё мал и вместо него правила его сестра Софья. Россия того времени представляла собой отсталую во всех отношениях страну. Петру I предстояло много сделать, чтобы сдвинуть Россию с этой нищеты и отсталости: сплошная безграмотность, нет специалистов, чтобы могла заработать промышленность.

Пётр I принимается за реформы в области образования, науки, промышленности, быта. Посылает на учёбу за границу детей способных, а не сынков высокопоставленных лиц. Пётр понимал, что надо открывать дорогу на Запад, но в России нет флота и Пётр едет в Голландию смотреть как строят корабли и приходит к выводу, что это можно осилить и в России. И сам принимает активное участие в строительстве российского флота.

И хотя при Петре I Россия стала развиваться, не надо забывать, что Пётр как и любой другой царь - тиран.

Книги, написанные Толстым с интересом читаются и сегодня. Это сборник рассказов о Великой Отечественной войне «Рассказы Ивана Сударева», роман-эпопея «Хождение по му-

кам», исторический роман «Пётр Первый». С именем Толстого связано рождение новых форм русского романа – «Аэлита», «Гиперболоид инженера Гарина» и др.

СЛОВАРНАЯ РАБОТА:

- **Размах** – кулочкашӣ.
- **Предшественники** - пешгузашта, пешина, собик
- **Отражать** – инъикос кардан
- **Эпоха** – давр, давра
- **Подлинный** – ҳақиқатан, дар ҳақиқат
- **Соответствовать** – мувофиқ, (муносиб) будан
- **Могучий** – тавоно, қави, зӯр, боқувват.
- **Отсталость** – оқибмондаги, қафомондаги, пасмондаги.
- **Сплошная безграмотность** – пурра бесаводи.
- **Ремарка** – тавзеҳ, қайд, эзоҳ.
- **Быт** - ҳаёт, зиндаги, тарзист.
- **Способность** – қобилият.
- **Высокопоставленные лица** - одамони
- **Осилить** – даст боло шудан, ғолиб баромадан, зӯр овардан.
- **Активное участие** - фаъолона иштирок кардан
- **Неограниченная власть** – ҳокимиятӣ ғайримахдуд.
- **Казнь** – қатл кардан, куштан.
- **Тиран** – золим, ситамгор, ҳокими бедодгар.
- **Страдать** – азоб دیدан, чафс кашидан, алам кашидан, ранҷ бурдан.

А.Н.Толстой

«РУССКИЙ ХАРАКТЕР»

Русский характер! – для небольшого рассказа название слишком многозначительное. Что поделаешь – мне именно и хочется поговорить с вами о русском характере.

...Приятель мой, Егор Дремов, и до войны был строгого поведения, чрезвычайно уважал и любил мать, Марью Поликарповну, и отца своего, Егора Егоровича. «Отец мой - человек степенный, первое – он себя уважает. Ты, говорит, сынок, многое увидишь на свете, и за границей побываешь, но русским званием – гордись...».

Так воевал лейтенант Егор Дремов, покуда не случилось с ним несчастье. Во время Курского побоища, когда немцы уже истекали кровью и дрогнули, его танк – на бугре, на пшеничном поле – был подбит снарядами, двое из экипажа тут же были убиты, от второго снаряда танк загорелся. Водитель Чувилев, выскочивший через передний люк, опять взобрался на броню и успел вытащить лейтенанта, - он был без сознания, комбинезон на нём горел. Едва Чувилев оттащил лейтенанта, танк взорвался с такой силой, что башню отшвырнуло метров на пятьдесят. Чувилев кидал пригоршнями рыхлую землю на лицо лейтенанта, на голову, на одежду, чтобы сбить огонь. Потом пополз с ним от воронки к воронке на перевязочный пункт... «Я почему его тогда поволок? – рассказывал Чувилев, - слышу, у него сердце стучит...»

Егор Дремов выжил и даже не потерял зрение, хотя лицо его было так обуглено, что местами виднелись кости. Восемь месяцев он пролежал в госпитале, ему делали одну за другой пластические операции, восстановили и нос, и губы, и веки, и уши. Через восемь месяцев, когда были сняты повязки, он взглянул на своё и теперь не на своё лицо. Медсестра, подавшая ему маленькое зеркальце, отвернулась и заплакала. Он тотчас ей вернул зеркальце.

- Бывает хуже, - сказал он, - с этим жить можно.

Но больше он не просил зеркальце у медсестры, только часто ощупывал своё лицо, будто привыкал к нему. Комиссия нашла его годным к нестроевой службе. Тогда он пошёл к генералу и сказал: «Прошу вашего разрешения вернуться в полк». - «Но вы же инвалид», - сказал генерал. «Никак нет, я урод, но это делу не помешает, боеспособность восстановлю полностью». (То, что генерал во время разговора старался не глядеть на него, Егор Дремов отметил и только усмехнулся лиловыми, прямыми, как щель, губами.) Он получил двадцатидневный отпуск для полного восстановления здоровья и поехал домой к отцу с матерью. Это было как раз в марте этого года.

В село он пришёл, когда уже были сумерки. Отсюда шестая изба - родительская. Он вдруг остановился, засунув руки в карманы. Покачал головой. Свернул наискосок к дому. Увязнув по колено в снегу, нагнувшись к окошечку, увидел мать, - при тусклом свете привернутой лампы, над столом, она собирала ужинать. Всё в том же тёмном платке, тихая, неторопливая, добрая. Постарела, торчали худые плечи... «Ох, знать бы, - каждый бы день ей надо было писать о себе хоть два словечка...» Собрала на стол нехитрое, - чашку с молоком, кусок хлеба, две ложки, солонку и задумалась, стоя перед столом, сложив худые руки под грудью...

Егор Дремов, глядя в окошечко на мать, понял, что невозможно её испугать, нельзя, чтобы у неё отчаянно задрожало старенькое лицо.

Ну, ладно! Он отворил калитку, вошёл во дворик и на крыльце постучался. Мать откликнулась за дверью: «Кто там?» Он ответил: «Лейтенант, Герой Советского Союза Громов».

У него так заколотилось сердце – привалился плечом к притолоке. Нет, мать не узнала его голоса. Он и сам, будто в первый раз, услышал свой голос, изменившийся после всех операций, - хриплый, глухой, неясный.

- Батюшка, а чего тебе надо-то? – спросила она.

-Марье Поликарповне привёз поклон от сына, старшего лейтенанта Дремова.

Тогда она отворила дверь и кинулась к нему, схватила за руки:

- Жив, Егор-то мой? Здоров? Батюшка, да ты зайди в избу.

Егор Дремов сел на лавку у стола на то самое место, где сидел, когда ещё у него ноги не доставали до полу и мать, бывало, погладив его по кудрявой головке, говорила: «кушай, касатик». Он стал рассказывать про её сына, про самого себя, - подробно, как он ест, пьёт, не терпит нужды ни в чём, всегда здоров, весел, и – кратко о сражениях, где он участвовал со своим танком.

-Ты скажи – страшно на войне-то? – перебивала она, глядя ему в лицо тёмными, его не видящими глазами.

-Да, конечно, страшно, мамаша, однако – привычка.

Пришёл отец, Егор Егорович, тоже сдавший за эти годы, - бородку у него как мукой осыпало. Поглядывая на гостя, потопал на пороге разбитыми валенками, не спеша размотал шарф, снял полушубок, подошёл к столу, поздоровался за руку, - ах, знакомая была, широкая, справедливая родительская рука! Ничего не спрашивая, потому что и без того было понятно – зачем здесь гость в орденах, сел и тоже начал слушать, полуприкрыв глаза.

Спать ему отвели на печке, где он помнил каждый кирпич, каждую щель в бревенчатой стене, каждый сучок в потолке. Пахло овчиной, хлебом – тем родным уютом, что не забывается и в смертный час. Мартовский ветер по-свистывал над крышей. За перегородкой похрапывал отец. Мать ворочалась, вздыхала, не спала. Лейтенант лежал ничком, лицо в ладони: «Неужто так и не признала, - думал, - неужто не признала? Мама, мама...»

Наутро он проснулся от потрескивания дров, мать осторожно возилась у печи: на протянутой верёвке висели его выстиранные портянки, у двери стояли вымытые сапоги.

-Ты блинчики пшеничные ешь? – спросила она.

Он не сразу ответил, слез с печи, надел гимнастёрку, затянул пояс и – босой – сел на лавку.

- Скажите, у вас в селе проживает Катя Малышева?

- Она в прошлом году курсы окончила, у нас учительницей. А тебе её повидать надо?

- Сынок ваш просил непременно ей передать поклон.

Мать послала за ней соседскую девочку. Лейтенант не успел и обуться, как прибежала Катя Малышева. Широкие серые глаза её блестели, брови изумлённо взлетали, на щеках – радостный румянец. Когда откинула с головы на широкие плечи вязаный платок, лейтенант даже застонал про себя: поцеловать бы эти тёплые светлые волосы!... Только такой представлялась ему подруга, свежа, нежна, весела, добра, красива так, что вот вошла, и вся изба стала золотая...

Вы привезли поклон от Егора? (Он стоял спиной к свету и только нагнул голову, потому что говорить не мог). А уж я его жду и день и ночь, так ему и скажите...

Она подошла близко к нему. Взглянула, и будто её слегка ударили в грудь, откинулась, испугалась. Тогда он твёрдо решил уйти, - сегодня же.

Мать напекла пшённых блинов с топлёным молоком. Он опять рассказывал о лейтенанте Дрёмове, на этот раз о его воинских подвигах, - рассказывал жестоко и не поднимал глаз на Катю, чтобы не видеть на её милом лице отражения своего уродства. Егор Егорович захолопотал было, чтобы достать колхозную лошадь, - но он ушёл на станцию пешком, как пришёл. Он был очень угнетён всем происшедшим, даже, останавливаясь, ударял ладонями себе в лицо, повторял сильным голосом: «Как же быть-то теперь?»

Он вернулся в свой полк, стоявший в глубоком тылу на пополнении. Боевые товарищи встретили его такой искренней радостью, что у него отвалилось от души то, что не давало ни спать, ни есть, ни дышать. Решил так, - пускай мать подольше не знает о его несчастье. Что же касается Кати, - эту занозу он из сердца вырвет.

Недели через две пришло от матери письмо:

«Здравствуй, сынок мой ненаглядный. Боюсь тебе и писать, не знаю, что и думать. Был у нас один человек от тебя, - человек очень хороший, только лицом дурной. Хотел пожить, да сразу собрался и уехал. С тех пор, сынок, не сплю ночи, - кажется мне, что приезжал ты. Егор Егорович бранит меня за это, - совсем, говорит, ты, старуха, свихнулась с ума: был бы он наш сын – разве бы он не открылся... Чего ему скрываться, если это был бы он, - таким лицом, как у этого, кто к нам приезжал, гордиться нужно. Уговорит меня Егор Егорович, а материнское сердце – всё своё: он это, он был у нас!... Человек этот спал на печи, я шинель его вынесла на двор – почистить, да припаду к ней, да заплачу, - он это, его это! Егорушка, напиши мне, Христа ради, надоумь ты меня, - что было? Или уж вправду – с ума я свихнулась...»

Он в тот же день написал письмо: «Дорогие мои родители, Марья Поликарповна и Егор Егорович, простите меня за невежество, действительно у вас был я, ваш сын...» И так далее, и так далее – на четырёх страницах мелким почерком, - он бы и на двадцати страницах написал – было бы можно.

Спустя некоторое время стоим мы с ним на полигоне, прибегает солдат и – Егору Дрёмову: «Товарищ капитан, вас спрашивают...» Выражение у солдата такое, хотя он стоит по всей форме, будто человек собирается выпить. Мы пошли в посёлок, подходим к избе, где мы с Дрёмовым жили. Вижу – он не в себе, - всё покашливает... Думаю: «танкист, танкист, а - нервы». Входим в избу, он – впереди меня, и я слышу:

«Мама, здравствуй, это я!...» И вижу – маленькая старушка, припала к нему на грудь. Оглядываюсь, тут, оказывается, и другая женщина. Даю честное слово, есть где-нибудь ещё красавицы, не одна же она такая, но лично я – не видал.

Он оторвал от себя мать, подходит к этой девушке, - а я уже понимал, что всем богатырским сложением это был

бог войны. «Катя! – говорит он, - Катя, зачем вы приехали? Вы того обещали ждать, а не этого...»

Красивая Катя ему отвечает, - а я хотя ушёл в сени, но слышу: «Егор, я с вами собралась жить навек. Я вас буду любить верно, очень буду любить... Не отсылайте меня...»

Да, вот они, русские характеры! Кажется, прост человек, придёт суровая беда, в большом или в малом, и поднимается в нём великая сила – человеческая красота.

СЛОВАРНАЯ РАБОТА:

- **Многозначительный** – пурмаъно, пурмазмун.
- **Растеряться** - худро гум кардан, гаранг шудан.
- **Предпочесть** – афзал, (бехтар) донистан.
- **Приятель** – дӯст, рафиқ, ошно.
- **Броня** – чизҳои чанги, чавшан.
- **Шлем** – хӯд, тосхулоҳ, кулавххӯд.
- **Влажный** – тар, зах, мартуб.
- **Кудри** – мӯи чинчала, (фатила, марғула.)
- **Чумазый** – Чиркин, олуда, ифлос.
- **Изъян** – нуқсон, айб, камбуди, иллат.
- **Степенный** – бофиқор, ботамкин, вазнин.
- **Стужа** – хъунукӣ, сарди, сармо, қахратун.
- **Неохота** – набудани майлу хоҳиш, бемайли, беҳавсалағӣ, берағбатӣ.
- **Нахмуриться** – абру чин кардан, қавоқ кардан.
- **Пластическая операция** – қароҳии пластики.
- **Урод** – зиштрӯ, маслуқ, бадафт, баднамо, хунукбашара.
- **Журавль** – куланг, турна.
- **Тусклый** – тира, хира.
- **Отчаянье** – ноумедӣ, маъюсӣ, ноилоҷӣ.
- **Калитка** – дариҷа.
- **Крыльцо** – зинаи пеши дари даромад, айвончаи дари даромад.

- **Поклон** – таъзим, салом.

Вопросы и задания:

2. Что вы знаете об А.Н.Толстом?
3. Кто такой Егор Дрёмов?
4. Расскажите о внешности Егора Дрёмова до войны?
5. Какая беда (несчастье) случилась с Егором Дрёмовым?
6. О чём говорит поступок Егора Дрёмова, когда он решает вернуться в полк?
7. Найдите в тексте эпизоды, говорящие о том, что лицо Дрёмова стало уродливым?
8. Какой видит Егор свою мать, когда приезжает в отпуск и о чём думает в это время?
9. Почему Дрёмов называет матери чужое имя, а не свое?
10. Что вы можете рассказать о родителях Егора?
11. О чём говорят строки «бородку у него словно мукой посыпало...».
12. Как поступил Дрёмов после встречи с Катей и почему?
13. К кому можно отнести слова автора «Да вот они, русские характеры»!
14. Чему учит нас рассказ?
15. Найти в тексте просторечные слова?
16. Определить тему рассказа.
17. Какова идея рассказа.
18. Письменная работа: «Они сражались за Родину».

А.Н.Толстой

ПЁТР ПЕРВЫЙ (Отрывки)

Прошло два года. Кто горланил – прикусил язык, кто смеялся – примолк. Большие и страшные дела случились за это время. Западная зараза неудержимо проникала в дремотное бытиё. Глубже в нём обозначились трещины, дальше расходились непримиримые силы.

Боярство и поместное дворянство, духовенство и стрельцы страшились перемен, ненавидели быстроту и жестокость всего вводимого...

Но те, кто хотел перемен, кто заморожено тянулся к Европе, чтобы крупинку хотя бы познать от золотой пыли, окутывающей западные страны, - говорили, что в молодом царе не ошиблись: он оказался именно таким человеком, которого ждали. От беды и позора под Азовом кукуйский кутилка сразу возмужал, неудача бешеными удилами взнуздала его. Даже близкие не узнавали, - другой человек: зол, упрям, деловит.

После азовского невзятия он только показался в Москве и тотчас уехал в Воронеж. Туда со всей России начали сгонять рабочих и ремесленников. По осенним дорогам потянулись обозы. В лесах закачались под топорами вековые дубы. Строились верфи, амбары, бараки. Два корабля, двадцать три галеры и четыре брандера заложили на стапелях. Зима выпала студёная. Всего не хватало. Люди гибли сотнями. Во сне не увидеть такой неволи, бежавших – ловили, ковали в железо.

Трудно начинался новый, семнадцатый век. И всё же к весне флот был построен. Были подготовлены большие запасы продовольствия. В мае месяце Пётр на новой галере во главе флота появился под Азовом. Турки, обложенные с моря и суши, оборонялись отчаянно, отбили все штурмы. Когда вышел весь хлеб и весь порох, сдались на

милость. Три тысячи янычар с беем покинули разрушенный Азов.

В первую голову это была победа над своими. Торжественно возвращались войска в Москву. По этому случаю были возведены триумфальные ворота. Войска прошли через Москву в Преображенское.

Боярская дума, на которой присутствовали, вопреки древнему обычаю, иноземцы, военные, инженеры, приговорила восстановить разрушенный Азов, строить корабли. Кроме того, Пётр велел боярам приговорить особую подать на постройку канала Волга-Дон и начать рыть этот канал немедленно. Развели руками и без спора приговорили.

А вскоре безо всякого боярского приговора был передан царский указ пятидесяти лучшим московским дворянам, чтоб собирались за границу – учиться математике, фортификации, кораблестроению и прочим наукам. К каждому был приставлен солдат для услуг, и поехали они по весенней распутице в чужедальние страны.

После бани Пётр сидел за столом у Меншикова. Здесь собрались люди, как знатные, так и новые, - те, что по указанию царя: «отныне знатность по годности считать» - одним талантом своим выбились из курной избы, переобули лапти на кожаные башмаки.

Когда гости стали говорить все враз, Пётр встал из-за стола и вышел на крыльцо. Влетел в ноздри остро пахучий, мягкий ветер. От стены дома отделился какой-то человек без шапки, в армяке, в лаптях, опустил на колени.

- Великий государь, сказал человек тихим, проникающим голосом, - бьёт тебе челом Андрюша Голиков ... Погибаю, государь, смилуйся...

- От работы бегаешь? Болен?

- Здоров я, государь, от работы не бегаю... Государь, сила чудная во мне пропадает... Живописец есмь – из Палехи. Могу портреты рисовать, как бы живые лица чело-

вечьи... Могу писать морские волны и корабли... Красок, кистей нет, так я углём на штукатурке.

- Пётр Алексеевич сказал коротко: «Покажи!» и пошёл в указанном направлении, Андрей рысцой поспевал за ним.

Миновали площадь и вошли в низенький домик. Человек двадцать спали на нарах. Голый по пояс, большебродячий человек перед горячей лучиной латал рубаху. Он не удивился, увидев царя.

- Жалуйся! Отрывисто сказал Пётр. – Еда плохая?

- Плохая, государь, - ответил человек просто, ясно. А ты посмотри, какой хлеб дают. – Мужик достал из-под полушубка кусок чёрного хлеба. – Плесень.

Пётр взял заплесневелый кусок, разломил, понюхал, сунул в карман. Собрался было уходить, но вспомнил зачем пришёл.

- Ну, богомаз, показывай...

На части стены, тщательно побеленной, тонким углём были изображены на завитых пеной волнах шведские корабли в пушечном дыму, окруженные лодками, с которых русские солдаты лезли на abordаж. Пётр Алексеевич присмотрелся и узнал Алексашку с пистолетом и шпагой и себя, стоящего на носу лодки...

- Ну и ну! Откуда же ты знаешь про эту викторию?

- Я тогда на твоей лодке был, гребцом...

- Эдак я тебя, пожалуй, в Голландию пошлю – учиться. Не сопьёшься? А то я вас знаю, дьяволов... Пётр Алексеевич вернулся в дом. Свечи догорали. Гости сильно уже подвыпили. Один Александр Данилович был ясен. У царя подёргивался уголок рта.

- На, закуси! – вдруг крикнул он Меншикову, хватывая из кармана кусок заплесневелого хлеба. – Закуси вот этим! Дерьмом людей кормишь! Ешь!

СЛОВАРНАЯ РАБОТА

- **Неудержимо** – боздошта нашаванда, беихтиёр (она), якбора, беист
- **Бояре** – боярин (ед. ч.) – ист. «боярин» - унвони ашрофӣ русӣ қадим, заминдори қадим
- **Поместье** – дворянство
- **Духовенство** – рӯҳониён, аҳли дин
- **Заворожено** – чоду, афсун, сеҳр карда, мафтун шуда
- **Кружинка** – гард, зарра, реза, дона, донача
- **Возмужать** – болиғ шудан, ба балоғат расидан
- **Обоз** – корвон, қофила (уст.) воен. – нақлиёт
- **Верфь** – корхонаи киштисозӣ ва таъмири киштӣ
- **Студёный** – хунук, бисер, бениҳоят, сард.
- **Отчаянно** – саҳт, бисер, бениҳоят(саҳт мубориза бурдан)
- **Возводить** – бардоштан, соҳтан, бино кардан, бор кардан
- **Распутица** – лайгири, мавсими, (лайгири тирамоҳ).
- **Живописец** – рассом, сураткаш, наққош.
- **Плесень** – мағор, пӯпанак, кара.
- **Виктория** – победа, ғалаба.
- **Просторечие** – забони халқи, лавзи халқи, линг. Ибораи гуфтуруй.

Вопросы и задания

1. Каково было общественное отношение к реформам Петра I?
2. Каких усилий стоило строительство российского флота? Нужны ли были такие жертвы?
3. Как возрос авторитет Петра I после победы над Азовом?

4. Подумайте, с чем связывал Пётр I будущее процветание России и что для этого делал?
5. Легко ли было Петру I проводить свои преобразования? Менялся ли он сам с годами?
6. Благодаря каким личным качествам человек мог оказаться близким к кругу Петра I (знатность, богатство, ум, талант, знания и умения)?
7. Каким рисует писатель Петра I в общении с простыми людьми? Подберите эпитеты, которые его характеризуют?
8. Почему работник из низенького домика «не удивился, увидев царя», который вошёл туда, где люди спали на нарах?
9. Внимательно перечитай диалоги Петра I. Каким языком говорит он: придворным, светским или разговорным с просторечием? Для чего писатель употребляет в тексте сниженную лексику?
10. Найдите в тексте такие примеры, которые подтверждают, что всё изображено с точки зрения человека, который как будто видел всё своими глазами.
11. Составьте устный рассказ на тему: «Каким я представляю Петра I».
12. Что в приведенных текстах помогает понять, что время, в которое Пётр I начинал свои реформы, было трудным, голодным, суровым, сложным?
13. Чем могла заинтересовать А.Н.Толстого эпоха Петра I, что в ней, по-твоему, интересного для писателя?

В. М. Шукшин
(1929-1974)

Василий Макарович Шукшин родился 25 июля 1929 года в селе Сростки Алтайского края. Будучи человеком талантливым (актёр, режиссёр, писатель), он писал книги, снимал кино и сам снимался как киноактёр.

Явление удивительное: как в такой глубинке мог сложиться такой яркий художественный талант? Но вспомним, что в истории литературы и науки нередко появлялись выдающиеся учёные, писатели, художники из самых отдалённых глубин необъятной страны. Это является подтверждением талантности народа.

В 1946 г. он покидает родные места и отправляется в города, близкие к Москве. Его призывают в армию, служит во флоте.

Новый период жизни начинается с 1954 года, когда В.Шукшин становится студентом Всесоюзного государственного института кинематографии. Ему было тогда 25 лет.

Первая книга рассказов сб. «Сельские жители» вышла в 1963 г., затем выходят сб. «Земляки», «Характеры», роман «Любавины и др.».

Всю жизнь Шукшин оставался одержимым и преданным своей работе, как в кино, так и в литературе.

С литературным творчеством В.Шукшин не порывал никогда. Оно было потребностью его яркой одарённой натуры. Нередко он экранизировал свои литературные произведения.

Среди его наследия повести, сценарии, романы. Рассказ был его излюбленным жанром в литературе. Первые рассказы были посвящены деревне и деревенским жителям. Тематика его произведений -это целая энциклопедия типов и проблем времени, острые вопросы современности, заботы, боль и думы простого человека. Писатель утверждает духовные начала в своих героях, их потребность в духовных ценностях, в утверждении своего понимания, как “по правде” жить.

Шукшин не идеализирует своих героев только за то, что они простые или только деревенские. Нет. Он ищет в своих героях светлые, здоровые стороны, и это стремление писателя прослеживается во всех его произведениях. Он умел делать своих героев живыми, узнаваемыми. Им невозможно не сопереживать – не печалиться вместе с автором по поводу их драм, не смеяться над их слабостями, негодовать в тех случаях, когда унижается человеческое достоинство. Шукшинский герой рассказов нередко оказывается “чудиком”. Часто это персонаж, который невпопад тычется к людям со своим добром и демонстрирует полную растерянность, когда его ненавидят. Шукшинские “чудики” приоткрывают нам какие-то стороны нашей общей жизни. Возможно, такие типы существовали в обществе и в прошлом. Писатель вывел их как пример личности, стремящейся к искренности, бескорыстную естественности в нравственной области.

Наверное, поэтому читать Шукшина любят независимо от возраста, профессии, общественного положения.

«СЕЛЬСКИЕ ЖИТЕЛИ»

"А что, мама? Тряхни стариной – приезжай. Москву поглядишь и вообще. Денег на дорогу вышлю. Только добирайся лучше самолетом – это дешевле станет. И пошли сразу телеграмму, чтобы я знал, когда встречать. Главное, не трусь".

Бабка Маланья прочитала это, сложила сухие губы трубочкой, задумалась.

– Зовет Павел-то к себе, – сказала она Шурке и поглядела на него поверх очков. (Шурка – внук бабки Маланьи, сын ее дочери. У дочери не клеилась личная жизнь (третий раз вышла замуж), бабка уговорила ее отдать ей пока Шурку. Она любила внука, но держала его в строгости.)

Шурка делал уроки за столом. На слова бабки пожал плечами – поезжай, раз зовет.

– У тебя когда каникулы-то? – спросила бабка строго.

Шурка наострил уши.

– Какие? Зимние?

– Какие же еще, летние, что ль?

– С первого января. А что?

Бабка опять сделала губы трубочкой – задумалась.

А у Шурки тревожно и радостно сжалось сердце.

– А что? – еще раз спросил он.

– Ничего. Учи знай. – Бабка спрятала письмо в карман передника, оделась и вышла из избы.

Шурка подбежал к окну – посмотреть, куда она направилась.

У ворот бабка Маланья повстречала соседку и стала громко рассказывать:

– Зовет Павел-то в Москву погостить. Прямо не знаю, что делать. Прямо ума не приложу. "Приезжай, – говорит, – мама, шибко я по тебе соскучился".

Соседка что-то отвечала. Шурка не слышал, что, а бабка ей громко:

– Оно, знамо дело, можно бы. Внучат ни разу не видела еще, только по карточке. Да шибко уж страшно. Около них остановились еще две бабы, потом еще одна подошла, потом еще... Скоро вокруг бабки Маланьи собралось изрядно народа, и она снова и снова начинала рассказывать:

– Зовет Павел-то к себе, в Москву. Прямо не знаю, что делать...

Видно было, что все ей советуют ехать. Шурка сунул руки в карманы и стал ходить по избе. Выражение его ли-

ца было мечтательным и тоже задумчивым, как у бабки. Он вообще очень походил на бабку – такой же сухощавый, скуластенький, с такими же маленькими умными глазами. Но характеры у них были вовсе несхожие. Бабка – энергичная, жилистая, крикливая, очень любознательная. Шурка тоже любознательный, но застенчивый до глупости, скромный и обидчивый.

Вечером составляли телеграмму в Москву. Шурка писал, бабка диктовала.

– Дорогой сынок Паша, если уж ты хочешь, чтобы я приехала, то я, конечно, могу, хотя мне на старости лет...

– Привет! – сказал Шурка. – Кто же так телеграммы пишет?

– А как надо, по-твоему?

– Приедем. Точка. Или так: приедем после Нового года. Подпись: мама. Все.

Бабка даже обиделась.

– В шестой класс ходишь, Шурка, а понятия никакого. Надо же уметь помаленьку!

Шурка тоже обиделся.

– Пожалуйста, – сказал он. – Мы так знаешь, на сколько напишем? Рублей на двадцать по старым деньгам.

Бабка сделала губы трубочкой, подумала.

– Ну, пиши так: сынок, я тут посоветовалась кое с кем...

Шурка отложил ручку.

– Я не могу так. Кому это интересно, что ты тут посоветовалась кое с кем? Нас на почте на смех поднимут.

– Пиши, как тебе говорят! – приказала бабка. – Что я, для сына двадцать рублей пожалею?

Шурка взял ручку и, снисходительно сморщившись, склонился к бумаге.

– Дорогой сынок Паша, поговорила я тут с соседями – все советуют ехать. Конечно, мне на старости лет боязно маленько...

– На почте все равно переделают, – вставил Шурка.

– Пусть только попробуют!

– Ты и знать не будешь.

– Пиши дальше: мне, конечно, боязно маленько, но уж... ладно. Приедем после Нового года. Точка. С Шуркой. Он уж теперь большой стал. Ничего, послушный парень.

Шурка пропустил эти слова – насчет того, что он стал большой и послушный.

– Мне с ним не так боязно будет. Пока до свиданья, сынок. Я сама об вас шибко...

Шурка написал: "жутко".

– ...соскучилась. Ребятишек твоих хоть посмотрю. Точка. Мама.

– Посчитаем, – злорадно сказал Шурка и стал тыкать пером в слова и считать шепотом: – Раз, два, три, четыре...

Бабка стояла за его спиной, ждала.

– Пятьдесят восемь, пятьдесят девять, шестьдесят! Так? Множим шестьдесят на тридцать – одна тыща восемьсот? Так? Делим на сто – имеем восемнадцать... На двадцать с чем-то рублей! – торжественно объявил Шурка.

Бабка забрала телеграмму и спрятала в карман.

– Сама на почту пойду. Ты тут насчитаешь, грамотей.

– Пожалуйста. То же самое будет. Может, на копейки какие-нибудь ошибся.

...Часов в одиннадцать к ним пришел Егор Лизунов – сосед, школьный завхоз. Бабка просила его домашних, чтобы, когда он вернется с работы, зашел к ней. Егор много ездил на своем веку, летал на самолетах.

Егор снял полушубок, шапку, пригладил заскорузлыми ладонями седеющие потные волосы, сел к столу. В горнице запахло сеном и сбруей.

– Значит, лететь хотите?

Бабка слазила под пол, достала четверть с медовухой.

– Лететь, Егор. Расскажи все по порядку – как и что.

– Так чего тут рассказывать-то? – Егор не жадно, как-то даже немножко снисходительно смотрел, как бабка наливает пиво. – Доедете до города, там сядете на Бийск –

Томск, доедете на нем до Новосибирска, а там опросите, где городская воздушная касса. А можно сразу до аэропорта ехать...

– Ты погоди! Заладил: можно, можно. Ты говори, как надо, а не как можно. Да помедленней. А то свалил все в кучу. – Бабка подставила Егору стакан с пивом, строго посмотрела на него.

Егор потрогал стакан пальцами, погладил.

– Ну, доедете, значит, до Новосибирска и сразу спрашивайте, как добраться до аэропорта. Запоминай, Шурка.

– Записывай, Шурка, – велела бабка.

Шурка вырвал из тетрадки чистый лист и стал записывать.

– Доедете до Толмачева, там опять спросите, где продают билеты до Москвы. Возьмете билеты, сядете на Ту-104 и через пять часов в Москве будете, в столице нашей Родины.

Бабка, подперев голову сухим маленьким кулачком, горестно слушала Егора. Чем больше тот говорил и чем проще представлялась ему самому эта поездка, тем озабоченнее становилось ее лицо.

– В Свердловске, правда, сделаете посадку...

– Зачем?

– Надо. Там нас не спрашивают. Сажают, и все. – Егор решил, что теперь можно и выпить. – Ну?.. За легкую дорогу.

– Держи. Нам в Свердловске-то надо самим попроситься, чтоб посадили, или там всех сажают? Егор выпил, смачно крякнул, разгладил усы.

– Всех... Хорошее у тебя пиво, Маланья Васильевна. Как ты его делаешь? Научила бы мою бабу... Бабка налила ему еще один стакан.

– Когда скупиться перестанете, тогда и пиво хорошее будет.

– Как это? – не понял Егор.

– Сахару побольше кладите. А то ведь вы всё подешевле да посердитей стараетесь. Сахару побольше клади-

те в хмелину-то, вот и будет пиво. А на табаке его настаивать – это стыдоба.

– Да, – задумчиво сказал Егор. Поднял стакан, поглядел на бабку, на Шурку, выпил. – Да-а, – еще раз сказал он. – Так-то оно так, конечно. Но в Новосибирске когда будете, смотрите не оплошайте.

– А что?

– Да так... Все может быть. – Егор достал кисет, закурил, выпустил из-под усов громадное белое облако дыма. – Главное, конечно, когда приедете в Толмачево, не спутайте кассы. А то во Владивосток тоже можно улететь.

Бабка встревожилась и подставила Егору третий стакан.

Егор сразу его выпил, крикнул и стал развивать свою мысль:

– Бывает так, что подходит человек к восточной кассе и говорит: "Мне билет". А куда билет – это он не спросит. Ну и летит человек совсем в другую сторону. Так что смотрите.

Бабка налила Егору четвертый стакан. Егор совсем размяк. Говорил с удовольствием:

– На самолете лететь – это надо нервы да нервы! Вот он поднимается – тебе сразу конфетку дают...

– Конфетку?

– А как же. Мол, забудься, не обращай внимания... А на самом деле это самый опасный момент. Или тебе, допустим, говорят: "Привяжись ремнями". – "Зачем?" – "Так положено". – "Хэх... положено. Скажи прямо: можем повернуться, и все. А то – положено".

– Господи, господи! – сказала бабка. – Так зачем же и лететь-то на нем, если так...

– Ну, волков бояться – в лес не ходить. – Егор посмотрел на четверть с пивом. – Вообще реактивные, они, конечно, надежнее. Пропеллерный, тот может в любой момент сломаться – и пожалуйста... Потом: горят они часто, эти моторы. Я один раз летел из Владивостока... – Егор поудобнее устроился на стуле, закурил новую, опять по-

смотрел на четверть; бабка не пошевелилась. – Летим, значит, я смотрю в окно: горит...

– Свят, свят! – сказала бабка.

Шурка даже рот приоткрыл – слушал.

– Да. Ну, я, конечно, закричал. Прибежал летчик... Ну, в общем, ничего – отmaterил меня. Чего ты, говорит, панику поднимаешь? Там горит, а ты не волнуйся, сиди... Такие порядки в этой авиации.

Шурке показалось это неправдоподобным. Он ждал, что летчик, увидев пламя, будет сбивать его скоростью или сделает вынужденную посадку, а вместо этого он отругал Егора. Странно.

– Я одного не понимаю, – продолжал Егор, обращать к Шурке, – почему пассажирам парашютов не дают?

Шурка пожал плечами. Он не знал, что пассажирам не даются парашюты. Это, конечно, странно, если это так.

Егор ткнул папироску в цветочный горшок, привстал, Налил сам из четверти.

– Ну и пиво у тебя, Маланья!

– Ты шибко-то не налегай – захмелеешь.

– Пиво, просто... – Егор покачал головой и выпил. – Кху! Но реактивные, те тоже опасные. Тот, если что сломалось, топором летит вниз. Тут уж сразу... И костей почом не соберут. Триста грамм от человека остается. Вместе с одеждой.

Егор нахмурился и внимательно посмотрел на четверть. Бабка взяла ее и унесла в прихожую комнату. Егор посидел немного и встал. Его слегка качнуло.

– А вообще-то не бойтесь! – громко сказал он. – Садитесь только подальше от кабины – в хвост – и летите. Ну, пойду...

Он грузно прошел к двери, надел полушубок, шапку.

– Поклон Павлу Сергеевичу передавайте. Ну, пиво у тебя, Маланья! Просто...

Бабка была недовольна, что Егор так скоро захмелел – не поговорили толком.

– Слабый ты какой-то стал, Егор.

– Устал, поэтому. – Егор снял с воротника полушубка соломинку. – Говорил нашим деятелям: давайте вывезем летом сено – нет! А сейчас, после этого бурана, дороги все позанесло. Весь день сегодня пластались, насилу к ближним стогам пробились. Да еще пиво у тебя такое... – Егор покачал головой, засмеялся. – Ну, пошел. Ничего, не робейте – летите. Садитесь только подальше от кабины. До свиданья.

– До свиданья, – сказал Шурка.

Егор вышел; слышно было, как он осторожно спустился с высокого крыльца, прошел по двору, скрипнул калиткой и на улице негромко запел:

Раскинулось море широко...

И замолчал.

Бабка задумчиво и горестно смотрела в темное окно. Шурка перечитывал, то, что записал за Егором.

– Страшно, Шурка, – сказала бабка.

– Летают же люди...

– Поедем лучше на поезде?

– На поезде – это как раз все мои каникулы на дорогу уйдут.

– Господи, господи! – вздохнула бабка. – Давай писать Павлу. А телеграмму анулироваем.

Шурка вырвал из тетрадки еще один лист.

– Значит, не полетим?

– Куда же лететь – страсть такая, батюшки мои! Соберут потом триста грамм...

Шурка задумался.

– Пиши: дорогой сынок Паша, посоветовалась я тут со знающими людьми...

Шурка склонился к бумаге.

– Порассказали они нам, как летают на этих самолетах... И мы с Шуркой решили так: поедем уж летом на поезде. Оно, знамо, можно бы и теперь, но у Шурки шибко короткие каникулы получается...

Шурка секунду-две помешкал и продолжал писать:

"А теперь, дядя Паша, это я пишу, от себя. Бабоньку напугал дядя Егор Лизунов, завхоз наш, если вы помните. Он, например, привел такой факт: он выглянул в окно и видит, что мотор горит. Если бы это было так, то летчик стал бы сшибать пламя скоростью, как это обычно делается. Я предполагаю, что он увидел пламя из выхлопной трубы и поднял панику. Вы, пожалуйста, напишите бабоньке, что это не страшно, но про меня – что это я вам написал – не пишите. А то и летом она тоже не поедет. Тут огород пойдет, свиннота разная, куры, гуси – она сроду от них не уедет. Мы же все-таки сельские жители еще. А мне ужасно охота Москву поглядеть. Мы ее проходим в школе по географии и по истории, но это, сами понимаете, не то. А еще дядя Егор сказал, например, что пассажирам не даются парашюты. Это уже шантаж. Но бабонька верит. Пожалуйста, дядя Паша, пристыдите ее. Она же вас ужасно любит. Так вот вы ей и скажите: как же это так, мама, сын у вас сам летчик. Герой Советского Союза, много раз награжденный, а вы боитесь летать на каком-то несчастном гражданском самолете! В то время, когда мы уже преодолели звуковой барьер. Напишите так, она вмиг полетит. Она же очень гордится вами. Конечно – заслуженно. Я лично тоже горжусь. Но мне ужасно охота глянуть на Москву. Ну, пока до свиданья. С приветом – Александр".

А бабка между тем диктовала:

– Поближе туда к осени поедем. Там и грибки пойдут, солонинки какой-нибудь можно успеть приготовить, варенья сварить облепишного. В Москве-то ведь все в купли. Да и не сделают они так, как я по-домашнему сделаю. Вот так, сынок. Поклон жене своей и ребятишкам от меня и от Шурки. Все пока. Записал?

– Записал.

Бабка взяла лист, вложила в конверт и сама написала адрес:

"Москва, Ленинский проспект, д. 78, кв. 156.

Герою Советского Союза Любавину Павлу Игнатьевичу.

От матери его из Сибири".

Адрес она всегда подписывала сама: знала, что так дойдет вернее.

– Вот так. Не тоскуй, Шурка. Летом поедem.

– А я и не тоскую. Но ты все-таки помаленьку собирайся: возьмешь да надумаешь лететь.

Бабка посмотрела на внука и ничего не сказала.

Ночью Шурка слышал, как она ворочалась на печи, тихонько вздыхала и шептала что-то.

Шурка тоже не спал. Думал. Много необыкновенного сулила жизнь в ближайшем будущем. О таком даже не мечталось никогда.

– Шурк! – позвала бабка.

– А?

– Павла-то, наверно, в Кремль пускают?

– Наверно. А что?

– Побывать бы хоть разок там... посмотреть.

– Туда сейчас всех пускают.

Бабка некоторое время молчала.

– Так и пустили всех, – недоверчиво сказала она.

– Нам Николай Васильевич рассказывал.

Еще с минуту молчали.

– Но ты тоже, бабонька: где там смелая, а тут испугалась чего-то, – сказал Шурка недовольно. – Чего ты испугалась-то?

– Спи знай, – приказала бабка. – Храбрец. Сам первый в штаны наложишь.

– Спорим, что не испугаюсь?

– Спи знай. А то завтра в школу опять не добудишься. Шурка затих.

СЛОВАРНАЯ РАБОТА:

- **Глубинка** – чукурй, қаър, таг
- **Одержимый** – гирифтор, шефта
- **Потребность** – хочат, ниёз, талабот
- **Наследие** – мерос, ирс

- **Растерянность** – гаранги, саргаранги, саросемагӣ
- **Передник** – пешбанд, пешдоман
- **Мечтательный** – хаёлпарвар, пурхаёл, хаёлотӣ
- **Сухощавый** – лоғар, хароб, қоқина.
- **Энергичный** – гайратнокӣ, ғаюри, боғайрат, ғаъол.
- **Скромный** – хоксор, фурутан, шикастанафс.
- **Шибко** – тез, зуд, чаккон.
- **Застенчивый** – шармин, боқаё, бошарму ҳаё.
- **Сморщиться** – чиндор, (чин-чин) шудан, уҷҷак шудан.
- **Горница** – меҳмонҳо дар манзили деҳҳона.
- **Оплошать** - ғалат, хато, саҳв, саҳлангорӣ.
- **Встревожиться** - ба ҳаяҷон(ба изтироб) омадан, хавотир (мушавваш) шудан.
- **Паника** – воҳима, ҳархони, даҳшат.
- **Захмелеть** – маст(махмур, ширакайф) шудан.
- **Робость** – тарсончаки, буздили, бечуғатӣ.
- **Аннулировать** – аз эътибор сокит кардан.
- **Вздыхать** – нафас кашидан

Вопросы и задания

1. Чтение и пересказ текста.
2. Определить тему и идею произведения.
3. Образ Маланьи. Выявить художественные средства, которые использует автор для создания образа Маланьи.
4. Почему Маланья обсуждает с односельчанами приглашение сына?
5. Почему Лизунов был авторитетом для Маланьи?
6. Почему Шурка живет с бабушкой?
7. Какие моменты из жизни Маланьи показались вам смешными?
8. Как реагирует Шурка на поведение своей бабушки?
9. Что типичного для сельских жителей вы находите в этом рассказе?
10. Как вы понимаете словосочетания:

Сложить губы трубочкой
Не клеилась личная жизнь
Волков бояться – в лес не ходить (поговорка)
Пожать плечами
Ума не приложу
Духовное начало
11. Письменная работа: «Сельские жители в изображении В.Шукшина»

ЧУДИК (Отрывки)

Жена называла его – Чудик. Иногда ласково.

Чудик обладал одной особенностью: с ним постоянно что-нибудь случалось. Он не хотел этого, страдал, но то и дело влипал в какие-нибудь истории – мелкие, впрочем, но досадные.

Вот эпизоды одной его поездки.

Получил отпуск, решил съездить к брату на Урал: лет двенадцать не виделись.

Когда утром Чудик проснулся, никого в квартире не было: брат Дмитрий ушёл на работу, сноха тоже, дети постарше играли во дворе, маленького отнесли в ясли.

Чудик прибрал постель, умылся и стал думать, что бы такое приятное сделать снохе. Тут на глаза ему попала детская коляска. «Эге – подумал Чудик, - разрисую-ка я её». Он дома так разрисовал печь, что все дивились. Нашёл ребячьи краски, кисточку и принялся за дело. Через час всё было кончено, коляску не узнать. По верху колясочки Чудик пустил журавликов – стайку уголкем, по низу – цветочки разные, травку-муравку, пару петушков, цыпляток... Осмотрел коляску со всех сторон – загляде-

нье. Не колясочка, а игрушка. Представил, как будет приятно изумлена сноха, усмехнулся.

- А ты говоришь деревня – деревня. Чудачка. – Он хотел мира со снохой. – Ребёнок как в корзиночке будет.

Весь день Чудик ходил по городу, глазел на витрины. Купил катер племяннику, хорошенький такой катерок, белый, с лампочкой. «Я его тоже разрисую», - думал.

Часов в шесть Чудик пришёл к брату. Взошёл на крыльцо и услышал, что брат Дмитрий ругается с женой. Впрочем, ругалась жена, а брат Дмитрий только повторял:

- Да ну что тут!.. Да ладно... Сонь... Ладно уж...

- Чтоб завтра же этого дурака не было здесь! – кричала Софья Ивановна. – Завтра же пусть уезжает!

- Да ладно тебе!.. Сонь!..

- Не ладно! Не ладно! Пусть не дожидается – выкину его чемодан к чёртовой матери и всё!

Чудик поспешил сойти с крыльца... А дальше не знал, что делать. Опять ему стало больно. Когда его ненавидели, ему было очень больно. И страшно. Казалось: ну, теперь всё, зачем же жить? И хотелось куда-нибудь уйти подальше от людей, которые ненавидят его или смеются.

- Да почему же я такой есть-то? – горько шептал он, сидя в сарайчике. – Надо бы догадаться: не поймёт ведь она, народного творчества.

Он досидел в сарайчике дотемна. И сердце всё болело. Потом пришёл брат Дмитрий. Не удивился – как будто знал, что брат Василий давно уже сидит в сарайчике.

- Вот... - сказал он. – Это... опять расшумелась. Коляску-то не надо бы уж.

- Я думал, ей поглянется. Поеду я, братка.

Брат Дмитрий вздохнул... И ничего не сказал.

Вопросы и задания

1. Какое чувство толкнуло Чудика разукрасить красками детскую коляску?

2. Почему Чудик, взрослый человек, не понимает, что ведет себя как ребенок? Из приведенных слов выберете только те, которые характеризуют Чудика: доброта, душевная чистота, искренность, дружелюбие, простота, честность, скромность, совестливость.

3. Вызывает ли Чудик сочувствие у читателя?

4. Вызывает ли к себе сочувствие брат Дмитрий? Почему?

5. Чем отличаются друг от друга Чудик и его брат Дмитрий?

6. Такие люди как Чудик встречаются в жизни редко. О чем они заставляют нас задуматься? (Письменно)

СЛОВАРНАЯ РАБОТА

- **Анкетная графа** – чадвали саволнома
- **Необъятная** – бепоён, беҳад, беканор, беҳаду канор, беохир
- **Выдающиеся** - 1) барчааста, 2) берун баромада, баромадагӣ
- **Медленно** – оҳиста, оҳиста-оҳиста
- **Покидать** – партофтан, партофта(монда) рафтан, тарк кардан, рӯ гардондан
- **Дебют** – дебют (аввалин баромади артист дар сахна), 2) қадами аввал дар ягон соҳа
- **Одержимый** – шефта, гирифтдор
- **Преданный** – супордашуда, додашуда
- **Потребность** – хочат, ниёз, талабот
- **Наследие** – мерос, ирс
- **Тип** – хел, навъ, шакл
- **Идеализировать** – орзу, иштиёқ, шавку рағбат, саъю кӯшиш
- **Сопереживать** – ҳамдардӣ, ҳамдар будан

- **Печалиться** – ғамгин (андӯхчин, маҳзун) шудан
- **Негодовать** – хашмгин (оташин) шудан, ба ғазаб омадан, дар қаҳр шудан
- **Унижение** – обрӯрезонӣ, обрӯпасткунӣ, хор(залил) кардан, таҳқиркунӣ
- **«Чудик» от чудақ** – одами сода, соддалавх
- **Персонаж** – персонаж, қаҳрамон
- **Невпопад** – бечо, бомуносибат, бемаврид, бемахал
- **Искренность** – ихлос, садоқат, самимият, ротсгӯӣ
- **Бескорыстие** – беҳаразӣ, бетамай
- **Естественность** – табиӣ будан, табиӣ (оддӣ) будан, ботақаллуфӣ
- **Особенность** – сифат, ҳъислат, хусусият, хосият
- **Досадный** – оламовр, ҳасратовар
- **Сноха** – келин
- **Кисточка** – муқлами (рассомӣ)
- **Коляска** – 1) (экипаж) коляска, фойтун, 2) (детская) аробачаи бачагона
- **Журавлики** – бачаи турна (куланг)
- **Цыплята** – чуҷа
- **Изумляться** – ҳайрат, таачуб, (дар ҳайрат, дар таачуб) мондан
- **Усмехнуться** – табассум кардан, лабханд кардан, хандида мондан
- **Корзиночка** – сабадча
- **Катер** – катер (навъи киштии хурд, қайқ, заврақ)
- **Сойти с крыльца** – аз зина фаромадан
- **Сочувствие** – ҳамдардӣ, дилсӯзӣ, ғамхорӣ, шавқат

К. Г. Паустовский
(1892-1968)

Константин Георгиевич Паустовский – писатель – реалист и вместе с тем романтик, певец русской природы, тонкий лирик и психолог. Этот замечательный человек и художник всю жизнь защищал сокровища мировой культуры, славу выдающихся творцов, красоту родной природы.

Родился писатель в Москве в семье железнодорожного мастера. В силу семейных обстоятельств писатель, еще будучи гимназистом шестого класса, должен был сам зарабатывать себе на жизнь и учебу.

Свой творческий путь К.Паустовский начал ещё в 30-ые годы. Писал рассказы о русской природе, в которых раскрывалась любовь писателя ко всему живому. В них природа, животный мир и человек выступают как что-то единое, неразрывное целое.

Первой книгой стал сб. рассказов «Встречные корабли».

К.Паустовского всегда интересовала жизнь замечательных людей, он пытался найти общие черты их характеров – те черты, которые выдвинули их в ряды лучших представителей челове-

ства. Его перу принадлежат страницы, посвященные жизни и творчеству Чехова, Гюго, Блока, Андерсена, Грина и др.

Рассказ «Заячьи лапы» рассказывает о трогательной любви человека к животным «братьям меньшим». Это рассказ о благодарности человека животному, об ответственности за его судьбу. В небольшом по объёму рассказу автор даёт образы нескольких людей, которые оказались причастными к грустным событиям в жизни деда и зайца.

К.Г.Паустовский

«ЗАЯЧЬИ ЛАПЫ»

К ветеринару в наше село пришёл с Урженского озера Ваня Малявин и принёс завёрнутого в рваную ватную куртку маленького тёплого зайца. Заяц плакал и часто моргал красными от слёз глазами ...

- Ты что, одурел? – крикнул ветеринар. – Скоро будешь ко мне мышей таскать!

- А вы не лайте, это заяц особенный, - хриплым шёпотом сказал Ваня. – Его дед прислал, велел лечить.

-От чего лечить-то?

-Лапы у него пожженные.

Ветеринар повернул Ваню лицом к двери, толкнул в спину и прикрикнул вслед:

-Валяй, валяй! Не умею я их лечить. Зажарь с луком – деду будет закуска.

Ваня ничего не ответил. Он вышел в сени, заморгал глазами и уткнулся в бревенчатую стену. По стене потекли слёзы. Заяц тихо дрожал под засаленной курткой.

- Ты чего, малый? – спросила Ваню бабка Анисья; она привела к ветеринару свою единственную козу. – Чего вы вдвоём слёзы льёте? Ай случилось что?

-Пожжённый он, дедушкин заяц, - сказал тихо Ваня. – На лесном пожаре лапы себе пожёт, бегать не может. Вот-вот, гляди, умрёт.

Не умрёт, малый, - прошамкала Анисья. – Скажи дедушке своему, ежели большая у него охота зайца выходить, пушай несёт его в город к Карлу Петровичу.

Ваня вытер слёзы и пошёл лесами домой, на Урженское озеро. Он не шёл, а бежал по горячей песчаной дороге. Недавний лесной пожар прошёл стороной на север около самого озера. Пахло гарью и сухой гвоздикой. Она большими островами росла на полянах.

Заяц стонал.

Ваня нашёл по дороге пушистые, покрытые серебряными мягкими волосами листья, вырвал их, положил под сосёнку и развернул зайца. Заяц посмотрел на листья, уткнулся в них головой и затих.

-Ты чего, серый? – тихо спросил Ваня. – Ты бы поел.

Заяц молчал.

-Ты бы поел, - повторил Ваня, и голос его задрожал. – Может пить хочешь?

Заяц повёл рваным ухом и закрыл глаза.

Ваня взял его на руки и побежал напрямик через лес – надо было поскорее дать зайцу напиться из озера.

Неслыханная жара стояла в то лето над лесами. Жаркий ураган дул уже две недели без передышки. Смола, стекавшая по сосновым деревьям, превратилась в янтарный камень.

Наутро дед взял палку, кусок хлеба и побрёл в город. Ваня нёс зайца сзади. Заяц совсем притих, только изредка вздрагивал всем телом и вздыхал.

Суховей поднял над городом облако пыли: мягкой как мука. В ней летал куриный пух, сухие листья и солома. Издали казалось, что над городом дымит тихий пожар.

На базарной площади было очень пусто, знойно; извозчиьи лошади дремали около будки, и на головах у них были надеты соломенные шляпы. Дед перекрестился.

- Не то лошадь, не то невеста – шут их разберёт! – сказал он и сплюнул.

Долго спрашивал прохожих про Карла Петровича, но никто толком ничего не ответил. Зашли в аптеку. Тол-

стый старый человек в пенсне и в коротком белом халате сердито пожал плечами и сказал:

-Это мне нравится! Довольно странный вопрос! Карл Петрович Корш – специалист по детским болезням – уже три года как перестал принимать пациентов. Зачем он вам?

Дед, заикаясь от уважения к аптекарю и от робости, рассказал про зайца.

-Это мне нравится! – сказал аптекарь. – Интересные пациенты завелись в нашем городе. Это мне замечательно нравится!

Он нервно снял пенсне, протёр, снова нацепил на нос и уставился на деда. Дед молчал и топтался. Аптекарь тоже молчал. Молчание становилось тягостным.

-Почтовая улица, три! – вдруг в сердцах крикнул аптекарь и захлопнул какую-то растрёпанную толстую книгу. – Три!

Дед с Ваней добрались до Почтовой улицы как раз вовремя – из-за Оки заходила высокая гроза. Бесшумные молнии стремительно и сильно били в луга; далеко за Полями уже горел стог сена, зажжённый ими. Крупные капли дождя падали на пыльную дорогу, и вскоре она стала похожа на лунную поверхность: каждая капля оставляла в пыли маленький кратер.

Карл Петрович играл на рояле нечто печальное и мелодичное, когда в окне появилась растрёпанная борода деда.

Через минуту Карл Петрович уже сердился.

- Я не ветеринар, - сказал он и захлопнул крышку рояля. Тотчас же в лугах проворчал гром. – Я всю жизнь лечил детей, а не зайцев.

- Что ребёнок, что заяц – всё одно, - упрямо пробормотал дед. – Всё одно! Полечи, яви милость! Это заяц, можно сказать, спаситель мой: я ему жизнью обязан, благодарность оказывать должен, а ты говоришь – бросить!

Ещё через минуту Карл Петрович – старик с седыми бровями, - волнуясь слушал рассказ деда.

Карл Петрович в конце концов согласился лечить зайца. На следующее утро дед ушёл на озеро, а Ваню оставил у Карла Петровича ходить за зайцем.

Через день вся Почтовая улица, заросшая гусиной травой, уже знала, что Карл Петрович лечит зайца, обгоревшего на страшном лесном пожаре и спасшего какого-то старика. Через два дня об этом уже знал почти весь маленький город, а на третий день к Карлу Петровичу пришёл длинный юноша в фетровой шляпе, назвался сотрудником московской газеты и попросил дать беседу о зайце.

Зайца вылечили. Ваня завернул его в ватное тряпье и понёс домой. Вскоре историю о зайце забыли, и только какой-то московский профессор долго добивался от деда, чтобы тот ему продал зайца. Присылал даже письма с марками на ответ. Но дед не сдавался. Под его диктовку Ваня написал профессору письмо:

«Заяц не продажный, живая душа, пусть живёт на воле. При сём остаюсь Ларион Малявин».

Этой осенью я ночевал у деда Лариона на Урженском озере. Созвездия, холодные как крупинки льда, плавали в воде. Шумел сухой тростник. Утки мёрзли в зарослях и жалобно крикали всю ночь.

Деду не спалось. Он сидел у печки и чинил рваную рыболовную сеть. Потом поставил самовар – от него окна в избе сразу запотели, и звёзды их огненных точек превратились в мутные шары. Во дворе лаял Мурзик. Он прыгал в темноту и отскакивал – воевал с непроглядной октябрьской ночью. Заяц спал и изредка во сне громко стучал задней лапой по гнилой половице.

Мы пили чай ночью, дожидаясь далёкого и нерешительного рассвета, и за чаем дед рассказал мне, наконец, историю о зайце.

В августе дед пошёл охотиться на северный берег озера. Леса стояли сухие, как порох. Деду попался зайчонок с рваным левым ухом. Дед выстрелил из старого ружья, но промахнулся. Заяц удрал.

Дед пошёл дальше. Но вдруг затревожился: с юга сильно тянуло гарью.

Поднялся ветер. Дым густел. Стало трудно дышать.

Дед понял, что начался лесной пожар, и огонь идёт прямо на него. Ветер перешёл в ураган. Огонь гнало по земле с неслыханной скоростью. По словам деда, даже поезд не мог бы уйти от такого огня. Дед был прав: во время урагана огонь шёл со скоростью тридцать километров в час.

Дед бежал, спотыкался, падал, дым выедал ему глаза, а сзади был уже слышен широкий гул и треск пламени.

Смерть наступала деда, хватала его за плечи. И в это время из-под ног у деда выскочил заяц. Он бежал медленно и волочил задние лапы. Потом только дед заметил, что они у зайца обгорели.

Дед обрадовался зайцу, будто родному. Как старый лесной житель, дед знал, что звери гораздо лучше человека чувствуют, откуда идёт огонь, и всегда спасаются. Гибнут они только в тех редких случаях, когда огонь их окружает.

Дед побежал за зайцем. Он бежал, плакал от страха и кричал: «Погоди, милый, не беги так быстро!»

Заяц вывел деда из огня. Когда они выбежали из леса к озеру, заяц и дед – оба упали от усталости. Дед подобрал зайца и понёс домой. У зайца были опалены задние ноги и живот. Потом дед его вылечил и оставил у себя.

- Да, - сказал дед, поглядывая на самовар так сердито, будто самовар был всему виной, - да, а перед тем зайцем, выходит, я сильно провинился, милый человек.

- Чем же ты провинился?

- А ты выйди, погляди на зайца, на спасителя моего, тогда узнаешь. Бери фонарь!

Я взял со стола фонарь и вышел. Заяц спал. Я нагнулся над ним с фонарём и увидел, что левое ухо у зайца рваное. Тогда я понял всё.

СЛОВАРНАЯ РАБОТА:

- **Ветеринар** – врач, лечащий животных; духтури хай-вонот
- **Одуреть** - потерять ум, сойти с ума; гаранг, девона шудан
- **Пожженный**- сӯхта шуда, сузонида
- **Валяй** (прост.) – уходи - бирав, рав
- **Уткнуться** – тиккондан, фуру додан
- **Шамкать**(разг.) – говорить (о речи беззубых стариков); шаф-шаф карда гап задан
- **Ежели** (прост.) – если; агар, мабодо
- **Охота** (прост.) – желание; хохиш, майл, рағбат
- **Выходить** – вылечить, спасти; сиҳат кардан
- **Пушай** (простр.) – пускай; бигзор, мон ки
- **Гарь** – сӯхта
- **Гвоздика** – цветок; гули мехак
- **Ураган** – сильный ветер; тӯфон, тундбод, гирдбод
- **Смола** – липкий, твердеющий на воздухе сок хвойных деревьев; катрони дарахти коч
- **Суховой** – сухой, горячий ветер, приносящий засуху
- **Зной** – гармӣ, тафс, ҳарфат, гармо
- **Извозчичьи лошади** – лошади, на которых развозят пассажиров; аспҳои кирокаш
- **Пациент** – бемор, касал, мариз, дардманд Шут их разберет (прост.) – никто не разберёт; ҳеҷ кас сарфаҳм намеравад
- **Не ответить толком** – не ответить точно, определённо; нофаҳмо ҷавоб додан
- **Крикнуть (сказать) в сердцах** – крикнуть, сказать с чувством раздражения; бо ҳиссиёт дод задан
- **Сток сена** – большая высокая куча плотно уложенной высушенной травы (сена); ғарами хасбеда
- **Всё одно** (прост.) – одно и то же; доимо ҳамон як чиз
- **При сём** (устар.) – при этом; бар замми ин

- **Созвездия** – отдельные группы звёзд - гурухи ситорахой алохида
- **Тростник** – водяное растение, вид высокой травы; камиш
- **Заросли** – места, густо заросшие растениями; буттазор
- **Непроглядная ночь** - очень тёмная ночь; шаби типторик
- **Порох** – взрывчатое вещество, из которого делают заряды для огнестрельного оружия
- **Удрать** – поспешно удалиться, скрыться; бо шитоб гурехтан
- **Настигать** – догонять; давида расидан
- **Волочить** – с трудом тащить по земле; кашола кардан
- **Чуять** – чувствовать, распознавать с помощью органов чувств; хис кардан
- **Шибко** – тез, зуд

Вопросы и задания:

1. Составить план к рассказу, пересказать содержание.
2. Кто является действующими лицами рассказа?
3. Охарактеризовать действующих лиц: а) ветеринар, б) дед Малявин, в) Ваня, г) Карл Петрович.
4. Почему дед и Ваня пытались спасти зайца?
5. Как характеризует людей их отношение к зайцу?
6. Что бы случилось с дедом, если бы на охоте он не промахнулся и попал в зайца? Какой в этом эпизоде заключается символический смысл?
7. Прочитайте в тексте описание жары во время пожара. Какие средства создают впечатление сильной жары?
8. Подберите синонимы к словам и выражениям:
 - а) Лапы у зайца пожжённые.
 - б) Если у дедушки большая охота выходить зайца надо отвести его в

- город.
9. Определите композицию рассказа.
 10. Отношение автора к деду.
 11. Каким вы себе представляете характер Анисьи, покажите на примере из текста.
 12. От имени кого ведется рассказ?
 13. Перескажите текст от лица: а) деда, б) Вани; в) ветеринара; г) Карла Петровича; д) Анисьи.
 14. Как автор относится к зайцу?
 15. Определите тему и идею рассказа.
 16. Написать сочинение: «Мои четвероногие друзья»

«СНЕГ»

Старик Потапов умер через месяц после того, как Татьяна Петровна поселилась у него в доме. Татьяна Петровна осталась одна с дочерью Варей и старухой-нянькой.

Татьяна Петровна привыкла и к городку, и к чужому дому. Привыкла к расстроенному роялю, к пожелтевшим фотографиям на стенах, изображавшим неуклюжие броненосцы береговой обороны. Старик Потапов был в прошлом корабельным механиком.

Татьяна Петровна знала, что у Потапова остался сын моряк, что он сейчас в Черноморском флоте. На столе рядом с моделью крейсера стояла его карточка. Иногда Татьяна Петровна брала ее, рассматривала и, нахмутив тонкие брови, задумывалась. Ей все казалось, что она где-то его встречала, но очень давно, еще до своего неудачного замужества. Но где? И когда?

Татьяна Петровна зажгла свечу на столе, села в кресло, долго смотрела на язычок огня – он даже не вздрагивал. Потом она осторожно взяла одно из писем, распечатала и, оглянувшись, начала читать.

«Милый мой старик,- читала Татьяна Петровна,- вот уже месяц, как я лежу в госпитале. Рана не очень тяжелая – и вообще она заживает. Ради бога, не волнуйся и не кури папиросу за папиросой. Умоляю!»

«Я часто вспоминаю тебя, папа,- читала дальше Татьяна Петровна,- и наш дом, и наш городок. Все это страшно далеко, как будто на краю света. Я закрываю глаза и тогда вижу: вот я отворяю калитку, вхожу в сад. Зима, снег, но дорожка к старой беседке над обрывом расчищена, а кусты сирени все в инее. В комнатах трещат печи. Пахнет березовым дымом. Рояль, наконец, настроен, и ты вставил в подсвечники витые желтые свечи – те, что я привез из Ленинграда. И те же ноты лежат на рояле: увертюра к «Пиковой даме» и романс «Для берегов отчизны дальней». Звонит ли колокольчик у дверей? Я так и не успел его починить. Неужели я все это увижу опять? Неужели опять буду умываться с дороги нашей колодезной водой из синего кувшина? Помнишь? Эх, если бы ты знал, как я полюбил все это отсюда, издали! Ты не удивляйся, но я говорю тебе совершенно серьезно: я вспоминал об этом в самые страшные минуты боя. Я знал, что защищаю не только всю страну, но и вот этот ее маленький и самый милый для моего сердца уголок – и тебя, и наш сад, и вихрастых наших мальчишек, и березовые рощи за рекой... Пожалуйста, не смейся и не качай головой.

Может быть, когда выпишусь из госпиталя, меня отпустят ненадолго домой. Не знаю. Но лучше не жди»

Татьяна Петровна проводила Потапова на станцию через тихий ночной город. После второго звонка они попрощались. Татьяна Петровна протянула Потапову обе руки, сказала:

- Пишите. Мы теперь как родственники. Правда?

Потапов ничего не ответил, только кивнул головой.

Через несколько дней Татьяна Петровна получила от Потапова письмо с дороги.

«Я вспомнил, конечно, где мы встречались,- писал Потапов,- но не хотел говорить вам об этом там, дома. Помните Крым в двадцать седьмом году? Осень. Старые платаны в Ливадийском парке. Меркнувшее небо, бледное море. Я шел по тропе в Ореанду. На скамейке около тропы сидела девушка. Ей было, должно быть, лет шестнадцать. Она увидела меня встала и пошла на встречу. Когда мы поравнялись, я взглянул на нее. Она прошла мимо меня быстро, легко, держа в руке раскрытую книгу. Я остановился, долго смотрел ей в след. Этой девушкой были вы. Я не мог ошибиться. Я смотрел вам вслед, весь похолодев. Я почувствовал тогда, что мимо меня прошла женщина, которая могла бы разрушить всю мою жизнь и дать мне огромное счастье. Я понял, что могу полюбить эту женщину до полного отречения от себя, благословлять каждый ее шаг, каждое ее слово, каждую усмешку. Тогда я уже знал, что должен найти вас, чего бы это ни стоило. Потому что вас, девушку, пробежавшую мимо меня осенним крымским вечером, судьба послала мне, как и вам, я послан той же судьбою. Так я думал тогда, но все же не двинулся с места. Почему – не знаю. С тех пор я полюбил Крым и эту тропу, где я видел вас только мгновение и потерял навсегда. Но жизнь оказалась милостивой ко мне – я встретил вас. И если все окончится хорошо и вам понадобится моя жизнь она, конечно, будет ваша. Да, я нашел на столе у отца свое распечатанное письмо. Я понял все и могу только благодарить вас издали».

Татьяна Петровна отложила письмо, туманными глазами посмотрела на снежный сад за окном, сказала:

- Боже мой, я никогда не была в Крыму. Никогда! Но разве теперь это может иметь хоть какое-нибудь значение? И стоит ли разубеждать его! И себя!

Она рассмеялась, затихла, закрыла глаза ладонью. За окном горел, никак не мог погаснуть неяркий закат.

СЛОВАРНАЯ РАБОТА

- **Творец** – эчодкор, бунедкор, бунедкунанда
- **Факты жизни** – ҳақиқати зиндагӣ
- **Предисловие** – сарсухан, дар омади сухан, муқаддима, пешгуфтор
- **Репетиторство** – муаллимӣ
- **Протяжение** – даррозӣ, масофат, тӯл
- **Творческое наследие** – эҷодиёти меросӣ
- **Благородный** – начиб (она), олиҳиммат (нома)
- **Обоительный** – диққатчалбкунанда
- **Таинственный** – асрорангез, асроромез, пурасрор
- **Расстроенный рояль** – рояли ранчур, ночур, озурда, мушаввам, парешон
- **Увертюра** – сарахбор, даромад
- **Испытание** – санчиш, озмоиш, таҷриба кардан
- **Ноты** – нотаи навохтан
- **Романс** – асари хурди лирики мусиқӣ
- **Вихрастый мальчишка** – бачаи сихмӯй (жӯлидамӯй)
- **Отречение** – мункир шудан, инкор (тарк, рад) кардан, даст кашидан
- **Благословлять** – дуои хайр кардан, фотеҳа додан, баракат хоستان
- **Усмешка** – писханд, лабханд
- **Мгновение** – лаҳза, дам, он
- **Милость** – меҳрубонӣ, лутфу марҳамат, дил мондан
- **Ладонь** – кафи даст, каф
- **Бытовые подробности** – ҳаётимуффасал
- **Родственные души** – руҳан монанд

Вопросы и задания

1. Как испытания войны изменили отношение Потапова к довоенному прошлому? Как вы думаете, почему даже мелкие бытовые подробности стали очень важными для него?

2. Какие детали в отрывках о Татьяне Петровне кажутся немного фантастическими? Почему ее душа тянется к чему-то таинственному? Чего ждет ее душа?

3. Каким человеком должна была представить Потапова Татьяна Петровна после того, как прочитала его письмо? Понравился он ей или нет?

4. Почему Потапов с дороги пишет письмо о любви? Как это связано с войной?

5. Похожи ли Татьяна Петровна и Потапов? Можно ли их назвать родственными душами?

6. Герои рассказа нашли друг друга? Напоминает ли их счастье снег, который всегда прекрасен, таинственен, может легко растаять и исчезнуть?

7. По приведенным отрывкам можно сделать вывод о том, как война вмешалась в жизнь людей. (Письменно): сочинение «Встреча или долгое ожидание»

И. А. Куприн
(1870-1938)

Одним из самых видных писателей, которые вошли в прогрессивное товарищество «Знание» (основанное в 900-е годы М. Горьким) стал Александр Иванович Куприн. Его жизнь сложилась таким образом, что военное образование и воспитание стали главными. Начав служить офицером, Куприн очень скоро берет отставку и решает посвятить себя писательскому труду. К этому моменту его рассказы уже печатались. Изображение красоты и силы чувств простого человека с первого рассказа «Последний дебют» станет в творчестве писателя главной темой. Расставшись с военной службой, Куприн оказался в положении безработного бедняка. В поисках заработка ему пришлось узнать и освоить множество профессий. Жизненные наблюдения писателя расширялись. Жертв тяжелой нищенской жизни было кругом много. Куприн горячо сострадает людям («Миллионер», «Чудесный доктор», «Пиратка») и показывает в «маленьком человеке» такие черты как благородство, самоотверженность, человечность. По собственному выражению он стремился «видеть все, знать все, уметь все и писать обо всем».

Политические взгляды писателя не отличались определенностью. Нередко герои его произведений оказывались в стороне от событий общественной жизни, но уходили в мир своих чувств. Исключительность любовного чувства Куприн воспел в лучших своих произведениях. Любовь – это дар, талант, праздник жизни, единственная цель. («Олеся», «Поединок», «Гранатовый браслет», «Суламифь» и др.)

В 1919 году писатель эмигрировал во Францию. Многие из его произведений проникнуты тоской по родине.

В 1937 году Куприн возвратился в Москву и был радушно встречен общественностью. Молодежи и детям он собирался посвятить свои будущие книги. Но тяжелая болезнь помешала осуществиться планам. А. И. Куприну была судьба умереть на родине в 1938 году.

Повесть «Поединок» стала первой крупной вещью писателя. В этом произведении о жизни военных Куприн затрагивал важные проблемы своего времени: о причинах неравенства среди людей, освобождение от гнета, смысл жизни и назначение человека. Лю-

бовь в повести показана как великое чувство, которое может стать спасением от всех страданий и бед.

Рассказ «Гранатовый браслет» словно продолжает тему исключительности любовного чувства. С большой силой Куприн рассказал о красоте души простого человека, телеграфиста Желткова, у которого любовь к Вере Николаевне вытеснила все другие стремления.

ГРАНАТОВЫЙ БРАСЛЕТ (Отрывок)

....В шесть часов пришел почтальон. На этот раз Вера Николаевна узнала почерк Желткова и с нежностью, которой она в себе не ожидала, развернула письмо.

Желтков писал так:

“Я не виноват, Вера Николаевна, что богу было угодно послать мне, как громадное счастье, любовь к Вам. Случилось так, что меня не интересует в жизни ничто: ни политика, ни наука, ни философия, ни забота о будущем счастье людей – для меня вся жизнь заключается только в Вас. Я теперь чувствую, что каким-то неудобным клином врезался в Вашу жизнь. Если можете, простите меня за это. Сегодня я уезжаю и никогда не вернусь, и ничто Вам обо мне не напомнит.

Я бесконечно благодарен Вам только за то, что Вы существуете. Я проверял себя – это не болезнь, не маниакальная идея – это любовь, которую богу было угодно за что-то меня вознаградить.

Пусть я был смешон в Ваших глазах и в глазах Вашего брата, Николая Николаевича. Уходя, я в восторге говорю: “Да святится имя твое”.

Восемь лет тому назад я увидел вас в цирке в ложе, и тогда же в первую секунду я сказал себе: я ее люблю пото-

му, что на свете нет ничего похожего на нее, нет ничего лучше, ни зверя, ни растения, ни звезды, ни человека прекраснее Вас и нежнее. В Вас как будто бы воплотилась вся красота земли...

Подумайте, что мне нужно было сделать? Убежать в другой город? Все равно сердце было около Вас, у Ваших ног, каждое мгновение дня заполнено Вами, мыслью о Вас, мечтами о Вас... сладким бредом. Я очень стыжусь и мысленно краснею за мой дурацкий браслет, - ну, что же? – ошибка. Воображаю, какое он впечатление произвел на Ваших гостей.

Через десять минут я уеду, я успею только наклеить марку и опустить письмо в почтовый ящик, чтобы не поручать этого никому другому. Вы это письмо сожгите. Я вот сейчас затопил печку и сжигаю все самое дорогое, что было у меня в жизни: ваш платок, который, я признаюсь, украл. Вы его забыли на стуле, на балу в Благородном собрании. Вашу записку, - о, как я ее целовал, - ею Вы запретили мне писать Вам. Программу художественной выставки, которую Вы однажды держали в руке и потом забыли на стуле при выходе.... Кончено. Я все отрезал, но все-таки думаю и даже уверен, что Вы обо мне вспомните. Если Вы обо мне вспомните, то.... Я знаю, что Вы очень музыкальны, я Вас видел чаще всего на Бетховенских квартетах, - так вот, если Вы обо мне вспомните, то сыграйте или прикажите сыграть сонату D-dur №2, op. 2.

Я не знаю, как мне кончить письмо. От глубины души благодарю Вас за то, что Вы были моей единственной радостью в жизни, единственным утешением, единой мыслью. Дай бог Вам счастья, и пусть ничто временное и житейское не тревожит Вашу прекрасную душу. Целую Ваши руки.

Г.С.Ж.

СЛОВАРНАЯ РАБОТА

- **Брать отставку** - истеъфо гирифтан, истеъфо гирифтан, ба истеъфо баромадан
- **Сострадание** – дилсӯзӣ, раҳм, ғамхорӣ, тараҳҳум
- **Благодородство** – наҷобат, олимҳимматӣ, ҷавонмардӣ, шарофат
- **Самоотверженность** – фидокорӣ, худро дарег надоштан
- **Исключительность** – ғавқу лода (ғайриоддӣ) будан
- **Эмигрировать** – муҳочират кардан ба мамлакати дигар кучонидан, ҷалои ватан кардан
- **Общественность** – ҷамъият
- **Вытеснять** – танг карда баровардан, аз миён бурдан, берун кардан
- **Клин** – фона
- **Неудобный** – носоз, нобоб, нокулай, нороҳат
- **Маниакальная идея** – ғоияи васвасавӣ
- **Воплощаться** – мучассам карда шуда, ба амал гузаронда шуда
- **Мгновение** – лаҳза, дам, вақт, айём, рӯзҳо,
- **Соната** – соната, (як хел асари мусиқӣ аз се ё чор қисм иборат)
- **Признание** – шинохтан, эътироф кардан, тасдиқ кардан

Вопросы и задания

1. В предложенном отрывке из произведения Куприна описано особое понимание любви. Есть ли сходство в содержании?

2. Можно ли поверить в существование такой любви? От чего это зависит?

3. Герои рассказывают о любви. Хотят ли они что-нибудь менять в своей жизни или готовы принимать все как есть?

4. Как вы думаете, можно ли быть счастливым в безответной любви? Каждый ли человек сможет это?

5. Требуется ли Желтков в письме признания и благодарности за свою любовь? Как это его характеризует?

6. В отрывке из «Гранатового браслета» у Веры Николаевны при чтении письма появилось нежное чувство. Как это ее характеризует? Достоянна ли она любви Желткова?

7.. Над чем вы задумались при чтении отрывка?

8. Составьте небольшой текст на тему: «Мое представление о любви». (Сочинение-миниатюра)

М. Зощенко
(1894-1958)

С самых первых лет своего писательского творчества к Михаилу Зощенко пришла всенародная слава. Его узнавали на улице, в трамвае. Иногда, чтобы уберечь себя от назойливых почитателей, он был вынужден скрываться под чужой фамилией. Жизненные наблюдения, умение разбираться в людях, восприимчивость к чужому образу мыслей дали молодому Зощенко богатый материал за несколько лет скитаний. Более двадцати наименований пришлось

бы перечислить, чтобы ответить на вопрос, чем приходилось будущему писателю зарабатывать на жизнь.

Популярность Зощенко связывают обычно с его рассказами. Именно они пробили путь к людям, которые лишь недавно научились читать. Кому было адресовано его творчество? Воспитанный в интеллигентной дворянской семье, Михаил Зощенко впитал в себя лучшие гуманистические идеалы русской культуры и литературы. Он имел совесть, не знавшую покоя и всегда сочувствовавшую простому, бедному человеку. Писатель считал себя обязанным помочь людям избавиться от груза прошлых пережитков. Он в своих весёлых рассказах высмеивал не людей, а их недостатки. Особенно важно при рассмотрении творчества М.Зощенко обратиться внимание на язык, которым говорят герои его рассказов. Писатель сумел заговорить с людьми, о которых и для которых он пишет, на их повседневном языке. Иногда этот язык был груб, резал слух, но – он существовал. Зощенко стал своим для малограмотного читателя. Писателю поверили.

Смеясь от души над зощенковскими рассказами, в которых всё было «голая правда», этот читатель был глубоко убеждён, что герой – рассказчик это сам писатель Зощенко. И людей тянуло к этому весёлому, неунывающему человеку. В этом секрет невиданный в истории русской литературы славы писателя Михаила Зощенко, которого знали и любили все – от только что научившегося читать бедняка до академика.

Однако судьба писателя Михаила Зощенко, сложилась трагично. Любимый народом, он оказался гонимым сталинским правительством, потому что помогал людям увидеть недостатки жизни. Долгие годы после его смерти книги рассказов были запрещены и не изучались в школе. Читатель снова к ним обратился сравнительно недавно.

НЕ НАДО ИМЕТЬ РОДСТВЕННИКОВ.

Два дня Тимофей Васильевич разыскивал своего племянника, Серегу Власова. А на третий день, перед самым отъездом, нашел. В трамвае встретил.

Сел Тимофей Васильевич в трамвай, вынул гривенник, хотел подать кондуктору, только глядит – что такое? Личность кондуктора будто очень знакомая. Посмотрел Тимофей Васильевич – да! Так и есть Серега Власов собственной персоной в трамвайных кондукторах.

- Ну! – закричал Тимофей Васильевич – Серега! Ты ли это, друг ситный?

Кондуктор сконфузился, поправил, без всякой видимой нужды, катушки с билетиками и сказал:

- Сейчас, дядя... билеты додам только.

- Ладно! Можно,- радостно сказал дядя.- Я обожду.

Тимофей Васильевич засмеялся и стал объяснять пассажирам:

- Это он мне родной родственник, Сергей Власов. Брата Петра сын... Я его семь лет не видел... сукинова сына...

Тимофей Васильевич с радостью посмотрел на племянника и закричал ему:

- А я тебя, Серега, друг ситный, два дня ищу. По городу роюсь. А ты вон где! Кондуктором. А я и по адресу ходил. На Разночинную улицу. Нету, отвечают. Мол, выбыл с адреса. Куда, отвечаю, выбыл, ответьте, говорю, мне. Я его родной родственник. Не знаем, говорят... А ты вон где – кондуктором что ли?

- Кондуктором,- тихо ответил племянник.

Пассажиры стали с любопытством рассматривать родственника. Дядя счастливо смеялся и с любовью смотрел на племянника, а племянник явно конфузился и, чувствуя себя при исполнении служебных обязанностей, не знал, что ему говорить и как вести себя с дядей.

- Так,- снова сказал дядя,- кондуктором, значит. На трамвайной линии?

- Кондуктором...

- Скажи какой случай! А я, Серега, друг ситный, сел в трамвай, гляжу – что такое? Личность будто у кондуктора чересчур знакомая. А это ты. Ах твою семь-восемь! Ну, я же рад... Ну, я же доволен...

Кондуктор потоптался на месте и вдруг сказал:

Платить, дядя, нужно. Билет взять... Далеко ли вам?

Дядя счастливо засмеялся и хлопнул по кондукторской сумке.

- Заплатил бы! Ей-богу! Сядь я на другой номер или, может быть, вагон пропустил – и баста – заплатил бы. Плакали мои денежки. Ах, твою семь-восемь!

А я еду, Серега, друг ситный, до вокзалу.

- Две станции,- уныло сказал кондуктор, глядя в сторону.

- Нет, ты это что? - удивился Тимофей Васильевич.- Ты это чего, ты правду?

- Платить, дядя, надо, - тихо сказал кондуктор.- Две станции... Потому как нельзя дарма, без билета, ехать...

Тимофей Васильевич обиженно сжал губы и сурово посмотрел на племянника.

- Ты это что же – с родного дядю? Дядю грабишь?

Кондуктор тоскливо посмотрел в окно.

- Мародерствуешь,- сердито сказал дядя.- Я тебя, сукиного сына, семь лет не видел, а ты чего это? Деньги требуешь за проезд. С родного дядю? Ты не махай на меня руками. Хотя ты мне и родной родственник, но и твоих рук не испужался. Не махай, не делай ветру перед пассажирами.

Тимофей Васильевич повертел гривенник в руке и сунул его в карман.

- Что же это, братцы, такое?- обратился Тимофей Васильевич к публике.- С родного дядю требует. Две, говорит, станции... А?

- Платить надо,- чуть не плача сказал племянник.- Вы, товарищ дядя, не сердитесь. Потому как не мой здесь трамвай. А государственный трамвай. Народный.

- Народный,- сказал дядя,- меня это не касается. Мог бы ты, сукин сын, родного дядю уважать. Мол, спрячьте, дядя, ваш трудовой гривенник. Езжайте на здоровье. И не развалится от того трамвай. Я в поезде давеча ехал... Не родной кондуктор, а и тот говорит: пожалуйста, говорит, Тимофей Васильевич, что за счета... Так садитесь... И довез... не родной... Только земляк знакомый. А ты это что – родного дядю... Не будет тебе денег.

Кондуктор вытер лоб рукавом и вдруг позвонил.

- Сойдите, товарищ дядя,- официально сказал племянник.

Видя, что дело принимает серьезный оборот, Тимофей Васильевич всплеснул руками, снова вынул гривенник, потом опять спрятал.

- Нет,- сказал,- не могу! Не могу тебе, сопляку, заплатить. Лучше пушай сойду.

Тимофей Васильевич торжественно и возмущено встал и направился к выходу. Потом обернулся.

- Дядю... родного дядю гонишь, с яростью сказал Тимофей Васильевич.- Да я тебя, сопляка... Я тебя, сукинова сына... Я тебя расстрелять за это могу. У меня много концов в Смольном...

Тимофей Васильевич уничтожающе посмотрел на племянника и сошел с трамвая.

СЛОВАРНАЯ РАБОТА:

- **Назойливый** – хира, шилкин
- **Почитатель** – эхтиромкунанда, хурматкунанда, иззаткунанда
- **Наблюдения** – назорат кардан, мушоҳида, таҳқиқ, тамошо кардан, нигоҳ кардан, муоина, дидбонӣ

- **Восприимчивость** – идрок, фаросат, хушзей 2) таъсирпазирӣ
- **Скитания** – оворагардӣ, дар ба дар гаштан, беҳонумонӣ
- **Наименование** – ном, исм
- **Популярность** – оммавӣ бурдан, омнафаҳмӣ, содагӣ, фаҳмо будан
- **Обычно** – одатан, аз рӯи таомул, бештар, аксаран
- **Идеал** – орзу, максоди оӣ
- **Сочувствовать** – ҳамдардӣ кардан, ғамхорӣ кардан, дилсӯзӣ кардан
- **Пережитки прошлого** – аз замони гузашта боқимонда
- **Резать слух** – гӯш буранда
- **«Голая правда»** - ҳақиқати бароҳна
- **Неунывающий** – бепарво, беғам
- **Трагично** – фозеъавӣ
- **Гонимый** – рондашуда
- **Гривенник** – пули тангаи даҳтинӣ
- **Сконфузиться** – шарманда (музтар) шудан, ҳичолат (изо) кашидан, шарм доштан
- **Любопытство** – кунҷковӣ, мароқ
- **Чересчур** – аз ҳад беҳад
- **Сурово** – ҷиддӣ, сангдил, бадқавок
- **Тоскливо** – ғамгинӣ, пургӯссагӣ
- **Высказывание** – баён, изҳор, ақида, гуфта, мулоҳиза
- **Несоответствие** – номунасивӣ, номувофиқӣ, номутобиқӣ

Вопросы и задания

1. Как отнестись к поведению племянника Сергея Власова? Прав ли он и почему?

2. Если бы кондуктор уступил требованию своего дяди, то как можно было бы охарактеризовать его поступок?

3. Что мешает дяде понять правильно своего племянника – кондуктора?

4. Сочувствуем ли мы, читатели, дяде? Прав ли он?

5. Что в рассказе вызывает смех?

6. В основе смешного всегда какое-то столкновение, несоответствие. Найдите в тексте несколько примеров несоответствия между поступками, высказываниями и т.д.

7. Какой очень распространенный человеческий недостаток высмеивает в рассказе М. Зощенко?

М. А. Шолохов
(1905-1984)

Всемирно известный писатель лауреат Нобелевской премии Михаил Александрович Шолохов прошел внешне обычный путь становления советского писателя. Из казачьей станицы на Дону перебирается в Москву. Там к нему приходит литературная известность. Очень скоро с семьей возвращается в станицу и практически постоянно живет там до конца жизни. Однако личность писателя не определяется внешними событиями его биографии. Глубиной и масштабностью своих романов

«Тихий Дон», «Поднятая целина» Шолохов продолжает оставаться интересным мировой общественности и сегодня.

С публикации рассказа «Судьба человека» в конце 50-х годов фактически начала свое развитие военная тема в советской литературе. Сюжет рассказа прост и суров. Герой Андрей Соколов, рабочий человек, прощается с семьей и уходит на войну. В середине войны попадает в немецкий плен. Проходит все ужасы плена. Дома погибает от бомбежки семья. Сын на войне становится капитаном, имеет ордена. Но встретиться отцу с сыном не суждено. Сын погибает в День Победы в Германии, где и будет похоронен. Трудно было Андрею Соколову возвращаться к мирной жизни. Одинокая, горькая судьба. Однако, сердце его не высохло в нем жило сострадание, сочувствие и любовь к людям. Мальчик-сирота согрел душу Соколова. Судьба соединила их как отца и сына ради продолжения жизни.

О рассказе «СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА»

(1957)

В 1957г. опубликован рассказ «Судьба человека», написанный Шолоховым всего за несколько дней, хотя задуман он был давно. Еще в 1946 г. писатель встретил человека, который рассказал ему о своей жизни. Судьба этого человека, бывшего солдата, взволновала писателя и легла в основу произведения. Писатель поставил цель рассказать не просто историю жизни одного человека, а связать ее с событиями в жизни народа и страны. Рассказ о трудной, даже трагической судьбе героя заставляет поверить в человека, в его силу и прекрасные качества характера.

В гражданскую войну Андрей Соколов был в Красной Армии, сражался против врагов Советской власти. В 1922 г. ему пришлось уехать из родной воронежской деревни на Кубань. Вся семья Андрея в этот трудный год умерла от голода. Впоследствии Андрей переехал в Воронеж, работал сначала плотником, а затем слесарем на заводе. В 1929 г. он изучил автодело и стал работать шофером. Андрей Соколов испытал в жизни большую, настоящую любовь. Будущее обещало быть счастливым. «Так и прожил десять лет и не заметил, как они прошли... Зарабатывал хорошо, и жили мы не хуже людей. И дети радовали...» Так рассказывает о себе Соколов. Так могли бы рассказать о себе тысячи других советских людей.

Счастливую семейную жизнь прервала война. Соколов идет на фронт.

Огромные испытания выпали на долю Андрея Соколова. Тяжело раненный, он попал в фашистский плен и испытал на себе весь ужас этой жизни. Погибла вся его горячо любимая семья.

Но жизнь не сломила его, не убила в нём человека. И в плену сумел сохранить он человеческое достоинство. Рискуя своей жизнью, он отказывается пить за победу

Германии. Он голодал, но отказался от закуски, предложенной немцем, хлеб и сало, которые он получил, делит поровну на всех пленных в бараке.

Несчастья не сделали Соколова злым, ожесточенным человеком, не убили любовь к людям, к жизни. Нежно и ласково обращается он с осиротевшим в годы войны мальчиком, которого усыновил. Вместе с автором мы верим, что герой сумеет воспитать приёмного сына настоящим человеком, любящим свою Родину.

Рассказ «Судьба человека» сравнительно небольшой. Но Шолохов сумел в характере героя отобразить значительную часть биографии страны. По богатству содержания, охвату событий рассказ можно приравнять к роману. История страны и судьба Андрея Соколова здесь как бы сливаются в единое целое.

Повествование в рассказе ведется в основном от первого лица. Андрей Соколов – скромный человек: он нигде не подчеркивает свой героизм, скупко рассказывает о тех испытаниях, которые выпали на его долю в плену. И тем не менее перед нами настоящий героический характер. Вся жизнь Андрея Соколова – подвиг. Его речь немногословна, проста и даже сурова. И Шолохов достигает нужного результата: за внешней суровостью Соколова скрывается его сердечность, доброта, отзывчивость к чужому горю. В языке героя видны его индивидуальные черты и особенности характера. Свои мысли, чувства и переживания он раскрывает образным и точным языком. Горе, тоска, радость – всё это передает Соколов, используя богатство и красоту народного языка. Через речь видна связь героя с народом и отражены особенности русского характера.

Большую роль в рассказе играет автор – рассказчик. У автора и героя много общего в суждениях о жизни и людях. Перед нами человек, у которого была нелегкая жизнь. В лице встретившегося ему человека, который рассказал о трудной своей судьбе, он нашел близкого ему человека.

Автор стал активно действующим лицом в рассказе. Он не просто слушает, он размышляет о жизни своего собеседника, сочувствует ему, переживает вместе с героем, задумывается о силе и возможности человека, думает о его дальнейшей судьбе. Он восхищается мужеством Соколова, красотой человека, гордится русским человеком, верит в его будущее.

Рассказ вызвал большой интерес читателей и стал любимым произведением миллионов. Он переведён на многие иностранные языки, много раз издавался. На основе рассказа известный режиссер и актёр С.Бондарчук поставил кинофильм «Судьба человека», который удостоен Ленинской премии.

«СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА» **(Отрывки)**

Он встал и говорит: «Я окажу тебе великую честь, сейчас лично расстреляю тебя...здесь неудобно, пойдем во двор, там ты и распишешься». – « Воля ваша»,- говорю я ему. Он постоял, подумал, а потом кинул пистолет на стол и наливает полный стакан шнапса, кусочек хлеба взял... и все это подает мне и говорит: « Перед смертью выпей, русс Иван, за победу немецкого оружия».

Я было из его рук и стакан взял и закуску, но как только услышал эти слова, - меня будто огнем обожгло! Думаю про себя: « Чтобы я, русский солдат, да стал пить за победу немецкого оружия?! А кое- чего ты не хочешь, герр комендант? Один черт мне умирать, так и провались ты пропадом вместе со своей водкой!»

Поставил я стакан на стол, закуску положил и говорю: « Благодарствую за угощение, но я непьющий». Он улыбается: « Не хочешь пить за нашу победу? В таком случае выпей за свою гибель». А что мне было терять? «За свою гибель и избавление от мук я выпью», - говорю я

ему. С тем взял стакан и в два глотка вылил его в себя, а закуску не тронул, вежливенько вытер губы ладонью и говорю: «Благодарствую за угощение. Я готов, герр комендант, пойдёмте, распишите меня».

Но он смотрит внимательно так и говорит: «Ты хоть закуси перед смертью». Я ему на это отвечаю: «Я после первого стакана не закусываю». Наливает он второй, подаёт мне. Выпил я и второй и опять же закуску не трогаю, на отвагу бью, думаю: «Хоть напьюсь, перед тем как во двор идти, с жизнью расставаться». Высоко поднял комендант свои белые брови, спрашивает: «Что же не закусываешь, русс Иван? Не стесняйся!» А я ему свое: «Извините, герр комендант, я и после второго стакана не привык закусывать». Надул он щеки, фыркнул, а потом как захохочет и сквозь смех что-то быстро говорит по-немецки, видно переводит мои слова друзьям. Те тоже рассмеялись, стульями задвигали, поворачиваются ко мне мордами и уже, замечая, как-то иначе на меня поглядывают, вроде помягче.

Наливает мне комендант третий стакан, а у самого руки трясутся от смеха. Этот стакан я выпил вразяжку, откусил маленький кусочек хлеба, остаток положил на стол. Захотелось мне им, проклятым, показать, что хотя я и с голоду пропадаю, но давиться ихней подачкой не собираюсь, что у меня есть свое, русское достоинство и гордость и что в скотину они меня не превратили, как ни старались.

После этого комендант стал серьёзный с виду, поправил у себя на груди два железных креста, вышел из-за стола безоружный и говорит: «Вот что, Соколов, ты настоящий русский солдат. Ты храбрый солдат. Я – тоже солдат и уважаю достойных противников. Стрелять я тебя не буду. К тому же сегодня наши доблестные войска вышли к Волге и целиком овладели Сталинградом. Это для нас большая победа, а потому я великодушно дарю тебе

жизнь. Ступай в свой блок, а это тебе за смелость», - и подает мне со стола небольшую буханку хлеба...

Прижал я хлеб к себе из всей силы... и до того растерялся от такого неожиданного поворота, что и спасибо не сказал, сделал налево кругом, иду к выходу, а сам думаю: «Засветит он мне сейчас промеж лопаток и не донесу ребятам этих харчей». Нет, обошлось. И на этот раз смерть мимо меня прошла, только холодком от нее потянуло...

Приятель мой и жена его были бездетные, жили в собственном домике на краю города. Он хотя и имел инвалидность, но работал шофером в автороте, устроился и я туда же. Поселился у приятеля, приютили они меня. Разные грузы перебрасывали мы в районы, осенью переключились на вывозку хлеба. В это время я и познакомился с моим новым сыном, вот с этим, какой в песке играет... И вот один раз вижу возле чайной этого парнишку, на другой день - опять вижу. Этаким маленький оборвыш: личико все в арбузном соку, покрытом пылью, грязный, как прах, нечесаный, а глазенки, как звездочки ночью, после дождя! И до того он мне полюбился, что я уже, чудное дело, начал скучать по нем, спешу из рейса поскорее его увидеть. Около чайной он и кормился, - кто что даст.

На четвертый день, прямо из совхоза, груженный хлебом, подворачиваю к чайной. Парнишка мой там сидит на крыльце, ножонками болтает и, по всему видать, голодный. Высунул я в окошко и кричу ему: «Эй, Ванюшка! Садись скорее на машину, прокачу на элеватор, а оттуда вернемся сюда, пообедаем». Он от моего окрика вздрогнул, соскочил с крыльца, на подножку вскарабкался и тихо так говорит: «А вы откуда знаете, дядя, что меня Ваней зовут?» И глазенки широко раскрыл, ждет, что я ему отве-

чу. Ну, я ему говорю, что я, мол, человек бывалый и все знаю.

Зашел он с правой стороны, я дверцу открыл, посадил его рядом с собой, поехали. Шустрый такой парнишка, а вдруг чего-то притих, задумался и нет- нет да и взглянет на меня из- под длинных своих, загнутых кверху ресниц, вздохнет. Такая мелкая птаха, а уже научился вздыхать. Его ли это дело? Спрашиваю: «Где же твой отец, Ваня?» Шепчет: «Погиб на фронте». – «А мама?» - «Маму бомбой убило в поезде, когда мы ехали».- «А откуда вы ехали?» - «Не знаю, не помню...» - «И никого у тебя родных нету?» - «Никого». – «Где же ты ночуешь? « - «А где придется».

Закипела тут во мне горячая слеза, и сразу я решил: «Не бывать тому, чтобы нам порознь пропадать! Возьму его к себе в дети». И сразу у меня на душе стало легко и как-то светло. Наклонился я к нему, тихонько спрашиваю: «Ванюшка, а ты знаешь, кто я такой?» Он и спросил, как выдохнул: « Кто?» Я ему и говорю так же тихо: « Я – твой отец».

Боже мой, что тут произошло! Кинулся он ко мне на шею, целует в щеки, в губы, в лоб, а сам, как свиристель, так звонко и тоненько кричит, что даже в кабине глушно: «Папка, родненький! Я знал! Я знал, что ты меня найдешь! Все равно найдешь!» Прижался ко мне и весь дрожит, будто травинка под ветром. А у меня в глазах туман будто и тоже всего дрожь бьет, и руки трясутся...

СЛОВАРНАЯ РАБОТА

- **Личность** – шахс, одам, касс
- **Внешние события** – ҳодисаҳои берунӣ
- **Масштабность** – масштабӣ, хеле калон
- **Публикация** – нашр, интишор, эълон кардан
- **Суровость** – хунукӣ, шиддат, сахтӣ, бадқавоқӣ, сангдили
- **Судьба** – тақдир, қисмат, сарнавишт

- **Высохнуть** – хушк шудан, қоқ шудан, хушкшуда
- **Волнение** – мавҷзанӣ, талатум, обхез, ҳаяҷон, изтироб
- **Лечь в основу** – асос шудан
- **Цель** – мақсад
- **Трагическая судьба** – қисмати мудҳиш
- **Впоследствии** – баъдҳо, сонӣ, баъд
- **Прервать** – қатъ кардан, тарк кардан
- **Испытания** – санҷиш, озмоиш
- **Ужас** – даҳшат, ваҳшат, ваҳима
- **Достоинство** – эътибор, шаън, қадру қиммат, манзалат
- **Рисковать** – таваккал кардан
- **Ожесточённый** – сангдил, (бераҳм) карда шуда
- **Ласково** – навозишқорона, бомуҳаббат
- **Отобразить** – инъикос кардан, тасвир кардан
- **Значительная часть** – қисми хеле калон
- **Сливаться** – қати шуда ҷорӣ шудан
- **Немногословный** – мӯҷаҳ, камгап, камсухан
- **Отзывчивость** – меҳрубонӣ, мушфиқӣ
- **Размышлять** – ба фикру хаёл рафтан, мулоҳиза кардан
- **Собеседник** – камсӯхбат, мусоҳиб
- **Переживать** – ҳис карда шудан, ғамхорӣ кардандилсӯзӣ кардан
- **Восхищаться** - ба шавқ овардан, мафтун шудан
- **Мужество** – ҷасорат, далерӣ, мардӣ
- **Гордиться** – фаҳр кардан, худписанд
- **Оказать честь** – номус намудан
- **Неудобно** – нобоб, носоз, ноқулай
- **Обжигать** – сӯзондан, сӯхтан
- **Угощение** – зиёфат, меҳмондорӣ
- **Погибель** – ҳалокат, завол, ҳалок (маҳв) шудан
- **Избавление** – халос (озод, раҳо) кардан, наҷолт ёфтан
- **Отвага** – диловарӣ, шучоат

- **Выпить врасстяжку** – ёзида, дарозкашида нӯшидан
- **Подачка** – луқма (ки ба ҳайвон мефартоянд)
- **Скотина** – (разг.) чорпо, ҳайвони хонагӣ, чорпои хонагӣ
- **Противник** – душман, хасм, ганим
- **Неожиданный поворот** – гарши ногоҳон (ғайри чашм-дошт)
- **Бездетные** – бефарзанд, бебача, безурёт
- **Прияатель** – дӯст, рафиқ, ошно, чӯра
- **Приютить** – паноҳ (сарпаноҳ) додан
- **Человек бывалый** – одами кордида
- **Закипать** – ба чӯш омадан (даромадан)
- **Драматизм** – драматизм, қувваи таъсири асар
- **Напряженность** – шиддатнокӣ, чиддӣ (сахт) будан
- **Манера** – тарз, тариқа, услуб
- **Породниться** – хеш (хешу табор, хешу ақрабо) шудан, хеши пайдо кардан, қаробат пайдо кардан

Вопросы и задания

1. Что удивляет в поведении Андрея Соколова на допросе у коменданта лагеря?

2. Какие черты характера показал Соколов перед Мюллером?

3. Какое чувство вызывает поступок Соколова у читателя?

4. Можно ли поверить в то, что комендант концлагеря Мюллер выразил уважение к русскому солдату?

5. В небольшом эпизоде (фрагменте) почти полностью раскрывается характер Соколова.

Как сам писатель относится к своему герою?

6. Какими словами (указать часть речи) Андрей Соколов передает драматизм и высокую напряженность сцены допроса у Мюллера?

7. Манера повествования меняется, когда Соколов рассказывает о мальчике Ване. Рассказ становится менее «плотным». Какие языковые средства выразительности здесь чаще встречаются (эпитет, сравнение)?

8. Какое чувство подтолкнуло Соколова к мальчику Ване? Как это чувство могло родиться в душе незнакомого человека? Как это характеризует Андрея Соколова?

9. Почему мы легко верим в возможность того, что два чужих человека могут породниться?

10. Какой вывод можно сделать о судьбе человека (Андрея Соколова, Вани) по приведенным отрывкам? Какое главное событие оставило свой след в людских судьбах?

Б. Полевой
(1908–1981)

Б. Полевой

Борис Николаевич Полевой (Кампов) родился 17 марта 1908 года в Москве в семье юриста. Родители были людьми образованными, с литературным вкусом. Максим Горький был их литературным пристрастием. Его же Б. Полевой избрал для себя жизненным образцом. Юношу привлекала журналистика – профессия увлекательная и романтическая. В 14 лет Полевой печатает свою первую

заметку в « Тверской правде ». Следуя совету М. Горького, Полевой углублял знания жизни. Упорно овладевал мастерством. Его газетные репортажи проникнуты острым чувством времени, а жизнь становится непрестанной встречей с людьми разных возрастов, биографий, профессий.

Постепенно Б. Полевой приближался к художественному творчеству. Его становление как писателя произошло в годы Великой Отечественной войны. С первого до последнего дня войны он оставался военным корреспондентом. В своих взглядах на литературу писатель определенно заявлял об особом значении книг документального характера. Его талант очень своеобразен. Полевой умеет писать о фактах, людях, сохраняя фактическую основу, но по-своему группируя факты и расставляя художественные акценты. По его словам литературное произведение становится «увеличительным стеклом» жизни. В военные годы Полевой сосредоточился на явлениях жизни, в которых отразилась героическая сущность людей.

Именно умение писателя брать факт из жизни, укрупнять характеры, уточнять фактические детали помогло воссоздать образ летчика Мересьева в самых характерных чертах. Художественное выделение этих черт, а не одна фактическая достоверность, и сделала «Повесть о настоящем человеке» событием в советской литературе.

Сюжет повести увлекателен и может даже показаться неправдоподобным, если бы не документальная основа. Сбитый в воздушном бою, полуобмороженный, измученный летчик, восемнадцать суток пробирается к своим. Писатель рассказывает не только как, но и во имя чего совершил Мересьев свой подвиг. Во имя Родины, народа. Не просто выжить, а стать опять нужным людям – вот какую вдохновляющую цель ставит перед собой Мересьев. На пути к этой цели и раскрываются идейные, нравственные качества «настоящего человека». Этот путь не заканчивается переходом через линию фронта. Самое трудное – научиться ходить на протезах, добиться разрешения летать.

Этот образ, созданный на документальной основе, сделался для миллионов читателей символом мужества и героизма.

Всю жизнь Борис Полевой совмещал творческую деятельность с общественной. Он участвовал почти во всех конгрессах и конференциях в защиту мира, был избран членом Советского комитета защиты мира и председателем Советского фонда мира, награжден золотыми медалями международных организаций защиты мира

«ПОВЕСТЬ О НАСТОЯЩЕМ ЧЕЛОВЕКЕ» **(Отрывки)**

Теперь, когда Мересьев всей силой своей воли устремился к одной цели – научиться ходить, - он плохо замечал, что творится вокруг него. День свой он рассчитал по строгому графику. Три часа в день – по часу утром, в полдень и вечером – проводил он на протезах, расхаживая по коридору. Сначала больных раздражала фигура в синем халате, бесконечно, с методичностью маятника мелькавшая в дверях палат, и равномерный скрип протезов, тягуче разносившийся в коридорных просторах. Потом к этому так привыкли, что как-то и не мыслили определённых часов суток без этой маячащей фигуры, и, когда Мересьев однажды заболел гриппом, из соседних палат в сорок вторую пришли гонцы узнать, что случилось с безногим лейтенантом.

По утрам Алексей делал зарядку, а потом, сидя на стуле, тренировал ноги для управления самолётом. Иной раз он упражнялся до одури, до того, что начинало звенеть в ушах, перед глазами мельтешили сверкающие зелёные круги, и пол начинал качаться под ногами. Тогда он шёл к рукомоюнику, мочил голову, потом отлёживался, чтобы прийти в себя и не пропустить часы ходьбы и гимнастики.

На этот раз, находившись до головокружения, он, не видя ничего перед собой, нащупал дверь и тихо опустился на свою койку.

В разгар лета 1942 года из тяжёлых дубовых дверей госпиталя в Москве, опираясь на крепкую, чёрного дерева палку, вышел коренастый молодой человек в открытом френче военного лётчика, в форменных брюках навыпуск, с тремя кубиками старшего лейтенанта на голубых петлицах. Его провожала женщина в белом халате. Косынка с красным крестом, какие носили сёстры милосердия в прошлую мировую войну, придавала её доброму, милосердному лицу немного торжественное выражение. На площадке подъезда они остановились. Лётчик снял мятую, выгоревшую пилотку и неловко поднёс к губам руку сестры, а та взяла ладонями его голову и поцеловала в лоб. Потом, слегка переваливаясь, он быстро спустился по ступенькам и, не оглядываясь, пошёл по асфальту набережной мимо длинного здания госпиталя.

Раненые в синих, жёлтых, коричневых пижамах махали ему из окон руками, палками, костылями, что-то советовали, напутствуя его. Он тоже махал им рукой, но видно было, что стремился он как можно скорее уйти от этого большого серого здания и отворачивался от окон, чтобы скрыть своё волнение. Он шёл быстро, странной, прямой, подпрыгивающей походкой, легко опираясь на палку. Если бы не тихий скрип, отмечавший каждый его шаг, никому и в голову не пришло бы, что у этого стройного и крепко сбитого, подвижного человека ампутированы ноги.

Весть о том, что в санатории живёт безногий, мечтающий летать на истребителе, мгновенно распространилась по палатам. Уже к обеду Алексей оказался в центре всеобщего внимания. Впрочем, сам он, казалось, этого

внимания не замечал. И все, кто наблюдал за ним, кто видел и слышал, как он раскатисто смеялся с соседями по столу, много и с аппетитом ел, по традиции отвешивал положенное число комплиментов хорошеньким подавальщицам, как с компанией гулял он по парку, учился играть в крокет и даже побросал мяч на волейбольной площадке, не заметили в нём ничего необычного, кроме медлительной, подпрыгивающей походки. Он был слишком обыкновенен. К нему сразу привыкли и перестали обращать на него внимание.

На второй день своего пребывания в санатории Алексей появился в канцелярии у Зиночки. Он галантно вручил ей завёрнутое в лопушок обеденное пирожное и, бесцеремонно усевшись у стола, спросил её, когда она собирается выполнить своё обещание.

- Какое? – спросила она, высоко подняв подрисованные дуги бровей.

- Зиночка, вы обещали научить меня танцевать.

- Но... - пыталась возразить она.

- Мне говорили, что вы такая талантливая учительница, что безногие у вас пляшут, а нормальные, наоборот лишаются не только ног, но и голову теряют, как было с Федей. Когда начнём? Давайте не тратить времени попусту.

Но всякий раз, когда Наумов командовал в трубку: «На посадку!» - он видел в зеркале немую просьбу горячих тёмных глаз, даже не просьбу, а требование, и не находил в себе духа повторить приказание. Вместо десяти минут они летали около получаса.

Выскочив из кабины, Наумов запрыгал около самолёта, прихлопывая рукавицами, топая ногами. Ранний морозец действительно в это утро был островат. Курсант же что-то долго возился в кабине и вышел из неё медленно, как бы неохотно, а сойдя на землю, присел у крыла со

счастливым, действительно пьяным каким-то лицом, пылавшим румянцем от мороза и возбуждения.

- Ну, замёрз? Меня сквозь унты ух как прохватило! А ты, на-ка в ботиночках. Не замёрзли ноги?

- У меня нет ног, - ответил курсант, продолжая улыбаться своим мыслям.

- Что? – подвижное лицо Наумова вытянулось.

- У меня нет ног, - повторил Мересьев отчётливо.

- То есть как это «нет ног»? Как это понимать? Больные что ли?

- Да нет – и всё... Протезы.

Мгновение Наумов стоял, точно пригвожденный к месту ударом молотка по голове. То, что ему сказал этот странный парень, было совершенно невероятным. Как нет ног? Но ведь он только что летал, и неплохо летал...

- Покажи, - сказал инструктор с каким-то страхом.

Алексея это любопытство не возмутило и не оскорбило. Наоборот, ему захотелось окончательно удивить смешного, весёлого человека, и он движением циркового фокусника разом поднял обе штанины.

Курсант стоял на протезах из кожи и алюминия, стоял и весело смотрел на инструктора, механика и дожидавшихся очереди на полёты.

Наумов сразу понял и волнение этого человека, и необыкновенное выражение его лица, и слёзы в его чёрных глазах, и ту жадность, с какой он хотел продлить ощущение полёта. Курсант его поразил. Наумов бросился к нему и бешено затряс его руки:

- Родной, да как же?... Да ты... ты просто даже не знаешь, какой ты есть человек!..

СЛОВАРНАЯ РАБОТА

- **Образованный человек** – одами бомаърифат (босавод)
- **Пристрастие** – майл, рағбат, хавас, шавқ, хирс, шик, хавсала

- **Упорство** – суботкорй, истодагарй, матонат, исроркорй
- **Овладевать** – ба даст даровардан, забт кардан, соҳиб шудан
- **Своеобразно** – ба худ хос, маҳсус
- **Акцент** – зада, аломати зада
- **Сосредотачиваться** – чамъ (ғун, якчоя, туда) карда шудан, нигаронидашудан, дода шудан
- **Явления жизни** – мӯчизаи зиндагӣ
- **Героическая сущность** – моҳияти қаҳрамонӣ
- **Неправдоподобный** – аз ҳақиқат дур будан, ба ҳақиқат рост наомадан
- **Идейные, нравственные качества** – сифати ахлоқӣ ва ҷоявӣ

Вопросы и задания

1 Какое состояние Мересьева передает высокое напряжение и упорство с которыми он стал тренировать себя для полетов?

2 С каким чувством провожали Мересьева все обитатели госпиталя, когда он быстро спустился по ступенькам подъезда и, не оглядываясь, пошел по асфальту?

3 Для чего безногому летчику Мересьеву понадобилось учиться танцевать на протезах? О какой черте характера это говорит? Какое отношение вызывает к себе этот герой?

4 Какие строчки в тексте отрывков говорят о том, что Мересьев одержал полную победу не только над болезнью, судьбой, но над самим собой?

5 Какие черты Мересьева делают его настоящим человеком?

6 Чему учит нас герой Б. Полевого летчик Мересьев?

7 Легко ли быть настоящим человеком, от чего это зависит? (Письменно)

В. Распутин
(род. 1937)

Валентин Григорьевич Распутин, коренной сибиряк родился в 1937 году в крестьянской семье. Литературная известность пришла к нему довольно скоро. На него обратили внимание М. Шолохов, Л. Леонов, В. Чивилихин. Его произведения получили широкую мировую известность. У Валентина Распутина – чуткая совесть. Герои его произведений – простые деревенские люди; но те проблемы, которыми они живут, переходят через географические, национальные и классовые границы. Действие большинства его произведений происходит в сибирской деревне. Писатель рос в крестьянской семье и с детства хорошо узнал тяжелую деревенскую жизнь военных и послевоенных лет. Об этом времени он написал в рассказе автобиографического характера «Уроки французского». Призывая к милосердию, Распутин пишет о мальчике, приехавшем учиться в город в по-

слевоенное время. Пережить все трудности сиротской жизни ему помогает учительница французского языка Лидия Михайловна. Мальчик раньше никогда не отлучался из семьи и не был готов жить среди чужих людей. У него не ладилось с французским, обижали товарищи. Душевная теплота учительницы навсегда осталась в благодарной памяти героя рассказа.

По мнению писателя, память – это главная составляющая человеческой личности, опора нравственности.

Распутин заявил себя писателем – психологом, который умеет увлечь читателя интересом к подробностям внутренней жизни скромного, почти незаметного человека. Он привлек к себе внимание всего мира четырьмя повестями – «Деньги для Марии», «Последний срок», «Живи и помни» и «Прощание с Матёрой» - и двумя десятками рассказов.

В 1977 году Распутин стал лауреатом Государственной премии СССР.

«УРОКИ ФРАНЦУЗСКОГО» **(Отрывок)**

Однажды мне сказали, что внизу, в раздевалке, для меня лежит посылка, которую занёс в школу какой-то мужик. Дядя Ваня, конечно, наш шофёр, - какой ещё мужик! Наверное дом у нас был закрыт, а ждать меня с уроков дядя Ваня не мог – вот и оставил в раздевалке. Я с трудом дотерпел до конца занятий и кинулся вниз. Тетя Вера, школьная уборщица, показала мне на стоящий в углу белый фанерный ящичек, в каких снаряжают посылки по почте. Я удивился: почему в ящичке? – мать обычно отправляла еду в обыкновенном мешке. Может быть, это и не мне вовсе? Нет, на крышке были выведены мой класс и моя фамилия. Видно надписал уже здесь дядя Ваня – чтобы не перепутали, для кого. Что это мать выдумала зако-

лачивать продукты в ящик?! Глядите, какой интеллигентной стала!

Нести посылку домой, не узнав, что в ней, я не мог: не то терпение. Ясно, что там не картошка. Для хлеба тара тоже, пожалуй, маловата, да и неудобна. К тому же хлеб мне отправляли недавно, он у меня ещё был. Тогда что там? Тут же, в школе, я забрался под лестницу, где, помнил лежит топор, и, отыскав его, оторвал крышку. Под лестницей было темно, я вылез обратно и, воровато озираясь, поставил ящик на ближний подоконник.

Заглянув в посылку, я обомлел: сверху, прикрытые аккуратно большим белым листом бумаги, лежали макароны. Вот это да! Длинные желтые трубочки, уложенные одна к другой ровными рядами, вспыхнули на свету таким богатством, дороже которого для меня ничего не существовало. Теперь понятно почему мать собрала ящик: чтобы макароны не поломались, не крошились, прибыли ко мне в целости и сохранности. Я осторожно вынул одну трубочку, глянул, дунул в неё, и, не в состоянии больше сдерживаться, стал жадно хрумкать. Потом таким же образом взялся за вторую, за третью, размышляя, куда бы мне спрятать ящик, чтобы макароны не достались чересчур прожорливым мышам в кладовке моей хозяйки. Не для того мать их покупала, тратила последние деньги. Нет макаронами я просто не попускаю. Это вам не какая-нибудь картошка.

И вдруг я поперхнулся. Макароны... Действительно, где мать взяла макароны? Сроду их у нас в деревне не бывало, ни за какие шиши их там купить нельзя. Это что же тогда получается? Торопливо, в отчаянии и надежде я разгрёб макароны и нашёл на дне ящичка несколько больших кусков сахара и две плитки гематогена. Гематоген подтвердил: посылку отправляла не мать. Кто же в таком случае, кто? Я ещё раз взглянул на крышку: мой класс, моя фамилия – мне. Интересно очень интересно.

Я втиснул гвозди крышки на место и , оставив ящик на подоконнике, поднялся на второй этаж и постучал в учительскую. Лидия Михайловна уже ушла. Ничего, найдем, знаем, где живет, бывали. Значит, вот как: не хочешь садиться за стол – получай продукты на дом. Значит так. Не выйдет. Больше никому. Это не мать: она бы и записку не забыла вложить, рассказала бы, откуда, с каких приисков взялось такое богатство.

Когда я бочком влез с посылкой в дверь, Лидия Михайловна приняла вид, что ничего не понимает. Она смотрела на ящик, который я поставил перед ней на пол, и удивленно спрашивала:

-Что это? Что такое ты принёс? Зачем?

-Это вы сделали, - сказал я дрожащим, срывающимся голосом.

-Что я сделала? О чем ты?

-Вы отправили в школу эту посылку. Я знаю, вы.

Я заметил, что Лидия Михайловна покраснела и смутилась. Это был тот единственный, очевидно, случай, когда я не боялся смтреть ей прямо в глаза. Мне было наплевать, учительница она или моя троюродная тетка. Тут спрашивал я, а не она, и спрашивал не на французском, а на русском языке, без всяких артиклей. Пусть отвечает.

-Почему ты решил, что это я?

-Потому что у нас не бывает никаких макарон. И гематогену не бывает.

-Как! Совсем не бывает?! – Она изумилась так искренне, что выдала себя с головой.

-Совсем не бывает. Знать надо было.

Лидия Михайловна вдруг засмеялась и попыталась меня обнять, но я отстранился от нее.

-Действительно надо, было знать. Как же это я так?! – Она на минутку задумалась. – Но тут и догадаться трудно

было – честное слово! Я же городской человек. Совсем, говоришь, не бывает? Что же у вас тогда бывает?

-Горох бывает. Редька бывает.

-Горох... редька... А у нас на Кубани яблоки бывают. Ох, сколько сейчас там яблок! Я нынче хотела поехать на Кубань, а приехала почему-то сюда. –Лидия Михайловна вздохнула и покосилась на меня. –Не злись. Я же хотела как лучше. Кто знал, что можно попасться на макаронах? Ничего, теперь буду умнее. А макароны ты возьми...

-Не возьму, - перебил я её.

-Ну, зачем ты так? Я знаю, что ты голодаешь. А я живу одна, денег у меня много. Я могу покупать что захочу, но ведь мне одной... Я и ем-то помаленьку, боюсь потолстеть.

-Я совсем не голодаю.

-Не спорь, пожалуйста, со мной, я знаю. Я говорила с твоей хозяйкой. Что плохого, если ты возьмёшь сейчас эти макароны и сваришь себе сегодня хороший обед? Почему я не могу тебе помочь – единственный раз в жизни? Обещаю больше никаких посылок не подсовывать. Но эту, пожалуйста, возьми. Тебе надо обязательно есть досыта, чтобы учиться. Сколько у нас в школе сытых лоботрясов, которые ни в чем ничего не соображают и никогда, наверное, не будут соображать, а ты способный мальчишка, школу тебе бросать нельзя.

Её голос начинал на меня действовать усыпляюще; я боялся, что она меня уговорит, и, сердясь на себя за то, что понимаю правоту Лидии Михайловны, и за то, что собираюсь её всё-таки не понять, я, мотая головой и борючись что-то, выскочил за дверь.

СЛОВАРНАЯ РАБОТА

- **Коренной сибиряк** – сибирии аслй

- **Чуткая совесть** – инсофи меҳрубон
- **Не ладились** – кори бе барор, нобарории кор
- **Лауреат государственной премии** – лауреати мукофоти давлатӣ
- **Обыкновенный** – оддӣ, тобин, одатӣ, муқаррарӣ, ҳарруза
- **Заколачивать** – куфтан (мех), мех зада маҳкам кардан
- **Терпение** – сабр, тобу тоқат, таҳаммул, бардошт
- **Тара** – зарфи ҳолӣ
- **Топор** – табар
- **Подоконник** – зертахтаи тиреза, канфаи тиреза, тоқчаи пеши тиреза
- **Аккуратно** – мураббаъ, мунтазаман, дар сари вақт, дар вақташ
- **Вспыхнуть** – якбора дар гирифтани, аланга гирифтани, шӯълавар шудан
- **Чересчур** – аз ҳад беҳад
- **Прожорливый** – пурхӯр, носерам, баднафс
- **Кладовка** – анборча, мадон
- **Поперхнуться** – сулфа кардан, гулӯ афшондан
- **Ни за какие шиши** – (разг.) фурӯхта намешудагӣ
- **В отчаянии** – дар сари қаҳр
- **Надежда** – умед, чашмдашт, тавваққӯ
- **Плитка гематогена** – татачаи гематоген
- **Дрожащий** – ларзан, ларзанда
- **Покраснеть** – сурх шудан (аз шарм), ранг гирифтани, ранг додан
- **Смутиться** – ҳичолат кашидан, шарм доштан
- **Изумиться** – дар ҳайрат мондан
- **Отстраняться** – дур карда шудан
- **Редька** – Турб
- **Вздыхнуть** – нафаси чуқур кашидан
- **Покоситься** – қач шудан, тоб партофтани (хӯрдан)

- **Злиться** – ба ғазаб омадан, бадхашм шудан
- **Подсовывать** – ба таг тикқондан
- **Есть досыта** – то серй хўрдан
- **Лоботряс** – дангоса, муғамбир
- **Способный** – бо лаёқат
- **Бормотать** – ғур-ғур кардан

Вопросы и задания

1 Какими словами можно охарактеризовать учительницу Лидию Михайловну? Какой она человек?

2 Почему Лидия Михайловна, желая помочь своему ученику, пошла на хитрость? Чего она боялась?

3 Прав ли был мальчик, когда не хотел принять макароны от своей учительницы? Почему он так поступил?

4 Почему мальчик сразу угадал от кого он получил посылку?

5 Правильно ли поступила Лидия Михайловна, когда стала помогать своему ученику?

6 С каким чувством мальчик относится к своей учительнице Лидии Михайловне?

7 Вспомните и опишите чей-нибудь добрый поступок по отношению к вам. (Письменно)

Н. Г. Троепольский

Гаврил Николаевич Троепольский – прозаик, очеркист, родился в семье священника. Работал учителем в школе, агрономам.

Печататься начал с 1938г. В 50-е годы выходит цикл его рассказов «Из записок агронома», в которых рассказчик

болезненно переживает за те драматические события, которые происходят в деревенской жизни. В рассказах наглядно проявлялось открытое неприятие троепольским чиновничьего произвола, равнодушия, идейной болтовни, всего того, что искажало сельскую жизнь. В журнале «новый мир» печатаются его повести «кандидат наук», где автор выступает против «никчемных, оторванных от жизни» теоретиков, которые сидят в своих кабинетах и занимаются бессмысленным бумагомаранием; повесть «В камышах», где предоставлен калейдоскоп характеров и судеб. На одном полюсе те, кто несмотря ни на что, не способны изменить своему призванию, на таких людях, по мысли Трепольского, держится жизнь, на другом – сельские бюрократы. Им написаны рассказы «У крутого яра», «Митрич», очерк «о реках, почвах и прочем», пьеса «Постояльцы». Наибольшую известность принесла писателю повесть «Белый Бим Черное ухо» 1971г. отмеченную Госпремией и международными премиями.

О ПОВЕСТИ «БЕЛЫЙ БИМ ЧЁРНОЕ УХО»

Повесть «Белый Бим Чёрное ухо» - о собаке, о её преданности человеку, – о человечности вообще. Хозяин собаки одинок и болен, – у него осколок под сердцем, хозяина увозят в больницу, а его пёс Бим остаётся один. Бим долго ищет хозяина и во время своих поисков встречает много разных людей – и хороших, и плохих, и жестоких. Повесть заканчивается трагически: Бим не находит своего хозяина и погибает.

Описывая жизнь собаки, писатель как бы смотрит на людей глазами Бима - этого доброго существа, привыкшего к доверию и ласке.

Изображая жестокость, автор утверждает добро, любовь, доверие как норму человеческого поведения, утвер-

ждает взаимосвязь всего живого и необходимость бережного отношения к нему.

Отрывок из повести посвящён тем счастливым дням в жизни Бима, когда он ещё не разлучился с хозяином.

«БЕЛЫЙ БИМ ЧЕРНОЕ УХО» (отрывок)

...Второй раз они приходили сюда же поздним утром, но уже без ружья.

(...) На этот раз Бим стал смелее: всё отлично просматривается (не то, что тогда, в сумерках). И он носился по лесу вволю, не упуская, однако, из виду хозяина. Всё было великолепно.

Наконец Бим наткнулся на ниточку запаха вальдшнепа*. И потянул. И сделал классическую стойку. Иван Иванович послал «Вперёд», а стрелять-то ему и нечем. Да ещё приказал лежать, как полагается при взлёте птицы. Абсолютно непонятно, видит или нет? Бим искоса поглядывал на него до тех пор, пока не убедился – видит.

По второму вальдшнепу всё получилось так же. Что-то похожее на обиду Бим теперь всё-таки выражал: настоженный взгляд, пробежка стороной, даже попытки к неповиновению – одним словом, недовольство назревало и искало выхода. Именно поэтому-то Бим погнался завлечевшим, третьим уже, вальдшнепом, как обыкновенная дворняга. Но за вальдшнепом далеко не поскачешь: мелькнул в ветвях, и нет его. Бим вернулся недовольный, да к тому же был наказан. Что же, он лёг в сторонке и глубоко вздохнул (собаки здорово умеют так делать).

Всё это ещё можно бы перенести, если бы не добавилась вторая обида. (...). А дело было так.

* Вальдшнеп - лесная птица

Остановился Иван Иванович и смотрит, смотрит по сторонам, и нюхает (туда же!). Потом шагнул к дереву, присел и тихонечко, одним пальцем, погладил цветок, малюсенький такой (для Ивана Ивановича он почти без запаха, а для Бима вонючий до невозможности). И что ему – в том цветке? Но хозяин сидел, улыбался. Бим, конечно, сделал вид, что ему тоже вроде бы хорошо, но это только исключительно из уважения к личности, а на самом деле он был немало удивлён.

- Ты посмотри, посмотри-ка, Бим! – воскликнул Иван Иванович и наклонил нос собаки к цветку.

Такого Бим уже не мог вынести - он отвернулся. Затем незамедлительно отошёл и лёг на полянке, всем видом выражая одно: «Ну и нюхай свой цветок!» Расхождения требовали срочного выяснения отношений, но хозяин смеялся в глаза Биму счастливым смехом. И это было обидно. «Тоже мне, хохочет!»

А тот опять к цветку:

- Здравствуй, первенький!

Бим понял точно: «здравствуй» сказано не ему

Ревность закралась в собачью душу, если можно так выразиться, вот что случилось. Хотя дома отношения как будто наладились, но день для Бима получился неудачный: была дичь – не стреляли, побежал сам за птицей – наказали, да ещё - цветок этот. Нет, всё-таки и у собаки жизнь бывает собачья, ибо она живёт под гипнозом трёх «китов»: «Нельзя», «Назад», «Хорошо».

Только не ведали они, ни Бим, ни Иван Иванович, что когда-то этот день, если бы они вспомнили, показался бы им огромным счастьем.

СЛОВАРНАЯ РАБОТА

- **Прозаик** – насрнавис, носир
- **Преданность** – вафодорй

- **Осколок** – пара, порча, тика
- **Поиск** – чустучӯ
- **Взаимосвязь** – робитаи дутарафа
- **Необходимость** – зарурат, зарур
- **Доверие** – бовар
- **Нюхать** – бўй кардан
- **Молюсенький** – майдача
- **Вонючий до невозможности** –
- **Исключительно** – махсусан, танҳо, фақат
- **Удивляться** – ба ҳайрат омадан
- **Незамедлительно** –
- **Полянка** – марғзор, ялангӣ дар беша
- **Расхождение** – башохаҳо ҷудошавӣ
- **Ревность** – рашк, зидият, ихтилоф
- **Закрасться** – ба вучуд омадан
- **Отношение наладились** – муносибат хуб шуд
- **Неудачный** – бебарор
- **Дичь** – собир, сайд
- **Гипноз** – гипноз, қувваитаъсир

Вопросы и задания

1. Что вы можете рассказать о писателе Троепольском?
2. Что является главной темой повести «Белый Бим Черное ухо»?
3. Каким автор рисует Бима?
4. Одинаково ли было отношение людей к Биму? Приведите примеры из текста.
5. Почему хозяин и Бим были разлучены на некоторое время? И как Бим переносит эту разлуку?
6. Почему поведение хозяина вызвало у Бима обиду?
7. Почему вызвана вторичная обида Бима на своего хозяина?

8. Какие эмоции вызвал у Ивана Ивановича увиденный цветок.
9. Ваше отношение к рассказу.
10. Каких животных вы любите, почему? (напишите это в небольшом сочинении).

ПОЭЗИЯ

А. А. Блок (1880-1921)

О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твое лицо в простой оправе
Передо мной стояло на столе.

Но час настал, и ты ушла из дому.
Я бросил в ночь заветное кольцо.
Ты отдала свою судьбу другому,
И я забыл прекрасное лицо

Летели дни, крутясь проклятым роєм...
Вино и страсть терзали жизнь мою

И вспомнил я тебя пред аналоем,
И звал тебя как молодость свою...

Я звал тебя, но ты не оглянулась,
Я слезы лил, но ты не снизошла.
Ты в синий плащ печально завернулась
В сырую ночь ты из дому ушла.

Не знаю, где приют своей гордыне
Ты, милая, ты, нежная, нашла...
Я крепко сплю, мне снится плащ твой синий,
В котором ты в сырую ночь ушла...

Уж не мечтать о нежности, о славе,
Все миновалось, молодость прошла!
Твое лицо в его простой оправе
Своей рукой убрал я со стола

Словарная работа

- **Доблесть** – шуцоат, далерй
- **Подвиг** – қахрамонӣ
- **Оправа** – чанбарак
- **Заветный** – 1) диҳоҳ 2) маҳфӣ, пинҳонӣ
- **Кольцо** – ангуштарин
- **Прекрасный** – Оличаноб
- **Крутиться** – чарх (давр) задан, тоб хӯрдан, гаштан, ин сӯ-он су ҷунбинан
- **Проклятый** – лаънатӣ, манҳус, падарлаънат / бран. Разг. Сабилмонда, зормонда
- **Рой** – 1) оила (занбури асал) 2) перен. бисер, силсила
- **Терзать** – пора-пора кардан, 2) азоб (азият) додан

- **Аналой** – церк. Аналой (мизи китоб) ва икона дар калисо
- **Оглянуться** – ба ақиб нигоҳ кардан, гашта нигоҳ кардан
- **Снизойти** – 1) уст. Фуромадан, киж. Илҳом ёфтан, 2) марҳамат кардан, илтифот кардан, мувесо кардан
- **Завернуться** – 1) худро печондан, печидан, 2) қатъ кардан, бар задан
- **Приют** – паноҳгоҳ, зарпараст, маъво
- **Расставание** – чудоғӣ, чудо шудан
- **Символы** – рамз, аломат, нишона
- **Образы** – талъат, қиёфа, симо, тимсол, тасвир

Вопросы и задания

1. Кем была любимая женщина для поэта, когда он переживал трудности жизни?

2. Чем закончились сложные отношения поэта со своей любимой?

3. Было ли для поэта лёгким расставание с любимой?

4. “Синий плащ”, “сырая ночь”- это образы –символы. Синий – это цвет силы, уверенности. Ночь – это тайна, неизвестность. Теперь подумайте над стихами и решите, какие чувства переживает поэт, думая о своей любимой? Есть ли у него душевные силы, чтобы вернуть всё?

5. “Я крепко сплю...”, - как вы понимаете значение этой фразы?

РОССИЯ

Опять, как в годы золотые,
Три стертых треплются шлеи,
И вязнут спицы расписные
В расхлябанные колеи...

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые -
Как слезы первые любви!

Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

Пускай заманит и обманет, -
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...

Ну что ж? Одной заботой боле -
Одной слезой река шумней,
А ты все та же – лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...

И невозможное возможно
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,

Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!..

СЛОВАРНАЯ РАБОТА.

- **Стёртый** – хурда шуда
- **Шлея** – пордум, ремень, кашак, тасма, тасмаи сари синаи аспи

- **Вязнуть** – гӯтида рафтан, гӯтидан, гӯтида мондан, гӯтида андармон шудан
- **Спицы** – (игла для вязания); сихи чуроббофӣ
- **Расписной** – (разг.) нақши гулзор
- **Расхлябанный** – шалақ шуда, зумбонок
- **Колея** – 1)изи ароба, 2)роҳи оҳан 3) перен. Роҳи муқаррарии ҳаёт
- **Нищий** – гадо
- **Избы** – қулба, хоначаҳои фарсуда
- **Серый** – хокистарранг
- **Жалеть** – дилсӯзӣ қардан
- **Крест** – салиб, чалипо, хоч
- **Чародей** – (уст.) чодугар, соҳир, афсунгар
- **Разбойный** – роҳзанӣ, ғоратгарӣ
- **Заманить** – ба ҳила ба дом андохтан
- **Сгинуть** – (разг.) нобуд (нест, дафъ) шудан, аз байн рафтан, барҳам хӯрдан
- **Забота** – ғам хӯрдан

Вопросы и задания:

1. Какою поэт видит Родину: богатой и процветающей или нищей и отсталой страной? Найдите подтверждение в тексте стихотворения.

2. С каким чувством поэт говорит о Родине?

3. Как вы думаете почему к любви примешиваются слёзы?

4. В образе какой женщины предстаёт Родина в стихотворении? Какими характеристиками этот образ можно описать?

5. Связывает ли поэт свою судьбу с судьбой Родины?

6. Внимательно перечитайте начало и конец стихотворения. Какой образ, какая картина служит как бы рамкою этому произведению? Как это можно объяснить?

7. Верит ли поэт в будущее возрождение Родины? Приведите доказательство текстом стихотворения.

А. А. Ахматова
(1889–1966)

Сероглазый король

Слава тебе, безысходная боль!
Умер вчера сероглазый король.
Вечер осенний был душен и ал,
Муж мой, вернувшись, спокойно сказал:

«Знаешь, с охоты его принесли,
Тело у старого дуба нашли.

Жаль королеву. Такой молодой!:
За ночь одну она стала седой».

Трубку свою на камине нашел
И на работу ночную ушел.

Дочку мою я сейчас разбужу
В серые глазки ее погляжу.

А за окном шелестят тополя:
«Нет на земле твоего короля...»

СЛОВАРНАЯ РАБОТА.

- **Сероглазый** – симобичашм
- **Король** – подшоҳ
- **Безысходная боль** – дарди бедармон, бепоён
- **Душный** – хафақунанда, нафас мегирондагӣ
- **Камин** – оташдон, оташдони деворӣ
- **Разбудить** – бедор кардан, аз ғафлат хезондан
- **Поглядеть** – нигоҳ кардан, назар (чашм) андохтан
- **Шелестеть** – хиширос задан, шибир-шибир кардан
- **Объяснить** – ззоҳ (шарҳ) додан, баён (маънидод) кардан
- **Перечислять** – як-як шумурдан, ном ба ном гуфтан, номбар кардан

Вопросы и задания:

1. О поэзии А.Ахматовой говорили, что она” никогда не объясняет, она показывает” В стихотворении перечисляются разные картины. Какое чувство в лирической героине передаёт поэт?

2. Подберите из стихотворения рифмы к следующим словам:

- безысходная Боль
- душен и ал
- молодой

- нашёл

Как вы думаете, рифмы подобраны поэтом по сходству значений или по противопоставлению?

3. Лирическая героиня стихотворения открыта душой или несёт в себе какую-то тайну? От кого?

Я пришла к поэту в гости.
Ровно полдень. Воскресенье.
Тихо в комнате просторной,
А за окнами мороз

И малиновое солнце
Над лохматым сизым дымом...
Как хозяин молчаливый
Ясно смотрит на меня!

У него глаза такие,
Что запомнить каждый должен;
Мне же лучше, осторожной,
В них и вовсе не глядеть.

Но запомнится беседа,
Дымный полдень, воскресенье
В доме сером и высоком
У морских ворот Невы.

СЛОВАРНАЯ РАБОТА.

- **Полдень** – нимрӯзӣ, нисфирӯзӣ, пешин
- **Просторный** – васеъ, кушод, паҳновар, фарох, фаҳӯл
- **Малиновый** – тамашк, кайҳа (бугтал, тамашк)

- **Лохматый** – мўйсари парешон, алпасар
- **Сизый** – кабуд, кабутранг, (дуди кабуд)
- **Дым** – дуд
- **Молчаливый** – кам гап
- **Ясно** – фаҳмо
- **Осторожно** – эҳтиёткорона
- **Глядеть** – нигоҳ кардан
- **Запомнить** – ба ёдж гирифтан, ба сар доштан
- **Беседа** – ҳамсӯҳбат
- **Полдень** – пешин, нимрӯзӣ, нисфирӯзӣ
- **Подробности** – муфассалӣ, тафсилноқӣ
- **Безразличие** – бепарвой, безътиной, дилхунуқӣ
- **Восхищение** – шавк, шавку завк, шодӣ, мафтунӣ, вачд

Вопросы и задания.

1. Есть ли в стихотворении подробности встречи с А. Блоком, которого А. Ахматова боготворила?
2. Что важно для лирической героини, разговор о поэзии или сам факт присутствия рядом с Блоком?
3. Какое чувство выражено в кратких описаниях-показах: безразличие или восхищение? Докажите это.
4. Выпишите все эпитеты из стихотворения. Можно ли, глядя на эти слова, объединить их одной темой? Почему это сумела сделать А. Ахматова? Как вы думаете?

Как белый камень в глубине колодца
 Лежит во мне одно воспоминание
 Я не могу и не хочу бороться:
 Оно – веселье и оно – страданье.

Мне кажется, что тот, кто близко взглянет
В мои глаза, его увидит сразу.
Печальней и задумчивее станет
Внимающего скорбному рассказу.

Я ведаю, что боги превращали
Людей в предметы, не убив сознание,
Чтоб вечно жили дивные печали.
Ты превращен в мое воспоминанье.

СЛОВАРНАЯ РАБОТА.

- **Колодец** – чоҳ, кудук
- **Воспоминание** – ёддоштҳо
- **Печальный** – ғамгин, ғам, андӯх
- **Задумчивый** – ба фикр рафтан
- **Скорбный** – андӯхчин(она), маҳзун
- **Избавляться** – халос (озод, раҳо) карда шудан, наҷот ёфтан
- **Расставание** – ҷудои, ҷудо шудан

Вопросы и задания

1. Можно ли считать, что это стихотворение о любви? Почему?
2. Стремится ли лирическая героиня избавиться от воспоминаний?
3. Какое чувство продолжает жить в глубине её сердца?
4. Вызывает ли героиня чувство жалости к себе или она восхищает душевной силой и умением переносить боль расставания?

5. Какая строчка стихотворения говорит о том, что героиня продолжает дорожить ушедшей любовью?

С. А. ЕСЕНИН
(1895-1925)

Разбуди меня завтра рано
О моя терпеливая мать!
Я пойду за дорожным курганом
Дорогого гостя встречать

Я сегодня увидел в пуще
След широких колес на лугу.
Треплет ветер под облачной кучей
Золотую его дугу.

На рассвете он завтра промчится,
Шапку-месяц пригнув под кустом,
И игриво взмахнет кобылица
Над равниною красным хвостом.
Разбуди меня завтра рано
Засвети в нашей горнице свет.
Говорят, что я скоро стану

Знаменитый русский поэт.

Воспою я тебя и гостя,
Нашу печь, петуха и коров...
И на песни мои прольется
Молоко твоих рыжих коров

СЛОВАРНАЯ РАБОТА

- **Терпеливая** – собир, босабр, ботахаммул, пуртоқат
- **Курган** – тепа, баландӣ
- **Пуца** – чангали зич, чангалзор
- **Луг** – чаман, марғзор
- **Трепать** – Титу парешон кардан, фатила кардан
- **Рассвет** – субҳи дам, сахар
- **Промчатся** – тозон-тозон (бо суръат) рафтан (давидан)
- **Пригнуть** – хам кардан, хобондан
- **Игриво** – бо шӯҳӣ, шӯҳикунон, бозикунон
- **Кобылица** – байтал
- **Засветить** – равшан гардонидан
- **Привлекать** – ба худ ҷалб кардан
- **Перечислять** – номбаркунӣ
- **Покинуть** – партофтан, партофта рафтан, тарк кардан
- **Березняк** – дарахтзори тӯс, тӯсзор
- **Пруд** – ҳавз, толоб
- **Грусть** – андӯҳ, ҳузн, ғам, дилтангӣ, зикӣ
- **Седина** – мӯи сафед
- **Пурга** – бўрон, тӯйфон, барфу шамоли сахт
- **Клён** – фарк, заранг

Вопросы и задания

1. Поэт, написавший это стихотворение, душой принадлежит городу или деревне? Почему?
2. Что привлекает лирического героя и заставляет его вставать рано? Перечислите.

3. К кому обращается лирический герой в стихотворении?

4. Мать лирического героя словно присутствует. Найдите в тексте доказательства её присутствия.

5. Кому близок, на кого похож лирический герой стихотворения?

6. Какие цветовые образы присутствуют в стихотворении?

Я покинул родимый дом
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть

Золотою лягушкой луна
Распласталась на тихой воде.
Словно яблонный цвет, седина
У отца пролилась в бороде.

Я не скоро, не скоро вернусь!
Долго петь и звенеть пурге.
Стережет голубую Русь
Старый клен на одной ноге.

И я знаю, есть радость в нем
Тем, кто листьев целует дождь,
Оттого что тот старый клен
Головой на меня похож.

СЛОВАРНАЯ РАБОТА:

- **Березняк** - дарахтзори тӯс, тӯсзор
- **Пруд** - ҳавз, толоб
- **Клен** - фарк, заранг

Вопросы и задания

1. О чём страдает душа лирического героя? Дайте ответ строчками стихотворения.
2. Можно ли из стихотворения узнать, в чём заключается мечта всей жизни героя?
3. Определите главные образы, рисующие деревню.

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому, что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при лунею
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

Потому, что я с севера, что ли,
Что луна там огромнее в сто раз,
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий
Потому, что я с севера, что ли.

Я готов рассказать тебе поле,
Эти волосы взял я у ржи,
Если хочешь, на палец вяжи -
Я нисколько не чувствую боли.
Я готов рассказать тебе поле.

Про волнистую рожь при луне
По кудрям ты моим догадайся.
Дорогая, шути, улыбайся,
Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при луне.

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Там, на севере, девушка тоже,
На тебя она страшно похоже,
Может, думает обо мне...
Шаганэ ты моя, Шаганэ

СЛОВАРНАЯ РАБОТА.

- **Волнистая рожь** – чавдори маргуладор
- **Раздолье** – вусъат, пахной
- **Палец** – панча
- **Вязать** – бофтан
- **Нисколько** – на он қадар
- **Кудри** – мӯи чинчала
- **Догадаться** – пай бурдан, фаҳмидан, сарфаҳм рафтан
- **Шутить** – шухӣ кардан
- **Память** – ёд, зеҳн, хотир

Вопросы и задания

1. Поэзия С. Есенина тесно связана с устным народным творчеством и отразила в себе его элементы. Догадайтесь, какая строчка служит кольцевым оформлением стихов?

2. Внимательно изучите первую строфу стихотворения. Что можно сказать о связи строчек с остальными строфами стихотворения?

3. Это стихотворение о любви. Есть ли у лирического героя понимание, что это любовь настоящая, на всю жизнь? Что мешает ему?

4. Способен ли лирический герой любить на всю жизнь? Что мешает ему?

5. О ком вспоминает герой стихотворения?

Клён ты мой опавший, клён заледенелый,
Что стоишь нагнувшись под метелью белой?
Или что увидел? Или что услышал?
Словно за деревню погулять ты вышел.

И, как пьяный сторож, выйдя на дорогу,
Утонул в сугробе, приморозил ногу.

Ах, и сам я нынче что-то стал нестойкий,
Не дойду до дома с дружеской попойки.

Там вон встретил вербу, там сосну приметил,
Распевал им песни под метель о лете.

Сам себе казался я таким же кленом,
Только не опавшим, а всюю зеленым.

И, утратив скромность, одуревши в доску,
Как жену чужую, обнимал березку.

Словарная работа.

- **Клён** – фарк, заранг
- **Опавший** – ба ногоҳ галтида
- **Заледенелый** – ях карда шуда, шахшуда
- **Нагнуться** – хам шудан

- **Метель** – шамоли сахт, шамол бо тўфону барф
- **Словно** – ҳамчун, ҳамранг
- **Сторож** – караул, посбон
- **Утонуть** – гарқ шудан
- **Сугроб** – тепа
- **Приморозить** – хунук задан, аз хунукӣ ях кардан
- **Нестойкий** – ноустувор
- **Попойка** – маст шудан ?
- **Верб** – дарахти бед
- **Скромность** – хоксор (одами хоксор) кардан, иштиёқманд будан
- **Душевное состояние** – ахволи даруни дил
- **Стремиться** – орзу кардан (кушиш)
- **Пейзаж** – табиат, манзараи табиат

Вопросы и задания

1. Какое душевное состояние переживает лирический герой? Стремится ли он к чему-нибудь?
2. Как описывается природа в стихотворении: как пейзаж или как выражение душевного состояния?
3. В какое время года происходят события, описанные в стихотворении?

ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Поэзия военных лет... Она сегодня является человеческим документом эпохи, в ней продолжают жить те, кто пережил войну и запомнил ее такой, какою она была. Сегодня поэзия военных лет – это обращение к нам, для кого война уже – история.

На войне люди не только воюют, но и мыслят, и чувствуют, мечтают, и ждут, любят и ненавидят. Наиболее полно и ярко сложную, многообразную жизнь человека в годы борьбы с фашизмом отразила русская лирическая поэзия, представленная десятками имен. Многие стихотворения военных лет были положены на музыку и живут до сих пор.

Поэзия ВОВ тематически разделяется на три раздела.

Тема Родины, патриотического порыва, будни и творчество человека на войне представлены многими поэтами, среди которых В.И.Лебедев-Кумач, К. Симонов. Своеобразный музыкально-поэтическим символом тех грозных лет стала песня «Священная война» В.И.Лебедева-Кумача (музыка А.Александрова). Написаны были эти стихи в первые дни войны, и сразу же под музыку этой песни с вокзалов Москвы уходили на фронт воинские эшелоны.

Военные будни заставляли солдат по-новому взглянуть на довоенную жизнь, многое переоценить. Проверке на прочность подверглась и настоящая дружба, человечность. Так, в стихотворении К.Симонова «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины», посвященному поэту и другу Алексею Суркову, гражданское чувство соединено с глубоко личными переживаниями.

Особенная судьба выпала на долю стихотворения К.Симонова «Жди меня». Это произведение многие солдаты знали наизусть. Написанное на листке, они хранили его в кармане военной гимнастерки. Женщины, ждавшие солдат с войны, тоже знали и любили это стихотворение. Оно напоминало, что любовь проверяется только верностью.

Войны оканчиваются, остается память. Часто эта память связана с потерями, как в стихотворении

М.Исаковского «Враги сожгли родную хату». Есть и память об однополчанах, память всенародная. О бессмертии подвига пишут уже потомки.

Все богатство и многообразие лирики военных лет не заслонило крупного поэтического произведения, известного и полюбившегося всему народу – поэма А.Т.Твардовского «Василий Теркин». Она печаталась по главам во всех фронтовых и центральных газетах. Герой поэмы – простой крестьянский парень Василий Теркин – стал родным и близким каждому солдату. Смышсленный и веселый, храбрый и отзывчивый, работающий и скромный – Теркин был легко узнаваем, т.к. такие парни

В каждой роте есть всегда,
Да и в каждом взводе.

С поэмой А.Твардовского «Василий Теркин» солдаты прошли через всю войну. Она учила защищать право на мирный труд, свободу, счастье, любовь, чтобы на земле продолжалась жизнь. Поэт создал в образе солдата Теркина глубокий и подлинно – народный характер.

Высокую оценку многих поэтов получил язык поэмы, рассчитанный на большинство солдат в армии – это были, прежде всего, рабочие и крестьяне. Именно для такого читателя и создавал А.Твардовский свое великое произведение:

Пусть читатель вероятный
Скажет с книжкою в руке:
-Вот стихи, а все понятно,
Все на русском языке....

В.И Лебедев – Кумач
(1898-1949)

Священная война

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой тёмною,
С проклятою ордой!

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, -
Идёт война народная,
Священная война!

Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей!

Не смеют крылья чёрные
Над родиной летать.
Поля её просторные
Не смеет враг топтать!

Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отребью человечества

Сколотим крепкий гроб!

Пусть ярость благородная
Вскипает как волна, -
Идёт война народная,
Священная война!

СЛОВАРНАЯ РАБОТА.

- **Эпоха** – давра, давр
- **Обращение** – мубаддал, табдил додан
- **Мыслить** – фикр кардан, андешидан
- **Ненавидеть** – нафрат кардан, бадъ дидан
- **Многообразная** – гуногун, мавридҳои гуногун
- **Отразить** – инъикос кардан, акс кунондан
- **Представлять** – нишон додан, муаррифӣ кардан
- **Патриотический порыв** – ҳиёнати ватандӯстӣ
- **Эшелон** – 1) воен. Хат, хати мудофия 2) қатори автомобил, гурӯҳи самолёт, поезд, эшелон
- **Будни** – рӯзҳои кор, рӯзҳои муқаррарӣ
- **Переоценить** – аз будаш зиёд кадр кардан
- **Проверка на прочность** – санҷиши мустаҳкамӣ, устуворӣ
- **Гражданское чувство** – ҳиссиёти граждони
- **Верность** – садоқат, вафодорӣ
- **Однополчанин** – ҳамполк
- **Потомки** – наслҳои оянда
- **Заслонить** – пӯшонидан, пеши чизеро гирифтан
- **Смышленный** – зирак, хушфаҳм, бофаросат
- **Отзывчивый** – меҳрубон, мушфиқ, ҳамдард
- **Рота** – воен. Рота(қисми қушун, ки як қузбӣ баталон мебошад)
- **Взвод** – взвод (қузбӣ рота, эскадрон ё батарея)
- **Вероятный** – мумкин, имконпазир, эҳтимолӣ
- **Огромная** – бузург, азим

- **Орда** – ўрда (номи давлат)?
- **Благородная** – чавонмардона
- **Ярость** – бадхашмӣ, хашмгинӣ, бадқаҳр
- **Священная** – муқаддас
- **Отпор** – зарба (ба душман зарба задан); перен. муқобилият, муқобилат
- **Душители** – буғиқунандагон, моймолқунандагон
- **Насильник** – хафақунанда, чабрқунанда, тачовузгар, зурқунанда
- **Грабитель** – ғоратгар, роҳзан
- **Топтать** – пахш (зер) қардан, поймол қардан, тағи по қардан
- **Нечисть** – (уст.) чину ачин; перен. палидон, ифлосан, розилон
- **Гнилой** – пӯсида, тосида, гандида
- **Гроб** – тобут

Вопросы и задания

1. К кому конкретно обращается поэт в стихотворении?
2. Почему в стихотворении война называется «священной и народной»? Как это понимать?
3. Какое чувство стремится разбудить поэт у каждого человека?
4. Какими словами в стихотворении характеризуется враг?
5. Почему строчки этого стихотворения продолжают волновать и сегодня?

Константин Симонов .

РОДИНА

Касаясь трех великих океанов,
Она лежит, раскинув города,
Покрыта сеткою меридианов,
Непобедима, широка, горда.

Но в час, когда последняя граната
Уже занесена в твоей руке
И в краткий миг припомнить разом надо
Все, что у нас осталось вдалеке,

Ты вспоминаешь не страну большую,
Какую ты изъездил и узнал,
Ты вспоминаешь родину - такую,
Какой ее ты в детстве увидал.

Клочок земли, припавший к трем березам,
Далекую дорогу за леском,
Речонку со скрипучим перевозом,
Песчаный берег с низким ивняком.

Вот где нам посчастливилось родиться,
Где на всю жизнь, до смерти, мы нашли

Ту горсть земли, которая годится,
Чтоб видеть в ней приметы всей земли.

Да, можно выжить в зной, в грозу, в морозы,
Да, можно голодать и холодать,
Идти на смерть... Но эти три березы
При жизни никому нельзя отдать.

1941

СЛОВАРНАЯ РАБОТА:

- **Океан** – укёнус.
- **Меридианы** – хати тул.
- **Граната** (ручная) –
- **Миг** – лахза, дам, они вохид.
- **Занести гранату в руке** –
- **Изъездить** – давр задан.
- **Клочок** – парча
- **Скрипучий** – гичирросй, гарч.
- **Песчаный** – регзор.
- **Ивняк** – бедзор.
- **Посчастливилось** – мадад кардан, иқбол баландй кардан.
- **Горсть** – каф, уч, мушт.
- **Примета** – аломат, нишона, ишорат.
- **Зной** – гарми, таф, гармо, ҳарорат.

Вопросы и задания:

1. Определите основную тему стихотворения.
2. Какой вспоминает автор родину в последние минуты жизни?
3. Что символизируют три березы в данном стихотворении?

4. К какому лирическому произведению можно отнести это стихотворение: патриотическая лирика, пейзажная, любовная?
5. Что имеет в виду автор, когда говорит: «она лежит раскинув города, покрыта сеткой меридианов, непобедима, широка, города»?
6. Расскажите о своем клочке земли, т.е. о своей малой родине. (Письменно).

* * *

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.

Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,

Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно

Выпить не спеши.

Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: - Повезло.
Не понять, не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, -
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

1941

СЛОВАРНАЯ РАБОТА:

- **Грусть** – андӯх, ғам, дилтанги, зикӣ.
- **Жара** – гармӣ, ҳавои сӯзон, тафс.
- **Надоедать** – ба дил задан, безор кардан.
- **Наизусть** – аз ёд, аз бар.
- **Заодно** – якҷоя, бо ҳам.
- **Назло** – бақасд, бақасдона, ба рағм.
- **Пусть** – бигзор, майлаш, ҳатто агар.
- **Повезло** – бахташ ер шуд.

Вопросы и задания:

1. Какова, на ваш взгляд, основная тема стихотворения?
2. Что помогло выжить герою произведения? Привидите примеры из стихотворения, подтверждающие ваш ответ.

3. По идейному содержанию произведение может носить патриотический мотив, гражданский, любовный и др. к какому из них вы отнесете стихотворение «Жди меня».

4. Какие стихи, посвящённые Великой отечественной войне, вы знаете?

Контрольные вопросы и задания по первой части

1. Назовите главного героя рассказа «Гранатовый браслет»?
2. О какой любви идет речь в произведении «Гранатовый браслет»?
3. Кому пишет письмо телеграфист Желтков?
4. Из какого произведения взята Желтковым фраза: «Да святится имя твое»?
5. Как вы думаете, зачем Желтков пишет письмо Вере Николаевне?
6. Какие чувства вызвали у Веры Николаевны письмо Желткова?
7. Как вы думаете: был ли счастлив Желтков в своей любви к Вере Николаевне?
8. О каком историческом периоде идет речь в рассказе «Уроки французского»?
9. Назовите главных героев рассказа «Уроки французского»?
10. На какую хитрость пошла Лидия Михайловна, желая помочь мальчику?
11. Почему мальчик догадался, что посылка полученная им, была не от матери?
12. Как относился мальчик к своей учительнице?
13. Как вы думаете, почему мальчик не захотел брать посылку от Лидии Михайловны?

14. Какие чувства вызывала любимая у лирического героя? (А.Блок «О доблестях, о подвиге, о славе...»)
15. Как переживал герой расставание с любимой? (стихотворение А.Блока «О доблестях, о подвиге, о славе...»)
16. С чем ассоциируется для лирического героя образ любимой? (А.Блок)
17. Расскажите об образах символах в стихотворении?
18. Какими эпитетами награждает поэт родину? (А.Блок «Россия»)
19. С каким чувством говорит поэт о родине? (А.Блок Россия)
20. Верит ли поэт в будущее России? (А.Блок)
21. Почему Есенина называют крестьянским поэтом?
22. Назовите основных героев рассказа «Русский характер» А.Толстого.
23. Какие черты характера Егора Дрёмора можно считать главными?
24. Рассказать эпизод из рассказа. Егор в доме родителей. («Русский характер»).
25. Почему Егор Дрёмов назвался чужим именем?
26. Как реагирует Егор на заключение военно-медицинской комиссии? («Русский характер»).
27. Рассказать о героических подвигах Егора. («Русский характер»).
28. Кто спас Егора из горящего танка и как этот поступок характеризует того, кто спасал?
29. Охарактеризовать образ Кати Малышевой.
30. Тема и идея рассказа «Русский характер».
31. Кто является автором рассказа «Заячьи лапы»?
32. Назовите действующих лиц рассказа «Заячьи лапы».
33. Кто такой Карл Петрович?

34. Почему дед и Ваня хотели вылечить зайца?
35. Как характеризует людей их поступок по отношению к зайцу? («Заячьи лапы»).
36. Кого мы называем «братьями меньшими»?
37. Перескажите текст от лица одного из главных героев. («Заячьи Лапы»).
38. Чему нас учит рассказ «Заячьи лапы»?
39. Отношение автора к зайцу. («Заячьи лапы»).
40. Кто является автором рассказа «Старуха Изергиль»?
41. Почему рассказ «Старуха Изергиль» считается романтическим?
42. Где происходит действие рассказа «Старуха Изергиль»?
43. Кто рассказывает автору легенды о Ларре и Данко?
44. Что означает слово «легенда»?
45. Пересказать легенду о Данко.
46. Пересказать легенду о Ларре.
47. Как называют Ларру люди?
48. Какое наказание придумали люди Ларре?
49. .Какими художественно - изобразительными средствами пользуется автор, чтобы описать своих героев? («Старуха Изергиль»)
50. Дайте описание и характеристику старухе Изергиль.
51. В чём смысл конфликта Ларры с людьми?
52. С помощью каких средств создаётся фантастичность собирательного образа молдаван? («Старуха Изергиль»)
53. Ларра и Данко - гордые натуры. Чем же отличаются их гордость?
54. Кому посвящен рассказ Троепольского «Белый Бим Чёрное ухо»?

55. Какова тема и идея рассказа «Белый Бим Чёрное ухо»?
56. Какие чувства затрагивает Бим?
57. Опишите Ивана Ивановича. Дайте характеристику герою. («Белый Бим Чёрное ухо»).
58. Чему нас учит рассказ «Белый Бим Чёрное ухо»?
59. Расскажите об авторе рассказа «Сельские жители»
60. Определите тему и идею рассказа В.М.Шукшина «Сельские жители»?
61. Назовите главных героев рассказа В.М.Шукшина «Сельские жители».
62. Дайте характеристику героям рассказа В.М.Шукшина «Сельские жители».
63. Кто является автором книги «Повесть о настоящем человеке»?
64. Охарактеризуйте главного героя («Повесть о настоящем человеке»).
65. Почему рассказу дано такое название «Повесть о настоящем человеке»?
66. Как Мересьев стал инвалидом? Пересказ эпизода боя.
67. Сколько дней С.Мересьев добирался к своим?
68. Что помогло С.Мересьеву встать на ноги?
69. Как Мересьев прошёл военно- медицинскую комиссию?
70. В чём заключается сила и мужество героя?
71. Можно ли С.Мересьева считать истинным патриотом?
72. Что ценного можно взять для себя после прочтения книги Б.Полевого «Повесть о настоящем человеке»?
73. Что такое юмор и сатира?
74. Кто является автором рассказа «Не надо иметь родственников»?

75. Какими средствами достигается смешное в рассказе «Не надо иметь родственников»?
76. Кто является автором рассказа «Уроки французского»?
77. Кем до войны был Егорь Дремов?
78. Почему К. и мама Е. Дроемова приезжают к нему в часть?
79. Героem какого произведения является Ваня Малявин?
80. Основная тема рассказа «Заячьи лапы».
81. Основная идея рассказа «Заячьи Лапы».
82. О какой любви идёт речь в произведении «Гранатовый браслет»
83. Какие чувства вызывала любимая у лирического героя А.Блок «О доблестях, о подвигах, о славе»?
84. Как переживал герой расставание с любимой (А.Блок «О доблестях, о подвигах, о славе»)?
85. С чем ассоциируется для лирического героя образ любимой? (А.Блок)
86. Какими эпитетами награждает поэт родину? (А.Блок «Россия»).
87. С каким чувством говорит поэт о родине в стихотворении «Россия»
88. Верит ли поэт в будущее России? (А.Блок «Россия»).
89. Рассказать эпизод из рассказа «Русский характер»: «Егор Дрёмов в доме родителей»
90. Как реагирует Егор Дрёмов на заключение военно-медицинской комиссии?
91. Рассказать о героических подвигах Егора Дрёмова.
92. Кто является автором рассказа «Заячьи лапы»?
93. Назовите действующих лиц рассказа «Заячьи лапы»?
94. Как характеризует людей их поступок по отношению к зайцу? («Заячьи лапы»)

95. Перескажите текст от лица одного из главных героев («Заячьи лапы»)
96. Чему учит нас рассказ «Заячьи лапы»?
97. Почему рассказ «Старуха Изергиль» является романтическим?
98. Где развиваются события рассказа «Старуха Изергиль»?
99. Пересказать легенду о Данко.
100. Пересказать легенду о Ларре.
101. Какими художественно-изобразительными средствами пользуется автор, чтобы описать своих героев («Старуха Изергиль»)?
102. С помощью каких средств создается фантастичность собирательного образа молдаван? («Старуха Изергиль»)?
103. Кому посвящен рассказ Г. Троепольского «Белый Бим черное ухо»?
104. Какова тема и идея рассказа «Белый Бим Черное ухо»?
105. Опишите Ивана Ивановича. Дайте характеристику герою. («Белый Бим черное ухо»)
106. Чему учит нас рассказ «Белый Бим черное ухо»?
107. Расскажите об авторе рассказа «Белый Бим черное ухо».
108. Определите тему и идею рассказа «Сельские жители»
109. Назовите главных героев рассказа «Сельские жители»?
110. Дайте характеристику героям рассказа «Сельские жители».
111. Кто является автором книги «Повесть о настоящем человеке»?

112. Охарактеризуйте главного героя «Повести о настоящем человеке»?
113. Почему автор назвал свою книгу «Повесть о настоящем человеке»?
114. Какими средствами достигается смешное в рассказе «Не надо иметь родственников»?
115. Кто является автором рассказа «Уроки французского»?
116. Чем до войны занимался Егорь Дремов?
117. Героем какого произведения является Ваня Малявин?
118. Основная идея рассказа «Заячьи лапы»
119. Кого из героев рассказа «Заячьи лапы» можно отнести к отрицательным персонажам?
120. Почему зайца необходимо было показать доктору? «Заячьи лапы»
121. Как можно охарактеризовать Карла Петровича из рассказа «Заячьи лапы»?
122. Чем обязан был дед Малявин зайцу и почему?
123. Кто является автором рассказа «Судьба человека»?
124. Героем какого рассказа является Андрей Соколов?
125. Как характеризует свою довоенную жизнь Андрей Соколов?
126. Как характеризует Андрея Соколова эпизод в кабинете Мюллера?
127. При каких обстоятельствах Андрей Соколов попадает в плен?
128. При отправке на фронт, прощаясь, Соколов оттолкнул жену. Какое сложное душевное состояние выражает этот жест?
129. Кем является Ванюша Андрею Соколову?

130. Какое горе постигает А. Соколов за несколько дней до окончания войны?
131. В чём особенность композиции рассказа «Судьба человека»?
132. После гибели семьи Соколов теряет интерес жизни, что вновь возвращает ему интерес к жизни?
133. Чем отличается рассказ А. Соколова от авторского повествования?

II – часть

И . А . Крылов
(1769-1844)

Иван Андреевич Крылов родился 2 февраля 1769 в Москве в семье бедного армейского капитана. В 1775 г. отец вышел в отставку, и семья поселилась в Тверь.

Образование будущий баснописец получил неполное, обладая исключительными способностями, много читая с самого детства, настойчиво и упорно занимаясь самообразованием, стал одним из самых просвещенных людей своего времени.

После смерти отца семья осталась без всяких средств к существованию, и Крылову с десяти лет пришлось работать пи-

сарем в Тверском суде. Мать не сумела добиться пенсии после смерти мужа, и в 1782 было решено ехать в Петербург, который открывал возможность заниматься литературным трудом. На протяжении 1786-1788 Крылов написал трагедии «Клеопатра» и «Филомела» и комедии «Бешеная семья», «Проказники». Имя молодого драматурга вскоре приобретает известность в театральных и литературных кругах.

В 1809 вышла первая книга басен Крылова. Он написал более 200 басен. В баснях он показал всю Россию того времени - от царя до простого крестьянина. В баснях Крылов выступает защитником угнетенных, неправых людей. Осуждает жестокость, высмеивает невежество.

Есть басни, в которых Крылов осуждает общечеловеческие пороки: жадность, глупость, лесть.

Многие строки из басен Крылова стали использовать как поговорки и пословицы: «У сильного всегда бессильный виноват».

Басни Крылова учат нас не совершать ошибок, предупреждают нас от них.

И хотя Крылова уже давно нет, басни его не устарели, т. к. в них жизненная мудрость.

Умер Крылов в возрасте 75 лет 9 ноября 1844 г., похоронен в Петербурге.

«СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ»

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.
Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол и дом.

Все прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настает;
Стрекоза уж не поет:
И кому же в ум пойдет
На желудок петь голодный!
Злой тоской удручена,
К Муравью ползет она:
«Не оставь меня кум милой!

Дай ты мне собраться с силой
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!»
«Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?»
Говорит ей Муравей.
«До того ль, голубчик, было?

В мягких муравах у нас
Песни, резвость всякий час,
Так, что голову вскружило».
«А, так ты...» - «Я без души
Лето целое все пела». «Ты все пела?
Это дела: Так поди же, попляши!».

Словарная работа:

- **Попрыгунья**- бетоқат
- **Нужда**- зарурият
- **Плясать**- рақс кардан
- **Угнетенный**- ғамгин
- **Бесправный**- беҳуқуқӣ
- **Осуждать**- маҳкум кардан
- **Жестокость**- сангдили, бераҳмӣ
- **Невежество**- чоҳимӣ
- **Порок**- камбудӣ
- **Лесть**- хушомадгӯӣ
- **Предостерегать**- пешаки огоҳ кардан
- **Мудрость**- хирадмандӣ

Литературоведческие термины:

БАСНЯ - это небольшое аллегорическое произведение, это литературный жанр в котором обязательно присутствует мораль (нравоучение, насиҳат).

Басня была известна издавна. Уже в V в. до нашей эры автором басен был древнегреческий писатель Эзоп. Он писал их прозой. Существует выражение «эзопов язык» (по имени баснописца Эзопа), что значит иносказание, маскирующая мысль автора.

Вопросы и задания:

1. Кто был первым баснописцем?
2. Что означает термин «басня»?
3. Что вы знаете об И.А. Крылове?
4. Что означает выражение «эзопов язык»?
5. Рассказать басню наизусть.
6. Почему в басне Стрекозу называют Попрыгуньей?
7. О чем просит Стрекоза Муравья и почему?
8. Какие черты подчеркивает автор в Стрекозе?
9. Почему Муравей отказывает Стрекозе в просьбе?
10. Как понимать слова Муравья «Ты все пела? Это дело: Так поди же попляши»?.
11. Каким в басне показан Муравей? (Аргументируйте свой ответ).
12. Что имела в виду Стрекоза, когда говорила: «Оглянуться не успела, как зима катит в глаза»?
13. В чем аллегорический смысл басни?
14. Что значит в басне «мораль»? Определите ее в данной басне.
15. Что осуждает в данной басне автор?
16. Как вы думаете почему существительные «Стрекоза» и «Муравей» в басне написаны с заглавной буквы?

Пояснить следующие выражения:

1. Помертвело чисто поле.....
2. Под каждым ей листком был готов и стол и дом.
3. Злой тоской удручена к Муравью ползет она.
4. В мягких муравах у нас песни, резвость каждый час.
5. Подобрать синонимы к незнакомым словам.

ВОРОНА И ЛИСИЦА

Уж сколько раз твердили миру,

Что лещ гнусна, вредна; но только все не впрок,
 И в сердце лещей всегда отыщется уголок.
 Вороне где-то бог послал кусочек сыру;
 На ель Ворона взгромоздясь,
 Позавтракать было совсем уж собралась,
 Да позадумалась, а сыр во рту держала.
 На ту беду Лиса близехонько бежала;
 Вдруг сырный дух Лису остановил:
 Лисица видит сыр, Лисицу сыр пленил.
 Плутовка к дереву на цыпочках подходит;
 Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит
 И говорит так сладко, чуть дыша:
 «Голубушка, как хороша!
 Ну что за шейка, что за глазки!
 Рассказывать, так, право, сказки!
 Какие перушки! Какой носок!
 И, верно, ангельский быть должен голосок!
 Спой, светик, не стыдись!
 Что, ежели, сестрица, при красоте такой и петь ты масте-
 рица, -
 Ведь ты б у нас была царь-птица!»
 Вещунья с похвал вскружилась голова,
 От радости в зобу дыханье сперло, -
 И на приветливы Лисицыны слова
 Ворона каркнула во все воронье горло.
 Сыр выпал - с ним была плутовка такова.

СЛОВАРНАЯ РАБОТА:

- **Твердить**- такрор кардан
- **Не впрок**- бе фоида
- **Ель**- коч
- **Взгромоздясь**- ба зур ба боло баромадан
- **Беда**- бадбахти
- **Пленить**- чазб кардан

- **Плутовка**- хила, фиребгар
- **Перышки**- пар
- **Ангельский**- фаришта

Вопросы и задания

1. Прочитать басню по ролям
2. Как автор называет Лису, почему?
3. Какие поступки Лисы подтверждают это определение?
4. Какой в басне показана Лиса?
5. Какой в басне показана Ворона? Приведите примеры, подтверждающие ваши слова.
6. Какой общечеловеческий порок высмеивает в басне автор?
7. В каких словах заключается мораль басни?
8. О чем предупреждает нас автор басни?
9. Приведите примеры из басни, явно свидетельствующие о том, что Лиса льстит Вороне.

Как вы понимаете следующие выражения:

1. Но только все не впрок,
2. В сердце лстеца всегда отыщет уголок,
3. От радости в зобу дыхание спёрло
4. Сыр выпал- с ним была Плутовка такова.
5. Придумать предложения, употребляя незнакомые слова.

А. С. Пушкин
(1799-1837)

Александр Сергеевич Пушкин – это великий поэт, создавший прекрасную литературу и русский литературный язык. В его стихах мы находим мотивы свободолюбия, патриотизма, прекрасна его пейзажная лирика, прекрасны стихи о любви.

Он написал роман в стихах «Евгений Онегин», где изобразил жизнь дворянского общества 20-х годов XIX в.

Писал Пушкин и прозаические произведения: «Капитанская дочка» и «Повести Белкина».

Пушкин требовательно относился к своему поэтическому дару. Он считал, что любой поэт должен служить отчизне, своему народу, и если это будет, народ никогда не забудет твоё имя (о чём он и сказал в стихотворении «Памятник»).

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
И в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к павшим призывал.

Лирика – от греческого слова «lira» - музыкальный инструмент, под аккомпанимент которого исполнялись стихотворные произведения. В отличие от эпоса, драмы, где в основе образа лежит многостороннее изображение человека, его характера в сложных взаимоотношениях с людьми, в лирическом произведении показано состояние души человека, его переживание, которое было прочувствовано поэтом в определенных обстоятельствах.

Лирическое произведение это мгновение человеческого переживания.

Я вас любил.

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.

Словарная работа:

- **Угасать**- хомӯш кардан
- **Тревожить** – хавотир шудан
- **Печалить** – ғамгин кардан
- **Робость** – тарсончакӣ, буздилий
- **Ревность** – рашк кардан
- **Томиться** – азият кашидан

Вопросы и задания:

1. Рассказать стихотворение наизусть.
2. Что означает слово «лира»?
3. Что отображает лирическое произведение?
4. Как вы думаете, почему не состоялась любовь поэта?
5. Как вы понимаете выражение «Я вас любил безмолвно, безнадежно»?
6. Каким должен быть характер у человека, написавшего такие строки?
7. Что испытывал поэт, когда писал эти строки?
8. Что на прощанье поэт пожелал любимой?
9. Он уходит от нее, можно ли сказать, что Он ее разлюбил? Аргументируйте ваш ответ.
10. Стихи каких поэтов о любви вы знаете?
11. Писал ли Пушкин прозаические произведения?

12. Почему поэт считал, что «долго будет он любезен народу»?

Самостоятельно: Выучить наизусть стихотворение А.С.Пушкина «Во глубине сибирских руд...». Определите тему, идею стихотворения, объясните подчеркнутые словосочетания.

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремление.
Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:
Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.
Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут - и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

МЕДНЫЙ ВСАДНИК (Поэма)

Когда Петр I был объявлен царем, он был еще мал, и вместо него страной правила его сестра Софья.

Россия того времени представляла собой отсталое во всех отношениях государство.

Сплошная безграмотность, нет специалистов, чтобы могла работать промышленность.

Петр I начинает с реформ в области образования, науки, промышленности, быта. Посылает на учебу за границу способную молодежь, независимо от происхождения. Он понимает, что надо открывать дорогу на Запад, но поскольку в России нет флота, сам едет в Голландию на верфь. Решив строить флот в России, сам принимает в этом активное участие.

Много сделал для России Петр, но он оставался царем, а это значит, что имел неограниченную власть и при неподчинении он издает указы о казнях и расправах. И хотя при Петре Россия стала развиваться, простой народ страдал.

«МЕДНЫЙ ВСАДНИК»

Вступление

На берегу пустынных волн
Стоял Он, дум великих полн,
И вдаль глядел.

Пред ним широко
Река неслася; бедный челн
По ней стремился одиноко.
По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца;
И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел. И думал он:
Отсель грозить мы будем шведу,
Здесь будет город заложен
На зло надменному соседу.
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при море.

Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам,
И запируем на просторе.
Прошло сто лет, и юный град,
Полночных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво;
Где прежде финский рыболов,
Печальный пасынок природы,
Один у низких берегов
Бросал в неведомые воды
Свой ветхой невод, ныне там
По оживленным берегам
Громады стройные теснятся
Дворцов и башен; корабли
Толпой со всех концов земли

К богатым пристаням стремятся;	Пустынных улиц, и светла
В гранит оделася Нева;	Адмиралтейская игла,
Мосты повисли над водами;	И, не пуская тьму ночную
Темно-зелеными садами	На золотые небеса,
Ее покрылись острова,	Одна заря сменить другую
И перед младшею столицей	Спешит, дав ночи полчаса.
Померкла старая Москва,	Люблю зимы твоей жестокой
Как перед новою царицей	Недвижный воздух и мороз,
	Бег санок вдоль Невы широкой,
Порфиноносная вдова.	Девичьи лица ярче роз,
Люблю тебя, Петра творенье,	И блеск, и шум, и говор балов,
Люблю твой строгий, стройный вид	В час пирушки холостой
Невы державное течение,	Шипенье пенистых бокалов
Береговой ее гранит,	И пунша пламень голубой.
Твоих оград узор чугунный,	
Твоих задумчивых ночей	Была ужасная пора,
Прозрачный сумрак, блеск безлунный	Обищей свежо воспоминанье...
Когда я в комнате моей	Об ней, друзья мои, для вас
Пишу, читаю без лампады,	Начну свое повествованье.
И ясны спящие громады	Печален будет мой рассказ.

СЛОВАРНАЯ РАБОТА

- **Убогий**- бечора, мискин, факир
- **Надменный**- пургурур, мағрур
- **Пасынок** – писари угай
- **Неведомый**- номаълум, ношинос
- **Ветхий**- кӯҳна, фарсуда
- **Пунш** – пунш (нӯшокии спиртдор, ки аз шароб бо оби чӯш, шарбати лиму ва ғайра омехта тайёр карда мешавад).

Вопросы и задания:

1. Кого имел ввиду автор, говоря «Стоял Он Дум великих полн»?
2. О чем были думы Петра и почему автор называет их великими?

3.Как первоначально выглядит берег, на котором стоит Петр?

4.Почему именно здесь Петр решил построить город?

5.Каким стал остров по истечению 100 лет?

6.Почему Петербург автор называет «младшей столицей» и почему перед ним «померкла старая Москва»?

7.Отношение автора к Петербургу (наизусть).

Поясните следующие выражения:

1.«Природой здесь нам суждено в Европу прорубить окно».

2.«Сюда по новым им волнам все флаги в гости будут к нам...».

3.«И перед младшею столицей померкнет старая Москва. Как перед новою царицей порфиноносная вдова».

4.«Одна заря сменить другую спешит, дав ночи полчаса ».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Над омраченным Петроградом Дышал ноябрь осенним хладом. Плеская шумною волной В края своей ограды стройной, Нева металась, как больной В своей постеле беспокойной. Уж было поздно и темно; Сердито бился дождь в окно, И ветер дул, печально воя. В то время из гостей домой Пришел Евгений молодой... Мы будем нашего героя Звать этим именем. Оно Звучит приятно; с ним давно Мое перо к тому же дружно. Прозванья нам его не нужно, Хотя в минувши времена Оно, быть может, и блистало И под пером Карамзина	В родных преданьях прозвучало; Но ныне светом и молвой Оно забыто. Наш герой Живет в Коломне; где-то служит, Дичится знатных и не тужит Ни о почиющей родне, Ни о забытой старине. Итак, домой пришед, Евгений Стряхнул шинель, разделся, лег. Но долго он заснуть не мог В волненье разных размышлений. О чем же думал он? о том, Что был он беден, что трудом Он должен был себе доставить И независимость и честь; Что мог бы бог ему прибавить Ума и денег. Что ведь есть Такие праздные счастливыцы, Ума недалекого, ленивыцы,
--	---

Которым жизнь куда легка!
 Что служит он всего два года;
 Он также думал, что погода
 Не унималась; что река
 Все прибывала; что едва ли
 С Невы мостов уже не сняли
 И что с Парашей будет он
 Дни на два, на три разлучен.
 Евгений тут вздохнул сердечно
 И размечтался, как поэт:
 "Жениться? Мне? зачем же нет?
 Оно и тяжело, конечно;
 Но что ж, я молод и здоров,
 Трудиться день и ночь готов;
 Уж кое-как себе устрою
 Приют смиренный и простой
 И в нем Парашу успокою.
 Пройдет, быть может, год-другой
 Местечко получу, Параше
 Препоручу семейство наше
 И воспитание ребят...
 И станем жить, и так до гроба
 Рука с рукой дойдем мы оба,
 И внуки нас похоронят..."
 Так он мечтал.
 Сонны очи
 Он наконец закрыл. И вот
 Редает мгла ненастной ночи
 И бледный день уж настает...
 Ужасный день!
 Нева всю ночь
 Рвалась к морю против бури,
 Не одолев их буйной дури...
 И спорить стало ей невмочь...
 Поутру над ее берегами
 Теснился кучами народ,
 Любуясь брызгами, горами
 И пеной разъяренных вод.
 Но силой ветров от залива
 Перегражденная Нева
 Обратно шла, гневна, бурлива,
 И затопляла острова,
 Погода пуще свирепела,
 Нева вздувалась и ревела,
 Котлом клокоча и клубясь,
 И вдруг, как зверь остервенясь,
 На город кинулась. Пред нею
 Все побежало, все вокруг
 Вдруг опустело - воды вдруг
 Втекли в подземные подвалы,
 К решеткам хлынули каналы,
 И всплыл Петрополь как тритон,
 По пояс в воду погружен.
 Осада! приступ! злые волны,
 Как воры, лезут в окна. Челны
 С разбега стекла бьют кормой.
 Лотки под мокрой пеленой,
 Обломки хижин, бревны, кровли,
 Товар запасливой торговли,
 Пожитки бледной нищеты,
 Грозой снесенные мосты,
 Гроба с размытого кладбища
 Плывут по улицам!
 Народ
 Зрит божий гнев и казни ждет.
 Увы! все гибнет: кров и пища!
 Где будет взять?
 В тот грозный год
 Покойный царь еще Россией
 Со славой правил. На балкон,
 Печален, смутен, вышел он
 И молвил: "С божией стихией
 Царям не совладеть". Он сел
 И в думе скорбными очами

На злое бедствие глядел.
 Стояли стогны озерами,
 И в них широкими реками
 Вливались улицы. Дворец
 Казался островом печальным.
 Царь молвил - из конца в конец,
 По ближним улицам и дальным
 В опасный путь средь бурных вод
 Его пустились генералы
 Спасать и страхом обуялый
 И дома тонущий народ.
 Тогда, на площади Петровой,
 Где дом в углу вознесся новый,
 Где над возвышенным крыльцом
 С подъятой лапой, как живые,
 Стоят два льва сторожевые,
 На звере мраморном верхом,
 Без шляпы, руки сжав крестом,
 Сидел недвижимый,

страшно бледный
 Евгений. Он страшился, бедный,
 Не за себя.
 Боже, боже! там -
 Увы! близехонько к волнам,
 Почти у самого залива -
 Забор некрашенный, да ива
 И ветхий домик: там оне,
 Вдова и дочь, его Параша,
 Его мечта...
 И он, как будто околдован,
 Как будто к мрамору прикован,
 Сойти не может! Вкруг него
 Вода и больше ничего!
 И, обращен к нему спиною,
 В неколебимой вышине,
 Над возмущенною Невою
 Стоит с простертою рукою
 Кумир на бронзовом коне.

СЛОВАРНАЯ РАБОТА:

- **Пристань** – бандар, бандаргох
- **Ограда** – сарҳад
- **Сумрак** – нимторикӣ
- **Холостой** – муҷаррад
- **Ужасная пора** – давраи даҳшатовар
- **Повествование** – нақл кардан, қисса
- **Печальный** – ғамгин
- **Метаться** – беқаророна
- **Скорбный** – ғамгинона
- **Кумир** – касеро парастидан

Вопросы и задания:

1. Думы и мечты Евгения, их отличие от дум Петра.

2. Почему называя имя Евгения, автор говорит, что его перу это имя знакомо?

3. Какое положение в обществе занимает Евгений?

4. Как описывает автор начало наводнения?

5. Какие меры предпринимает царь, чтобы помочь народу во время наводнения? (Найдите в тексте слова, подтверждающие ваше высказывание).

6. Поведение Евгения во время наводнения.

7. К кому автор обращает следующие слова: «Над возмущенною Невою стоит с простёртою рукою Кумир на бронзовом коне»?

8. Определите какие художественно – изобразительные средства использует автор в своей поэме: омраченный Петербург, бледный день, разъяренные волны, дышал ноябрь, Нева металась, волны злились, Нева металась как больной.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Но вот, насытись разрушеньем
И наглым буйством утомясь,
Нева обратно повлеклась,
Вода сбыла, и мостовая
Открылась, и Евгений мой
Спешит, душою замирая,
В надежде, страхе и тоске
К едва смирившейся реке.
Евгений смотрит: видит лодку;
Он к ней бежит как на находку;
Он перевозчика зовет -
И перевозчик беззаботный
Его за гривенник охотно
Чрез волны страшные везет
Несчастный
Знакомой улицей бежит
В места знакомые. Глядит,
Узнать не может. Вид ужасный!

Все перед ним завалено;
Что сброшено, что снесено;
Скривились домики, другие
Совсем обрушились, иные
Волнами сдвинуты; кругом,
Как будто в поле боевом,
Тела валяются. Евгений
Стремглав, не помня ничего,
Изнемогая от мучений,
Бежит туда, где ждет его
Судьба с неведомым известьем,
Как с запечатанным письмом.
И вот бежит уж он предместьем,
И вот залив, и близок дом...
Что ж это?..
Он остановился.
Пошел назад и воротился.
Глядит... идет... еще глядит.

Вот место, где их дом стоит;
Вот ива. Были здесь ворота –
Снесло их, видно. Где же дом?
И, полон сумрачной заботы,
Все ходит, ходит он кругом,
Толкует громко сам с собою –
И вдруг, удара в лоб рукою,
Захохотал. Ночная мгла
На город трепетный сошла;
Но долго жители не спали
И меж собою толковали
О дне минувшем.

Но бедный, бедный мой Евгений.
Увы! его смятенный ум
Против ужасных потрясений
Не устоял. Мятёжный шум
Невы и ветров раздавался
В его ушах. Ужасных дум
Безмолвно полон, он скитался.
Его терзал какой-то сон.
Прошла неделя, месяц – он
К себе домой не возвращался.
Его пустынный уголок
Отдал внаймы, как вышел срок,
Хозяин бедному поэту.
Евгений за своим добром
Не приходил. Он скоро свету
Стал чужд.

Весь день бродил пешком,
А спал на пристани; питался
В окошко поданным куском.
Одежда ветхая на нем
Рвалась и тлела. Злые дети
Бросали камни вслед ему.
Нередко кучерские плети
Его стегали, потому
Что он не разбирал дороги

Уж никогда; казалось – он
Не примечал. Он оглушен
Был шумом внутренней тревоги.
И так он свой несчастный век
Влачил, ни зверь ни человек,
Ни то ни се, ни житель света,
Ни призрак мертвый...
Раз он спал
У невской пристани. Дни лета
Клонились к осени.
Бедняк проснулся. Мрачно было:
Вскочил Евгений; вспомнил живо
Он прошлый ужас; торопливо
Он встал; пошел бродить, и вдруг
Остановился – и вокруг
Тихонько стал водить очами
С боязнью дикой на лице.
Он очутился под столбами
Большого дома. На крыльце
С поднятой лапой, как живые,
Стояли львы сторожевые,
И прямо в темной вышине
Над огражденною скалою
Кумир с простертою рукою
Сидел на бронзовом коне.
Евгений вздрогнул. Прояснились
В нем страшно мысли. Он узнал
И место, где потоп играл,
Где волны хищные толпились,
Бунтуя злобно вокруг него,
И львов, и площадь, и того,
Кто неподвижно возвышался
Во мраке медною главой,
Того, чьей волей роковой
Под морем город основался...
Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!

Какая сила в нем сокрыта!
А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?
О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?
Кругом подножия кумира
Безумец бедный обошел
И взоры дикие навел
На лик державца полумира.
Стеснилась грудь его. Чело
К решетке хладной прилегло,
Глаза подернулись туманом,
По сердцу пламень пробежал,
Вскипела кровь. Он мрачен стал
Пред горделивым истуканом
И, зубы стиснув, пальцы сжав,
Как обуянный силой черной,
"Добро, строитель чудотворный! -
Шепнул он, злобно задрожав, -
Ужо тебе!.." И вдруг стремглав
Бежать пустился. Показалось
Ему, что грозного царя,
Мгновенно гневом возгоря,
Лицо тихонько обращалось...
И он по площади пустой
Бежит и слышит за собой -
Как будто грома грохотанье -
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой.
И, озарен луною бледной,
Простерши руку в вышине,

За ним несется Всадник Медный
На звонко-скачущем коне;
И во всю ночь безумец бедный,
Куда стопы ни обращал,
За ним повсюду Всадник Медный
С тяжелым топотом скакал.
И с той поры, когда случилось
Идти той площадью ему,
В его лице изображалось
Смятение. К сердцу своему
Он прижимал поспешно руку,
Как бы его смиряя муку,
Картуз изношенный сымал,
Смущенных глаз не подымал
И шел сторонкой.
Остров малый
На взморье виден. Иногда
Причалит с неводом туда
Рыбак на ловле запоздалый
И бедный ужин свой варит,
Или чиновник посетит,
Гуляя в лодке в воскресенье,
Пустынный остров. Не взросло
Там ни былинки. Наводнение
Туда, играя, занесло
Домишко ветхой. Над водою
Остался он как черный куст.
Его прошедшего весною
Свезли на барке. Был он пуст
И весь разрушен. У порога
Нашли безумца моего,
И тут же хладный труп его
Похоронили ради бога.

СЛОВАРНАЯ РАБОТА:

- **Насытится** – серу пур шудан
- **Утомится** – монда шудан
- **Возмущаться** – газаб оварда шудан
- **Грабеж** – горат кардан
- **Утомлённый** – дилгир шуда
- **Захохотать** – баланд қаҳқос зада хандидан
- **Потрясение** – хаячон
- **Мятежный** – исён кунанда
- **Безмолвно** – беовоз
- **Простертая рука** – дасти дарозкарда шуда
- **Основать** – асос гузоштан
- **Бездна** – қаър
- **Узда, уздечка** – лаҷом, ҷилав

Вопросы и задания.

1. Что предпринимает Евгений после того как Нева стала входить в свои берега?

2. Что увидел Евгений, когда оказался на знакомой улице?

3. Как подействовал на Евгения тот ужас, что он увидел после наводнения?

4. Как вы объясните следующие строки:

И так он свой несчастный век

Влачил, ни зверь, ни человек.

Ни то ни се, ни житель света

Ни призрак мертвый...»

5. Кому грозит Евгений произнося слова «Ужо тебе!...»?

6. С кем сравнивает автор действия Невы (прочитайте это в тексте)

7. Почему Евгению казалось, что его преследует Медный всадник?

8. Где и как заканчивает свою жизнь Евгений?

9. Сколько действующих лиц в данной поэме? (Охарактеризовать каждого из них).

Письменное сочинение. «Образ Евгения из поэмы А.С.Пушкина «Медный всадник»

«ПОВЕСТИ БЕЛКИНА» 1831.

А.С.Пушкин.

Повесть «Станционный смотритель» входит в сборник повестей А.С.Пушкина «Повести Белкина». Когда Пушкин писал эти повести он находился в селе Болдино. В сборник вошло 5 повестей: «Станционный смотритель», «Выстрел», «Метель», «Барышня - крестьянка» и «Гробовщик». Это были первые прозаические произведения Пушкина – прозаика.

В повести «Станционный смотритель» три приезда рассказчика на станцию, где работает станционный смотритель Самсон Вырин. И эти встречи автора со смотрителем рассказывают трагедию главного героя, его положение в обществе, социальную несправедливость жизни простых людей.

«СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ»

Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранился? Кто, в минуту гнева, не требовал от них роковой книги, дабы вписать в оную свою бесполезную жалобу на притеснение, грубость и неисправность? Что такое станционный смотритель? Покою ни днем, ни ночью. Всю досаду, накопленную во время скучной езды, путешественник вымещает на смотрителе. Погода несносная, дорога скверная, ямщик упрямый, лошади не везут — а виноват смотритель. Входя в бедное его жилище, проезжающий смотрит на него, как на врага; хорошо, если удастся ему скоро избавиться от непрошеного гостя; но если не случится лошадей?.. боже! какие ругательства, ка-

кие угрозы посыплются на его голову! В дождь и слякоть принужден он бегать по дворам; в бурю, в крещенский мороз уходит он в сени, чтоб только на минуту отдохнуть от крика и толчков раздраженного постояльца. Приезжает генерал; дрожащий смотритель отдает ему две последние тройки, в том числе курьерскую. Генерал едет, не сказав ему спасибо. Через пять минут — колокольчик!... и фельдъегерь бросает ему на стол свою подорожную!.. Легко можно догадаться, что есть у меня приятели из почтенного сословия смотрителей. В самом деле, память одного из них мне драгоценна. Обстоятельства некогда сблизили нас, и об нем-то намерен я теперь побеседовать с любезными читателями.

В 1816 году, в мае месяце, случилось мне проезжать через ***скую губернию, по тракту, ныне уничтоженному. День был жаркий. В трех верстах от станции *** стало накрапывать, и через минуту проливной дождь вымочил меня до последней нитки. По приезде на станцию, первая забота была поскорее переодеться, вторая спросить себе чаю. «Эй Дуня!» закричал смотритель, «поставь самовар, да сходи за сливками». При сих словах вышла из-за перегородки девочка лет четырнадцати, и побежала в сени. Красота ее меня поразила. «Это твоя дочка?» спросил я смотрителя. — «Дочка—с» отвечал он с видом довольно-го самолюбия; «да такая разумная, такая проворная, вся в покойницу мать». Тут он принялся переписывать мою подорожную, а я занялся рассмотрением картинок, украшавших его смиренную, но опрятную обитель. Все это до ныне сохранилось в моей памяти, также как и горшки с бальзаминном и кровать с пестрой занавескою, и прочие предметы, меня в то время окружавшие. Вижу, как теперь, самого хозяина, человека лет пятидесяти, свежего и бодрого, и его длинный зеленый сюртук с тремя медалями на полинялых лентах.

Не успел я расплатиться со старым моим ямщиком, как Дуня возвратилась с самоваром. Маленькая кокетка со второго взгляда заметила впечатление, произведенное

ею на меня; она потупила большие голубые глаза; я стал с нею разговаривать, она отвечала мне безо всякой робости, как девушка, видевшая свет. Я предложил отцу ее стакан пуншу; Дуне подал я чашку чаю, и мы втроем начали беседовать, как будто век были знакомы. Лошади были давно готовы, а мне все не хотелось расстаться с смотрителем и его дочкой. Наконец я с ними простился; отец пожелал мне доброго пути, а дочь проводила до телеги. В сенях я остановился и просил у ней позволения ее поцеловать; Дуня согласилась... Много могу я насчитать поцелуев, с тех пор, как этим занимаюсь, но ни один не оставил во мне столь долгого, столь приятного воспоминания.

Прошло несколько лет, и обстоятельства привели меня на тот самый тракт, в те самые места. Я вспомнил дочь старого смотрителя и обрадовался при мысли, что увижу ее снова. Но, подумал я, старый смотритель, может быть, уже сменен; вероятно Дуня уже замужем. Мысль о смерти того или другого также мелькнула в уме моем, и я приближался к станции *** с печальным предчувствием.

Лошади стали у почтового домика. Вошед в комнату, я тотчас узнал картинки, изображающие историю блудного сына; стол и кровать стояли на прежних местах; но на окнах уже не было цветов, и все кругом показывало ветхость и небрежение. Смотритель спал под тулупом; мой приезд разбудил его; он привстал... Это был точно Самсон Вырин; но как он постарел! Покаместь собирался он переписать мою подорожную, я смотрел на его седину, на глубокие морщины давно небритого лица, на сгорбленную спину — и не мог надивиться, как три или четыре года могли превратить бодрого мужчину в хилого старика. — «Здорова ли твоя Дуня?» продолжал я. Старик нахмурился. «А бог ее знает», отвечал он. — «Так видно она замужем?» сказал я. Старик притворился, будто бы не слышал моего вопроса, и продолжал пошептом читать мою подорожную. Я прекратил свои вопросы и велел поставить чайник. Любопытство начинало меня беспокоить, и

я надеялся, что пунш разрешит язык моего старого знакомого.

«Так вы знали мою Дуню?» начал он. «Кто же и не знал ее? Ах, Дуня, Дуня! Что за девка то была! Бывало, кто ни проедет, всякий похвалит, никто не осудит. Барыни дарили ее, та платочком, та сережками. Господа проезжие нарочно останавливались, будто бы пообедать, аль отужинать, а в самом деле только, чтоб на нее подолее поглядеть. Бывало барин, какой бы сердитый ни был, при ней утихает и милостиво со мною разговаривает. Поверите ль, сударь: курьеры, фельдъегеря с нею по получасу заговаривались. Ею дом держался: что прибрать, что приготовить, за всем успевала. А я-то, старый дурак, не наглажусь, бывало, не нарадуюсь; уж я ли не любил моей Дуни, я ль не лелеял моего дитяти; уж ей ли не было житье? Да нет, от беды не отбожишься; что суждено, тому не миновать». Тут он стал подробно рассказывать мне свое горе. — Три года тому назад, однажды, в зимний вечер, когда смотритель разлиnevывал новую книгу, а дочь его за перегородкой шила себе платье, тройка подъехала, и проезжий в черкесской шапке, в военной шинеле, окутанный шалью, вошел в комнату, требуя лошадей. Лошади все были в разгоне. При сем известии путешественник возвысил было голос и нагайку; но Дуня, привыкшая к таковым сценам, выбежала из—за перегородки и ласково обратилась к проезжему с вопросом: не угодно ли будет ему чего-нибудь покушать? Появление Дуни произвело обыкновенное свое действие. Гнев проезжего прошел; он согласился ждать лошадей и заказал себе ужин. Сняв мокрую, косматую шапку, отпугав шаль и сдернув шинель, проезжий явился молодым, стройным гусаром с черными усиками. Он расположился у смотрителя, начал весело разговаривать с ним и с его дочерью. Подали ужинать. Между тем лошади пришли, и смотритель приказал, чтоб тотчас, не кормя, запрягали их в кибитку проезжего; но возвратясь, нашел он молодого человека почти без памяти лежащего на лавке: ему сделалось дурно, голова разбо-

лелась, не возможно было ехать... Как быть! смотритель уступил ему свою кровать, и положено было, если больному не будет легче, на другой день утром послать в С*** за лекарем.

На другой день гусару стало хуже. Человек его поехал верхом в город за лекарем. Дуня обвязала ему голову платком, намоченным уксусом, и села с своим шитьем у его кровати. Больной при смотрителе охал и не говорил почти ни слова, однако ж выпил две чашки кофе, и охая заказал себе обед. Дуня от него не отходила. Он поминутно просил пить, и Дуня подносила ему кружку ею заготовленного лимонада. К обеду приехал лекарь. Он пощупал пульс больного, поговорил с ним по-немецки, и по-русски объявил, что ему нужно одно спокойствие, и что дни через два ему можно будет отправиться в дорогу. Прошел еще день, и гусар совсем оправился.

День был воскресный; Дуня собиралась к обедни. Гусару подали кибитку. Он простился с смотрителем, щедро наградив его за постой и угощение; простился и с Дуней и вызвался довести ее до церкви, которая находилась на краю деревни. Дуня стояла в недоумении... «Чего же ты боишься?» сказал ей отец; «ведь его высокоблагородие не волк и тебя не съест: прокатись-ка до церкви».

СЛОВАРНАЯ РАБОТА

- **Браниться** – хамдигарро сарзаниш кардан
- **Гнев** – чаҳл, газаб
- **Вымещать** – омехта кардан
- **Постоялец** – ичоранишин
- **Кокетка** – шивагар
- **Лелеять** – навозишь кардан
- **Гусар** – аскари махсуси савора
- **Недоумение** – хайратомез

Вопросы и задания:

1. Какое время отражено в повести «Станционный смотритель»?
2. Кто рассказывает нам историю жизни Самсона Вырина?
3. Что входило в обязанности станционного смотрителя?
4. Какими правами обладал человек, занимающий должность станционного смотрителя?
5. Пользовался ли уважением станционный смотритель?
6. Рассказать о первой встрече автора с Выриным (обратите внимание на его семейное положение, обстановку в доме, настроение.)
7. Какое впечатление произвела на рассказчика Дуня?
8. Каково было отношение автора к Вырину?
9. Что рассказывал о своей дочери Вырин, как о хозяйке станции?
10. Что вы можете сказать о «болезни» гусара?
11. Какие изменения заметил автор во внешности Вырина, в его настроении, в окружающей его обстановке во время второй встечи с ним (найдите в тексте детали, указывающие на эти изменения.)?
12. Пересказать содержание первой части повести.

Бедный смотритель не понимал, каким образом мог он сам позволить своей Дуне ехать вместе с гусаром, как нашло на него ослепление, и что тогда было с его разумом. Не прошло и получаса, как сердце его начало ныть, и беспокойство овладело им до такой степени, что он не утерпел, и пошел сам к обедни. Подходя к церкви, увидел он, что народ уже расходился, но Дуни не было ни в ограде, ни на паперти. Он поспешно вошел в церковь; священник выходил из алтаря; дьячок гасил свечи, две старушки молились еще в углу; но Дуни в церкви не было. Бедный отец насилу решился спросить у дьячка, была ли она у

обедни. Дьячок отвечал, что не бывала. Смотритель пошел домой ни жив, ни мертв. В мучительном волнении ожидал он возвращения тройки, на которой он отпустил ее. Ямщик не возвращался. Наконец к вечеру приехал он один и хмелен, с убийственным известием: «Дуня с той станции отправилась далее с гусаром».

Старик не снес своего несчастья; он тут же слег в ту самую постель, где накануне лежал молодой обманщик. Теперь смотритель, соображая все обстоятельства, догадывался, что болезнь была притворная. Бедняк занемог сильной горячкою; его свезли в С*** и на его место определили на время другого. Тот же лекарь, который приезжал к гусару, лечил и его. Он уверил смотрителя, что молодой человек был совсем здоров, и что тогда еще догадывался он о его злобном намерении, но молчал. Едва оправясь от болезни, смотритель выпросил у С*** почтмейстера отпуск на два месяца, и не сказав никому ни слова о своем намерении, пешком отправился за своею дочерью. Из подорожной знал он, что ротмистр Минский ехал из Смоленска в Петербург. Ямщик, который вез его, рассказывал, что всю дорогу Дуня плакала, хотя, казалось, ехала по своей охоте. Вскоре узнал он, что ротмистр Минский в Петербурге и живет в Демутовом трактире. Смотритель решил к нему явиться.

Рано утром пришел он в его переднюю, и просил доложить его высокоблагородию, что старый солдат просит с ним увидеться. Военный лакей, чистя сапог на колодке объявил, что барин почивает, и что прежде одиннадцати часов не принимает никого. Смотритель ушел и возвратился в назначенное время. Минский вышел сам к нему в халате, в красной скуфье. «Что, брат, тебе надобно?» спросил он его. Сердце старика закипело, слезы навернулись на глазах, и он дрожащим голосом произнес только: «Ваше высокоблагородие!.. сделайте такую божескую милость!..» Минский взглянул на него быстро, вспыхнул, взял его за руку, повел в кабинет и запер за собою дверь. «Ваше высокоблагородие!» продолжал старик, «что с возу

упало, то пропало; отдайте мне, по крайней мере, бедную мою Дуню. Ведь вы натешились ею; не погубите ж ее понапрасну». — «Что сделано, того не воротишь», сказал молодой человек в крайнем замешательстве; «виноват перед тобою, и рад просить у тебя прощения; но не думай, чтоб я Дуню мог покинуть: она будет счастлива, даю тебе честное слово. Зачем тебе ее? Она меня любит; она отвыкла от прежнего своего состояния. Ни ты, ни она — вы не забудете того, что случилось». Потом, сунув ему что-то за рукав, он отворил дверь, и смотритель, сам не помня как, очутился на улице.

Долго стоял он неподвижно, наконец увидел за обшлагом своего рукава сверток бумаг; он вынул их и развернул несколько пяти и десятирублевых смятых ассигнаций. Слезы опять навернулись на глазах его, слезы негодования! Он сжал бумажки в комок, бросил их на землю, притоптал каблуком, и пошел... Отошед несколько шагов, он остановился, подумал... и воротился... но ассигнаций уже не было. Хорошо одетый молодой человек, увидя его, подбежал к извозчику, сел поспешно и закричал: «пошел!..» Смотритель за ним не погнался. Он решился отправиться домой на свою станцию, но прежде хотел хоть раз еще увидеть бедную свою Дуню. Для сего, дни через два, воротился он к Минскому; но военный лакей сказал ему сурово, что барин никого не принимает, грудью вытеснил его из передней, и хлопнул двери ему под нос. Смотритель постоял, постоял — да и пошел.

Двери были заперты; он позвонил, прошло несколько секунд; в тягостном для него ожидании. Ключ загремел, ему отворили. «Здесь стоит Авдотья Самсоновна?» спросил он. «Здесь» отвечала молодая служанка; «за чем тебе ее надобно?» Смотритель, не отвечая, вошел в залу. «Нельзя, нельзя!» закричала вслед ему служанка: «у Авдотьи Самсоновны гости». Но смотритель, не слушая шел далее. Две первые комнаты были темны, в третьей был огонь. Он подошел к растворенной двери и остановился. В комнате прекрасно—убранной Минский сидел в задумчи-

вости. Дуня, одетая со всею роскошью моды, сидела на ручке его кресел, как наездница на своем английском седле. Она с нежностью смотрела на Минского, наматывая черные его кудри на свои сверкающие пальцы. Бедный смотритель! Никогда дочь его не казалась ему столь прекрасною; он по неволе ею любовался. «Кто там?» спросила она, не подымая головы. Он все молчал. Не получая ответа, Дуня подняла голову... и с криком упала на ковер. Испуганный Минский кинулся ее подымать, и вдруг увидя в дверях старого смотрителя, оставил Дуню, и подошел к нему, дрожа от гнева. «Чего тебе надобно?» сказал он ему, стиснув зубы; «что ты за мною всюду крадешься, как разбойник? или хочешь меня зарезать? Пошел вон!» и сильной рукою схватив старика за ворот, вытолкнул его на лестницу.

Старик пришел к себе на квартиру. Приятель его советовал ему жаловаться; но смотритель подумал, махнул рукою и решился отступить. Через два дня отправился он из Петербурга обратно на свою станцию, и опять принялся за свою должность. «Вот уже третий год, заключил он, как живу я без Дуни, и как об ней нет ни слуху, ни духу. Жива ли, нет ли, бог ее ведает. Всяко случается. Не ее первую, не ее последнюю сманил проезжий повеса, а там подержал, да и бросил. Много их в Петербурге, молоденьких дур, сегодня в атласе да бархате, а завтра, поглядишь, метут улицу вместе с голью кабацкою. Как подумаешь порою, что и Дуня, может быть, тут же пропадает, так поневоле согрешишь, да пожелаешь ей могилы...»

Таков был рассказ приятеля моего, старого смотрителя, рассказ неоднократно прерываемый слезами.

Недавно еще, проезжая через местечко ***, вспомнил я о моем приятеле; я узнал, что станция, над которой он начальствовал, уже уничтожена. На вопрос мой: «Жив ли старый смотритель?» никто не мог дать мне удовлетворительного ответа. Я решился посетить знакомую сторону, взял вольных лошадей и пустился в село Н.

Это случилось осенью. Я приехал в село при закате солнца и остановился у почтового домика. В сени вышла толстая баба и на вопросы мои отвечала, что старый смотритель с год как помер, что в доме его поселился пивовар, а что она жена пивоварова. Мне стало жаль моей напрасной поездки и семи рублей, издержанных даром. «Отчего ж он умер?»- спросил я пивоварову жену. «Спился, батюшка», - отвечала она. — «А где его похоронили?» — «За околицей, подле покойной хозяйки его». — «Нельзя ли довести меня до его могилы?» — «Почему же нельзя. Эй, Ванька! полно тебе с кошкою возиться. Проводи-ка барина на кладбище, да укажи ему смотрителю могилу».

При сих словах, оборванный мальчик, рыжий и кривой, выбежал ко мне и тотчас повел меня за околицу.

-Знал ты покойника? спросил я его дорогой.

-Как не знать! Он выучил меня дудочки вырезывать.

-А проезжие вспоминают ли его?

-Да ноне мало проезжих; разве заседатель завернет, да тому не до мертвых. Вот летом проезжала барыня, так та спрашивала о старом смотрителе и ходила к нему на могилу. «Какая барыня» спросил я с любопытством.

-Прекрасная барыня, отвечал мальчишка; ехала она в карете в шесть лошадей, с тремя маленькими барчатами и с кормилицей, и с черной моською; и как ей сказали, что старый смотритель умер, так она заплакала и сказала детям: «Сидите смирно, а я схожу на кладбище». А я было вызвался довести ее. А барыня сказала: «Я сама дорогу знаю». И дала мне пятак серебром — такая добрая барыня!..

Мы пришли на кладбище, голое место, ничем не огражденное, усеянное деревянными крестами, не осененными ни единым деревцем. Отроду не видал я такого печального кладбища.

-Вот могила старого смотрителя, сказал мне мальчик, вспрыгнув на груды песка, в которую врыт был черный крест с медным образом.

-И барыня приходила сюда? спросил я.

-Приходила, отвечал Ванька, я смотрел на нее издали. Она легла здесь и лежала долго. А там барыня пошла в село и призвала попа, дала ему денег и поехала, а мне дала пятак серебром — славная барыня!

И я дал мальчишке пятак, и не жалел уже ни о поездке, ни о семи рублях, мною истраченных.

СЛОВАРНАЯ РАБОТА:

- **Разум** – акл, хирад
- **Алтарь** – курбонгох, мехроб
- **Священник** – мулло

Вопросы и задания:

1. Какое горе настигло Вырина?
2. Кто такой Минский и как вы относитесь к его поступку?
3. Осуждаете ли вы поступок Дуни?
4. Предпринимал ли Вырин попытки встретиться с дочерью?
5. Пересказать эпизод, связанный с третьим приездом рассказчика в дом Вырина.
6. Что явилось причиной смерти станционного смотрителя?
7. Почему Дуня приехала к отцу на кладбище?
8. Можно ли назвать судьбу Дуни счастливой?
9. Какова идея повести «Станционный смотритель»?
10. Составьте план к данной повести.
11. Написать сочинение по повести «Станционный смотритель» на тему «Трагедия маленького человека.»

М. Ю. Лермонтов
(1814–1841)

Михаил Юрьевич Лермонтов родился в Москве в семье армейского капитана. Детство прошло в имении бабушки Е.А.Арсеньевой в Тарханах (Пензенская губерния). Поступает в пансионат при Московском университете. Это было одно из лучших учебных заведений в России. Ещё совсем юношей он начал писать стихи, в которых выразил любовь к родине, народу, ненависть к самодержавию и крепостному праву.

Ученики пансиона интересовались общественной жизнью страны, спорили о будущем России, читали запрещенную литературу.

Лермонтов продолжает учёбу в военном учебном заведении, служит на Кавказе. Впечатление от кавказской природы и быта горских народов отразились во многих его произведениях.

М.Ю.Лермонтов прожил недолгую жизнь (в феврале 1841 был убит на дуэли), но оставил после себя наследие, которое и по сей день волнует читателя.

Это драма «Маскарад» о жизни светского общества, это стихотворение «На смерть поэта», о гибели А.С.Пушкина, это стихотворение «Бородино» о войне 1812г. это роман «Герой нашего времени» о «лишних людях» России первой половины XIX века и др.

Стихотворение «Парус» написано было Лермонтовым в 1832г. Белый парус в голубом море - символический образ в стихотворении. Он раскрывает настроение одиночества поэта, его беспокойную мечущую натуру.

«ПАРУС»

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом.
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?

Играют волны, ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит;
Увы, - он счастья не ищет
И не от счастья бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

Вопросы и задания:

1. Выучить стихотворение наизусть.
2. В чём заключается аллегорический смысл стихотворения?
3. Как вы понимаете выражение «А он мятежный просит бури»?
4. Определите художественно- изобразительные средства, использованные автором.

«МЦЫРИ» *

«Мцыри» - поэма одного героя. Поэт стремился раскрыть «одну, но маленькую страсть», стремящуюся к воле.

Мцыри – романтический герой, сильная личность.

В.Г.Белинский говорил о нем «Это любимый идеал поэта, это отражение в поэзии его собственной личности. Во

всем, что говорит Мцыри, веет его собственным духом, поражает его собственной мощью».

Мцыри – образ символический, и вместе с тем это живой и конкретный образ молодого послушника.

Поэма утверждает идеал вольности.

Мцыри - на грузинском языке - неслужащий монах.

«МЦЫРИ»

2

Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал;
Ребенка пленного он вез.
Тот занемог, не перенес
Трудов далекого пути;
Он был, казалось, лет шести,
Как серна гор, пуглив и дик
И слаб и гибок, как тростник.
Но в нем мучительный недуг
Развил тогда могучий дух
Его отцов. Без жалоб он
Томился, даже слабый стон
Из детских губ не вылетал,
Он знаком пищу отвергал
И тихо, гордо умирал.
Из жалости один монах
Больного призрел, и в стенах
Хранительных остался он,
Искусством дружеским спасен.
Но, чужд ребяческих утех,
Сначала бегал он от всех,
Бродил безмолвен, одинок,
Смотрел, вздыхая, на восток,
Гоним неясною тоской
По стороне своей родной.
Но после к плену он привык,
Стал понимать чужой язык,

Был окрещен святым отцом
И, с шумным светом незнаком,
Уже хотел во цвете лет
Изречь монашеский обет,
Как вдруг однажды он исчез
Осенней ночью. Темный лес
Тянулся по горам кругам.
Три дня все поиски по нем
Напрасны были, но потом
Его в степи без чувств нашли
И вновь в обитель принесли.
Он страшно бледен был и худ
И слаб, как будто долгий труд,
Болезнь иль голод испытал.
Он на допрос не отвечал
И с каждым днем приметно вял.
И близок стал его конец;
Тогда пришел к нему чернец
С увещеваньем и мольбой;
И, гордо выслушав, больной
Привстал, собрав остаток сил,
И долго так он говорит:

3

"Ты слушать исповедь мою
Сюда пришел, благодарю.
Все лучше перед кем-нибудь
Словами облегчить мне грудь;
Но людям я не делал зла,

И потому мои дела
Немного пользы вам узнать,
А душу можно ль рассказать?
Я мало жил, и жил в плену.
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.
Я знал одной лишь думы власть,
Одну - но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
От келий душевных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны, как орлы.
Я эту страсть во тьме ночной
Вскормил слезами и тоской;
Ее пред небом и землей
Я ныне громко признаю
И о прощенье не молю.

4

Старик! я слышал много раз,
Что ты меня от смерти спас -
Зачем? .. Угрюм и одинок,
Грозой оторванный листок,
Я вырос в сумрачных стенах
Душой дитя, судьбой монах.
Я никому не мог сказать
Священных слов "отец" и "мать".
Конечно, ты хотел, старик,
Чтоб я в обители отвык
От этих сладостных имен, -
Напрасно: звук их был рожден
Со мной. Я видел у других
Отчизну, дом, друзей, родных,
А у себя не находил
Не только милых душ - могил!

6

Ты хочешь знать, что видел я
На воле? - Пышные поля,
Я видел горные хребты,
Причудливые, как мечты,
Вдали я видел сквозь туман,
В снегах, горящих, как алмаз,
Седой незаблемый Кавказ;
И было сердцу моему
Легко, не знаю почему.
Мне тайный голос говорил,
Что некогда и я там жил,
И стало в памяти моей
Прошедшее ясней, ясней...

7

И вспомнил я отцовский дом,
Ущелье наше и кругом
В тени рассыпанный аул;
А мой отец? он как живой
В своей одежде боевой
Являлся мне.

8

Ты хочешь знать, что делал я
На воле? Жил - и жизнь моя
Без этих трех блаженных дней
Была б печальней и мрачней
Бессильной старости твоей.
Скажи мне, что средь этих стен
Могли бы дать вы мне взамен
Той дружбы краткой, но живой,
Меж бурным сердцем и грозой?..

9

Бежал я долго - где, куда?
Не знаю! Много я часов
Бежал, и наконец, устав,
Прилег между высоких трав;
Прислушался: погони нет.
И жаждой я томиться стал.

Тогда к потоку с высоты,
 Держась за гибкие кусты,
 С плиты на плиту я, как мог,
 Спускаться начал.
 Вдруг - голос - легкий шум шагов...
 Мгновенно скрывшись меж кустов,
 Невольным трепетом объят,

Я поднял боязливый взгляд
 И жадно вслушиваться стал:
 И ближе, ближе все звучал
 Грузинки голос молодой,
 Так безыскусственно живой,
 Так сладко вольный, будто он
 Лишь звуки дружеских имен
 Произносить был приучен.

СЛОВАРНАЯ РАБОТА.

- **Монастырь**- дайр
- **Недуг**- касалй, бетобй
- **Отвергать**- рад кардан
- **Монах**- роҳиб, шайх
- **Безмолвно**- беовоз, бесадо
- **Тоска**- гам
- **Напрасно**- бефоида, бекора
- **Чувство**- ҳиссиёт
- **Исповедь**- тавба
- **Страсть**- шавқ, рағбат,ишқ
- **Колыбель**- гавҳора
- **Мгновенье**-дақиқа
- **Неловкость**-норохатй
- **Смущаться**- шарм доштан

Вопросы и задания:

1. Пересказать содержание I части
2. Что означает слово мцыри?
3. Как попадает мальчик в монастырь?
4. Что испытывал мальчик в монастыре?
5. Привык ли он к монастырской жизни?
6. Почему Мцыри совершает побег из монастыря?
7. Рассказывая о жизни в монастыре, Он говорит о себе: «Душой дитя, судьбой монах». Как вы это понимаете?

8. Какую клятву дал Мцыри находясь в монастыре?
9. Приведите примеры, говорящие о том, что Мцыри готов променять спокойную жизнь в монастыре на жизнь полную тревог и волнений на воле.
10. Почему именно на воле воспоминания детства возникли в памяти героя поэмы?
11. «Что делал я на воле? Жил». Одним словом определяет Мцыри суть своего побега. Какой смысл вкладывает Мцыри в понятие «жить»?
12. Обращаю внимание на следующие строки, что они выражают?

*Я знал одну лишь думы власть.
Она мечты мои звала.
От келий душевных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы
Где люди вольны как орды
Я эту страсть во тьме ночной
Вскормил слезами и тоской.*

13

Держа кувшин над головой,
Грузинка узкою тропой
Сходила к берегу.

И мрак очей был так глубок,
Так полон тайнами любви,
Что думы пылкие мои
Смутились. Помню только я
Кувшина звон, - когда струя
Вливалась медленно в него,
И шорох... больше ничего.
Когда же я очнулся вновь
И отлила от сердца кровь,
Она была уж далеко;

14

Трудами ночи изнурен,
Я лег в тени. Отрадный сон
Сомкнул глаза невольно мне...
И снова видел я во сне
Грузинки образ молодой.
И странной сладкою тоской
Опять моя заняла грудь.

И вот дорогою прямой
Пустился, робкий и немой.
Но скоро в глубине лесной
Из виду горы потерял
И тут с пути сбиваться стал.

16

Ты помнишь детские года:
Слезы не знал я никогда;
Но тут я плакал без стыда.
Передо мной
Была поляна. Вдруг по ней
Мелькнула тень, и двух огней
Промчались искры... и потом
Какой-то зверь одним прыжком
Из чащи выскочил и лег,
Играя, навзничь на песок.
То был пустыни вечный гость
Могучий барс.
Я ждал, схватив рогатый сук,
Минуту битвы;

17

Я ждал. И вот в тени ночной
Врага почуял он, и вой
Протяжный, жалобный как стон
Раздался вдруг... и начал он
Серdito лапой рыть песок,
Встал на дыбы, потом прилег,
И первый бешеный скачок
Мне страшной смертью грозил...
Но я его предупредил.
Удар мой верен был и скор.
Надежный сук мой, как топор,
Широкий лоб его рассек...
Он застонал, как человек,
И опрокинулся. Но вновь,
Хотя лила из раны кровь
Густой, широкою волной,
Бой закипел, смертельный бой!

18

Ко мне он кинулся на грудь:
Но в горло я успел воткнуть

И там два раза повернуть
Мое оружие...

Но враг мой стал изнемогать,
Метаться, медленней дышать,
Сдавил меня в последний раз...
Зрачки его недвижных глаз
Блеснули грозно - и потом
Закрылись тихо вечным сном;
Но с торжествующим врагом

Он встретил смерть лицом к лицу,
Как в битве следует бойцу! ..

20

Я вышел из лесу. Вдали аул

И кинул взоры я кругом:
Тот край, казалось, мне знаком.
И страшно было мне, понять
Не мог я долго, что опять
Вернулся я к тюрьме моей;
Что бесполезно столько дней
Я тайный замысел ласкал,
Терпел, томился и страдал,
И все зачем?..

Вдруг дальний колокола звон
Раздался снова в тишине -
И тут все ясно стало мне...
О, я узнал его тотчас!
И слушал я без слез, без сил.
Казалось, звон тот выходил
Из сердца - будто кто-нибудь
Железом ударял мне в грудь.
И смутно понял я тогда,

Что мне на родину следа
Не проложить уж никогда.

23

Хотел я встать - передо мной
Все закружилось с быстротой;
Хотел кричать - язык сухой
Беззвучен и недвижим был...
Я умирал. Меня томил
Предсмертный бред.
Казалось мне,
Что я лежу на влажном дне
Глубокой речки - и была
Кругом таинственная мгла.

24

Так я найден и поднят был...
Ты остальное знаешь сам.
Я кончил. Верь моим словам
Или не верь, мне все равно.
Меня печалит лишь одно:
Мой труп холодный и немой
Не будет тлеть в земле родной,
И повесть горьких мук моих

Не призовет меж стен глухих
Вниманье скорбное ничье
На имя темное мое.

25

Прощай, отец... дай руку мне:
Ты чувствуешь, моя в огне...

26

Когда я стану умирать,
И, верь, тебе не долго ждать,
Ты перенеси меня вели
В наш сад, в то место, где цвели
Акаций белых два куста...
Там положить вели меня.
Сияньем голубого дня
Упьюся я в последний раз.
Оттуда виден и Кавказ!
Быть может, он с своих высот
Привет прощальный мне пришлет,
Пришлет с прохладным ветерком...
И близ меня перед концом
Родной опять раздастся звук!
И стану думать я, что друг
Иль брат, склонившись надо мной,
Отер внимательной рукой
С лица кончины хладный пот
И что вполголоса поет
Он мне про милую страну..
И с этой мыслью я засну,
И никого не прокляну!..."

СЛОВАРНАЯ РАБОТА

- **Мелькать**- гоҳ- гоҳ дида шудан
- **Искры**- шарора
- **Прыжок**- паридан
- **Барс**- паланг

- **Сучок, сук-** шохчаи дарахт
- **Жажда-** ташнагӣ
- **Предупреждать-** огоҳонидан
- **Вновь-** боз, азнав
- **Страдать-** азоб кашидан
- **Проклинать-** лаънат гуфтан

Вопросы и задания.

1. Какое впечатление на Мцыри произвела встреча с молодой грузинкой?
2. Как вел себя Мцыри, когда понял, что заблудился?
3. Пересказать эпизод встречи Мцыри с барсом.
4. Какие качества характера Мцыри проявляются в битве с барсом?
5. Что напомнило Мцыри, что он вновь вернулся туда, откуда бежал?
6. Каково было его состояние, когда он понял, что возвратился на прежнее место?
7. Что более всего огорчало Мцыри, когда он понял, что умирает?
8. Предсмертная просьба Мцыри.
9. Как выразил поэт любовь к свободе?
10. Как вы прокомментируете следующие строки:
*Между крутых и тёмных скал,
 Где я в ребячестве играл,
 Я б рай и вечность поменял...*
11. Составьте план к поэме "Мцыри".

«Герой нашего времени»

«БЭЛА»

Я ехал на перекладных из Тифлиса. Я нанял шесть быков и нескольких осетин. Один из них взвалил себе на плечи мой чемодан, другие стали помогать быкам почти одним криком.

За моею тележкой четверка быков тащила другую. За нею шел ее хозяин, покуривая из маленькой кабардинской трубочки, обделанной в серебро.

- Мы с вами попутчики, кажется?

Он молча опять поклонился.

- Вы, верно, едете в Ставрополь?

- Так-с точно... с казенными вещами.

- А вы давно здесь служите?

- Да.

- Нам придется здесь ночевать, - сказал он с досадою, - в такую метель через горы не переедешь.

За неимением комнаты для проезжающих на станции, нам отвели ночлег в дымной сакле. Я пригласил своего спутника выпить вместе стакан чая, ибо со мной был чугунный чайник - единственная отрада моя в путешествиях по Кавказу.

- Жалкие люди! - сказал я штабс-капитану, указывая на наших грязных хозяев, которые молча на нас смотрели в каком-то остоленении.

- Преглупый народ! - отвечал он. - Поверите ли? ничего не умеют, не способны ни к какому образованию!

- Не хотите ли подбавить рому? - сказал я своему собеседнику, - у меня есть белый из Тифлиса; теперь холодно.

- Нет-с, благодарствуйте, не пью.

- Что так?

- Да так. Я дал себе заклятье. Да вот хоть черкесы, - как напьются бузы на свадьбе или на похоронах, так и пошла рубка. Я раз насилу ноги унес, а еще у мирнова князя был в гостях.

- Как же это случилось?

Вот извольте видеть, я тогда стоял в крепости за Теремом с ротой - этому скоро пять лет. Раз, осенью пришел транспорт с провиантом; в транспорте был офицер, молодой человек лет двадцати пяти. Он явился ко мне в полной форме и объявил, что ему велено остаться у меня в крепости. Он был такой тоненький, беленький, на нем мундир был такой новенький, что я тотчас догадался, что он на Кавказе у нас недавно. "Вы, верно, - спросил я его, - переведены сюда из России?" - "Точно так, господин штабс-капитан", - отвечал он. Я взял его за руку и сказал: "Очень рад, очень рад. Вам будет немножко скучно... ну да мы с вами будем жить по-приятельски... Да, пожалуйста, зовите меня просто Максим Максимыч, и, пожалуйста, - к чему эта полная форма? приходите ко мне всегда в фуражке". Ему ответили квартиру, и он поселился в крепости.

- А как его звали? - спросил я Максима Максимыча.

- Его звали... Григорием Александровичем Печориным. Славный был малый, смею вас уверить; только немножко странен. Ведь, например, в дождик, в холод целый день на охоте; все иззябнут, устанут - а ему ничего. А другой раз сидит у себя в комнате, ветер пахнет, уверяет, что простудился; ставнем стукнет, он вздрогнет и побледнеет; а при мне ходил на кабана один на один; бывало, по целым часам слова не добьешься, зато уж иногда как начнет рассказывать, так животики надорвешь со смеха... Да-с, с большими был странностями, и, должно быть, богатый человек: сколько у него было разных дорогих вещей!..

- А долго он с вами жил? - спросил я опять.

- Да с год. Ну да уж зато памятен мне этот год; надебал он мне хлопот, не тем будь помянут! Ведь есть, право, такие люди, у которых на роду написано, что с ними должны случаться разные необыкновенные вещи!

- Необыкновенные? - воскликнул я с видом любопытства, подливая ему чая.

- А вот я вам расскажу. Верст шесть от крепости жил один мирной князь. Сынишка его, мальчик лет пятнадцати, повадился к нам ездить: всякий день, бывало, то за тем, то за другим; и уж точно, избаловали мы его с Григорием Александровичем. А уж какой был головорез, проворный на что хочешь: шапку ли поднять на всем скаку, из ружья ли стрелять. Одно было в нем нехорошо: ужасно падок был на деньги. Раз приезжает сам старый князь звать нас на свадьбу: он отдавал старшую дочь замуж, а мы были с ним кунаки: так нельзя же, знаете, отказаться, хоть он и татарин. Отправились. Женщины, увидя нас, прятались; те, которых мы могли рассмотреть в лицо, были далеко не красавицы. "Я имел гораздо лучшее мнение о черкешенках", - сказал мне Григорий Александрович. "Погодите!" - отвечал я, усмехаясь. У меня было свое на уме.

У князя в сакле собралось уже множество народа. У азиатов, знаете, обычай всех встречных и поперечных приглашать на свадьбу. Нас приняли со всеми почестями и повели в кунацкую. Я, однако ж, не позабыл подметить, где поставили наших лошадей, знаете, для непредвидимого случая.

- Как же у них празднуют свадьбу? - спросил я штабс-капитана.

- Да обыкновенно. Сначала мулла прочитает им что-то из Корана; потом дарят молодых и всех их родственников, едят, пьют бузу;

Мы с Печориным сидели на почетном месте, и вот к нему подошла меньшая дочь хозяина, девушка лет шестнадцати, и пропела ему... как бы сказать?.. вроде комплимента.

- А что ж такое она пропела, не помните ли?

- Да, кажется, вот так: "Стройны, дескать, наши молодые джигиты, и кафтаны на них серебром выложены, а молодой русский офицер стройнее их, и галуны на нем зо-

лотые. Он как тополь между ними; только не расти, не цвести ему в нашем саду". Печорин встал, поклонился ей, приложив руку ко лбу и сердцу, и просил меня отвечать ей, я хорошо знаю по-ихнему и перевел его ответ.

Когда она от нас отошла, тогда я шепнул Григорью Александровичу: "Ну что, какова?" - "Прелесть! - отвечал он. - А как ее зовут?" - "Ее зовут Бэлою", - отвечал я.

И точно, она была хороша: высокая, тоненькая, глаза черные, как у горной серны, так и заглядывали нам в душу. Печорин в задумчивости не сводил с нее глаз, и она частенько исподлобья на него посматривала. Только не один Печорин любовался хорошенькой княжной: из угла комнаты на нее смотрели другие два глаза, неподвижные, огненные. Я стал вглядываться и узнал моего старого знакомого Казбича. Говорили про него, что он любит таскаться на Кубань с абреками, и, правду сказать, рожа у него была самая разбойничья: маленький, сухой, широкоплечий... А уж ловок-то, ловок-то был, как бес! Бешмет всегда изорванный, в заплатках, а оружие в серебре. А лошадь его славилась в целой Кабарде, - и точно, лучше этой лошади ничего выдумать невозможно. Недаром ему завидовали все наездники и не раз пытались ее украсть, только не удавалось. Как теперь гляжу на эту лошадь: ворона, как смоль, ноги - струнки, и глаза не хуже, чем у Бэлы; а какая сила! скачи хоть на пятьдесят верст; а уж выезжена - как собака бежит за хозяином, голос даже его знала! Бывало, он ее никогда и не привязывает. Уж такая разбойничья лошадь!..

Душно стало в сакле, и я вышел на воздух освежиться. Ночь уж ложилась на горы, и туман начинал бродить по ущельям.

Пробираюсь вдоль забора и вдруг слышу голоса; один голос я тотчас узнал: это был повеса Азамат, сын нашего хозяина; другой говорил реже и тише. "О чем они тут толкуют? - подумал я, - уж не о моей ли лошадке?" Вот присел

я у забора и стал прислушиваться, стараясь не пропустить ни одного слова. Иногда шум песен и говор голосов, вылетая из сакли, заглушали любопытный для меня разговор.

- Славная у тебя лошадь! - говорил Азамат, - если бы я был хозяин в доме и имел табун в триста кобыл, то отдал бы половину за твоего скакуна, Казбич!

"А! Казбич!" - подумал я и вспомнил кольчугу.

- Да, - отвечал Казбич после некоторого молчания, - в целой Кабарде не найдешь такой. Раз, - это было за Теремом, - я ездил с абреками отбивать русские табуны; нам не посчастливилось, и мы рассыпались кто куда. За мной неслись четыре казака; уж я слышал за собою крики гяуров, и передо мною был густой лес. Прилег я на седло, поручил себе аллаху и в первый раз в жизни оскорбил коня ударом плети. Как птица нырнул он между ветвями; острые колючки рвали мою одежду, сухие сучья карагача били меня по лицу. Конь мой прыгал через пни, разрывал кусты грудью. Лучше было бы мне его бросить у опушки и скрыться в лесу пешком, да жаль было с ним расстаться, - и пророк вознаградил меня. Несколько пуль провизжало над моей головою; я уж слышал, как спешившиеся казаки бежали по следам... Вдруг передо мною рытвина глубокая; скакун мой призадумался - и прыгнул. Задние его копыта оборвались с противного берега, и он повис на передних ногах; я бросил поводья и полетел в овраг; это спасло моего коня: он выскочил. Казаки все это видели, только ни один не спустился меня искать: они, верно, думали, что я убится до смерти, и я слышал, как они бросились ловить моего коня. Сердце мое облилось кровью; пополз я по густой траве вдоль по оврагу, - смотрю: лес кончился, несколько казаков выезжают из него на поляну, и вот выскакивает прямо к ним мой Карагез; все кинулись за ним с криком; долго, долго они за ним гонялись, особенно один раза два чуть-чуть не накинуд ему на шею аркана; я за-

дрожал, опустил глаза и начал молиться. Через несколько мгновений поднимаю их - и вижу: мой Карагез летит, развевая хвост, вольный как ветер, а гяуры далеко один за другим тянутся по степи на измученных конях. Валлах! это правда, истинная правда! До поздней ночи я сидел в своем овраге. Вдруг, что ж ты думаешь, Азамат? во мраке слышу, бегают по берегу оврага конь, фыркает, ржет и бьет копытами о землю; я узнал голос моего Карагеза; это был он, мой товарищ!.. С тех пор мы не разлучались.

И слышно было, как он трепал рукою по гладкой шее своего скакуна, давая ему разные нежные названия.

- Если б у меня был табун в тысячу кобыл, - сказал Азамат, - то отдал бы тебе весь за твоего Карагеза.

- Йок, не хочу, - отвечал равнодушно Казбич.

- Послушай, Казбич, - говорил, ласкаясь к нему, Азамат, - ты добрый человек, ты храбрый джигит, а мой отец боится русских и не пускает меня в горы; отдай мне свою лошадь, и я сделаю все, что ты хочешь, украду для тебя у отца лучшую его винтовку или шашку, что только пожелаешь, - а шашка его настоящая гурда: приложи лезвием к руке, сама в тело вопьется; а кольчуга - такая, как твоя, нипочем.

Казбич молчал.

- Я умру, Казбич, если ты мне не продашь его! - сказал Азамат дрожащим голосом.

Мне послышалось, что он заплакал: а надо вам сказать, что Азамат был преупрямый мальчишка, и ничем, бывало, у него слез не выбьешь, даже когда он был помоложе.

В ответ на его слезы послышалось что-то вроде смеха.

- Послушай! - сказал твердым голосом Азамат, - видишь, я на все решаюсь. Хочешь, я украду для тебя мою сестру? Как она пляшет! как поет! а вышивает золотом - чудо! Не бывало такой жены и у турецкого падишаха ... Хочешь, дождись меня завтра ночью там в ущелье, где

бежит поток: я пойду с нею мимо в соседний аул, - и она твоя. Неужели не стоит Бэла твоего скакуна?

Напрасно упрашивал его Азамат согласиться, и плакал, и лстыл ему, и клялся; наконец Казбич нетерпеливо прервал его:

- Поди прочь, безумный мальчишка! Где тебе ездить на моем коне? На первых трех шагах он тебя сбросит, и ты разобьешь себе затылок об камни.

- Меня? - крикнул Азамат в бешенстве, и железо детского кинжала зазвенело об кольчугу. Сильная рука оттолкнула его прочь, и он ударился об плетень так, что плетень зашатался. "Будет потеха!" - подумал я, кинулся в конюшню, взнуздal лошадей наших и вывел их на задний двор. Через две минуты уж в сакле был ужасный гвалт. Вот что случилось: Азамат вбежал туда в разорванном бешмете, говоря, что Казбич хотел его зарезать. Все выскочили, схватились за ружья - и пошла потеха! Крик, шум, выстрелы; только Казбич уж был верхом и вертелся среди толпы по улице, как бес, отмахиваясь шашкой.

- А что Казбич? - спросил я нетерпеливо у штабс-капитана.

- Да что этому народу делается! - отвечал он, допивая стакан чая, - ведь ускользнул! Никогда себе не прощу одного: черт меня дернул, приехав в крепость, пересказать Григорью Александровичу все, что я слышал, сидя за забором; он посмеялся, - такой хитрый! - а сам задумал кое-что.

Дня через четыре приезжает Азамат в крепость. По обыкновению, он зашел к Григорью Александровичу, который его всегда кормил лакомствами. Я был тут. Зашел разговор о лошадях, и Печорин начал расхваливать лошадь Казбича: уж такая-то она резвая, красивая, словно серна, - ну, просто, по его словам, этакой и в целом мире нет.

Засверкали глазенки у татарчонка, а Печорин будто не

замечает; я заговорю о другом, а он, смотришь, тотчас собьет разговор на лошадь Казбича.

Вот видите, я уж после узнал всю эту штуку: Григорий Александрович до того его задразнил, что хоть в воду. Раз он ему и скажи:

- Вижу, Азамат, что тебе больно понравилась эта лошадь; а не видать тебе ее как своего затылка! Ну, скажи, что бы ты дал тому, кто тебе ее подарил бы?..

- Все, что он захочет, - отвечал Азамат.

- В таком случае я тебе ее достану, только с условием...
Поклянись, что ты его исполнишь...

- Клянусь... Клянись и ты!

- Хорошо! Клянусь, ты будешь владеть конем; только за него ты должен отдать мне сестру Бэлу: Карагез будет тебе калымом. Надеюсь, что торг для тебя выгоден.

Азамат молчал.

- Не хочешь? Ну, как хочешь! Я думал, что ты мужчина, а ты еще ребенок: рано тебе ездить верхом...

Азамат вспыхнул.

- А мой отец? - сказал он.

- Разве он никогда не уезжает?

- Правда...

- Согласен?..

- Согласен, - прошептал Азамат, бледный как смерть.

- Когда же?

- В первый раз, как Казбич приедет сюда; он обещался пригнать десяток баранов: остальное - мое дело. Смотри же, Азамат!

Вот они и сладили это дело... по правде сказать, нехорошее дело! Я после и говорил это Печорину, да только он мне отвечал, что дикая черкешенка должна быть счастлива, имея такого милого мужа, как он. Вот раз приехал Казбич и спрашивает, не нужно ли баранов и меда; я велел ему привести на другой день.

- Азамат! - сказал Григорий Александрович, - завтра Карагез в моих руках; если нынче ночью Бэла не будет здесь, то не видать тебе коня...

- Хорошо! - сказал Азамат и поскакал в аул. Вечером Григорий Александрович вооружился и выехал из крепости: как они сладили это дело, не знаю, - только ночью они оба возвратились, и часовой видел, что поперек седла Азамата лежала женщина, у которой руки и ноги были связаны, а голова окутана чадрой.

- А лошадь? - спросил я у штабс-капитана.

На другой день утром рано приехал Казбич и пригнал десяток баранов на продажу. Привязав лошадь у забора, он вошел ко мне;

Стали мы болтать о том, о сем: вдруг, смотрю, Казбич вздрогнул, переменился в лице - и к окну; но окно, к несчастью, выходило на задворье.

- Что с тобой? - спросил я.

- Моя лошадь!.. лошадь!.. - сказал он, весь дрожа.

Точно, я услышал топот копыт: "Это, верно, какой-нибудь казак приехал..."

- Нет! Урус яман, яман! - заревел он и опрометью бросился вон, как дикий барс. В два прыжка он был уж на дворе; у ворот крепости часовой загородил ему путь ружьем; он перескочил через ружье и кинулся бежать по дороге... Вдали вилась пыль - Азамат скакал на лихом Карагезе; на бегу Казбич выхватил из чехла ружье и выстрелил, с минуту он остался неподвижен, пока не убедился, что дал промах; потом завизжал, ударил ружье о камень, разбил его вдребезги, повалился на землю и зарыдал, как ребенок... Поверите ли, он так пролежал до поздней ночи и целую ночь?.. Только на другое утро пришел в крепость и стал просить, чтоб ему назвали похитителя. При этом имени глаза Казбича засверкали, и он отправился в аул, где жил отец Азамата. - Что ж отец?

- Да в том-то и штука, что его Казбич не нашел: он куда-то уезжал дней на шесть, а то удалось ли бы Азамату увезти сестру?

А когда отец возвратился, то ни дочери, ни сына не было. Такой хитрец: ведь смекнул, что не сносить ему головы, если б он попался. Так с тех пор и пропал: верно, пристал к какой-нибудь шайке абреков, да и сложил буйную голову за Терекон или за Кубанью: туда и дорога!..

- Господин прапорщик, вы сделали проступок, за который я могу отвечать...

- И полноте! что ж за беда? Ведь у нас давно все пополам.

- Что за шутки? Пожалуйте вашу шпагу!

- Митька, шпагу!..

Митька принес шпагу. Исполнив долг свой, сел я к нему на кровать и сказал:

- Послушай, Григорий Александрович, признайся, что нехорошо.

- Что нехорошо?

- Да то, что ты увез Бэлу... Уж эта мне бестия Азамат!..

Ну, признайся, - сказал я ему.

- Да когда она мне нравится?..

Ну, что прикажете отвечать на это?.. Я стал в тупик. Однако ж после некоторого молчания я ему сказал, что если отец станет ее требовать, то надо будет отдать.

- Вовсе не надо!

- Да он узнает, что она здесь?

- А как он узнает?

Я опять стал в тупик.

- Послушайте, Максим Максимыч! - сказал Печорин, приподнявшись, - ведь вы добрый человек, - а если отдадим дочь этому дикарю, он ее зарежет или продаст. Дело сделано, не надо только охотою портить; оставьте ее у меня, а у себя мою шпагу...

- Да покажите мне ее, - сказал я.

- Она за этой дверью; только я сам нынче напрасно хотел ее видеть; сидит в углу, закутавшись в покрывало, не говорит и не смотрит: пуглива, как дикая серна. Я нанял нашу духанщицу: она знает по-татарски, будет ходить за нею и приучит ее к мысли, что она моя, потому что она никому не будет принадлежать, кроме меня, - прибавил он, ударив кулаком по столу. Я и в этом согласился... Что прикажете делать? Есть люди, с которыми непременно должно согласиться.

- А что? - спросил я у Максима Максимыча, - в самом ли деле он приучил ее к себе, или она зачахла в неволе, с тоски по родине?

- Помилуйте, отчего же с тоски по родине. Из крепости видны были те же горы, что из аула, - а этим дикарям больше ничего не надобно. Да притом Григорий Александрович каждый день дарил ей что-нибудь: первые дни она молча гордо отталкивала подарки, которые тогда доставались духанщице и возбуждали ее красноречие. Ах, подарки! чего не сделает женщина за цветную тряпичку!.. Ну, да это в сторону... Долго бился с нею Григорий Александрович; между тем учился по-татарски, и она начинала понимать по-нашему. Мало-помалу она приучилась на него смотреть, сначала исподлобья, искоса, и все грустила, напевала свои песни вполголоса, так что, бывало, и мне становилось грустно, когда слушал ее из соседней комнаты. Никогда не забуду одной сцены, шел я мимо и заглянул в окно; Бэла сидела на лежанке, повесив голову на грудь, а Григорий Александрович стоял перед нею.

- Послушай, моя пери, - говорил он, - ведь ты знаешь, что рано или поздно ты должна быть моею, - отчего же только мучишь меня? Разве ты любишь какого-нибудь чеченца? Если так, то я тебя сейчас отпущу домой. - Она вздрогнула едва приметно и покачала головой. - Или, - продолжал он, - я тебе совершенно ненавистен? - Она вздохнула. - Или твоя вера запрещает полюбить меня? -

Она побледнела и молчала. - Поверь мне. аллах для всех племен один и тот же, и если он мне позволяет любить тебя, отчего же запретит тебе платить мне взаимностью? - Она посмотрела ему пристально в лицо, как будто пораженная этой новой мыслью; в глазах ее выразились недоверчивость и желание убедиться. Что за глаза! они так и сверкали, будто два угля. - Послушай, милая, добрая Бэла! - продолжал Печорин, - ты видишь, как я тебя люблю; я все готов отдать, чтоб тебя развеселить: я хочу, чтоб ты была счастлива; а если ты снова будешь грустить, то я умру. Скажи, ты будешь веселей?

Она призадумалась, не спуская с него черных глаз своих, потом улыбнулась ласково и кивнула головой в знак согласия. Он взял ее руку и стал ее уговаривать, чтоб она его целовала; она слабо защищалась и только повторяла: "Поджалуста, поджалуйста, не нада, не нада". Он стал настаивать; она задрожала, заплакала.

- Я твоя пленница, - говорила она, - твоя раба; конечно ты можешь меня принудить, - и опять слезы.

Григорий Александрович ударил себя в лоб кулаком и выскочил в другую комнату. Я зашел к нему; он сложа руки прохаживался угрюмый взад и вперед.

- Что, батюшка? - сказал я ему.

- Дьявол, а не женщина! - отвечал он, - только я вам даю мое честное слово, что она будет моя...

Я покачал головою.

- Хотите пари? - сказал он, - через неделю!

- Извольте!

Мы ударили по рукам и разошлись.

СЛОВАРНАЯ РАБОТА:

- **Попутчики** – хамроҳон, ҳамсафарон.
- **Ночлег** – манзил, чои шабгузаронӣ.
- **Иззябнуть** – сахт хунук хӯрдан, аз хуноки шах шудан.

- **Хлопоты** – тараддуд, ташвиш, захмат.
- **Избаловать** – эрка кардан.
- **Усмехаться** – табассум кардан, лабханд кардан.
- **Комплемент** – хушомад, таъриф, тавсиф кардан.
- **Наездник** – савор(а), човандоз, ромкунанда.
- **Упрямство** – якравӣ, саркашӣ, гарданшахӣ, қайсарӣ.
- **Нетерпеливо** – бетоқатона, бесаброна, ??????
- **Серна** – нахчир, бузи куҳӣ.
- **Напрасно** – беҳуда, бефоида, беасос.
- **Недоверчивость** – нобоварӣ, бовар накардан.
- **Дьявол** – шайтон, иблис, сабол, дев, чин.

Вопросы и задания:

1. Где происходят события?
2. Кто является рассказчиком повести?
3. Кто рассказывает автору о происходящих событиях?
4. Почему Печорин оказался на Кавказе?
5. Какие странности замечал Максим Максимыч в характере и поведении Печорина?
6. Где впервые встречает Печорин Белу?
7. Какое впечатление произвела черкешенка на Печорина?
8. Что предпринимает Печорин, чтобы Бела оказалась у него в доме?
9. Кто такой Казбич и что связывает его с Азаматом?
10. Каким образом Азамат завладел лошастью Казбича?
11. Почему Карагез был так дорог Казбичу?
12. Как ведет себя Бела в доме Печорина?
13. В каких случаях можно употребить следующие выражения:

Сердце обливалось кровью.

Не видать тебе её как своего затылка.

*Насилу ноги унес.
Животики надорвёшь.*

14. Когда о человеке можно сказать:

*Он немного странный
Он падок на деньги.*

На другой день он тотчас же отправил нарочного в Кизляр за разными покупками; привезено было множество разных персидских материй, всех не перечесть.

- Как вы думаете, Максим Максимыч! - сказал он мне, показывая подарки, - устоит ли азиатская красавица против такой батареи?

- Вы черкешенок не знаете, - отвечал я, - это совсем не то, что грузинки или закавказские татарки, совсем не то. У них свои правила: они иначе воспитаны. - Григорий Александрович улыбнулся и стал насвистывать марш.

А ведь вышло, что я был прав: подарки подействовали только вполовину; она стала ласковее, доверчивее - да и только; так что он решился на последнее средство. Раз утром он велел оседлать лошадь, оделся по-черкесски, вооружился и вошел к ней. "Бэла! - сказал он, - ты знаешь, как я тебя люблю. Я решился тебя увезти, думая, что ты, когда узнаешь меня, полюбишь; я ошибся: прощай! оставайся полной хозяйкой всего, что я имею; если хочешь, вернись к отцу, - ты свободна. Только едва он коснулся двери, как она вскочила, зарыдала и бросилась ему на шею. Поверите ли? я, стоя за дверью, также заплакал, то есть, знаете, не то чтобы заплакал, а так - глупость!..

Штабс-капитан замолчал.

- Да неужели, - продолжал я, - отец не догадался, что она у вас в крепости?

- То есть, кажется, он подозревал. Спустя несколько дней узнали мы, что старик убит. Вот как это случилось...

Внимание мое пробудилось снова.

- Надо вам сказать, что Казбич вообразил, будто Азамат с согласия отца украл у него лошадь, по крайней мере, я так полагаю. Вот он раз и дождался у дороги версты три за аулом; старик возвращался из напрасных поисков за дочерью; уздени его отстали, - это было в сумерки, - он ехал задумчиво шагом, как вдруг Казбич, будто кошка, нырнул из-за куста, прыг сзади его на лошадь, ударом кинжала свалил его наземь, схватил поводья - и был таков; некоторые уздени все это видели с пригорка; они бросились догонять, только не догнали.

Славная была девочка, эта Бэла! Я к ней наконец так привык, как к дочери, и она меня любила. Надо вам сказать, что у меня нет семейства: об отце и матери я лет двенадцать уж не имею известия, а запастись женой не догадался раньше, - так теперь уж, знаете, и не к лицу; я и рад был, что нашел кого баловать. Она, бывало, нам поет песни иль пляшет лезгинку... А уж как плясала! видал я наших губернских барышень, я раз был-с и в Москве в благородном собрании, лет двадцать тому назад, - только куда им! совсем не то!.. Григорий Александрович наряжал ее, как куколку, холил и лелеял; и она у нас так похорошела, что чудо; с лица и с рук сошел загар, румянец разыгрался на щеках... Уж какая, бывало, веселая, и все надо мной, проказница, подшучивала... Бог ей прости!..

- А что, когда вы ей объявили о смерти отца?

- Мы долго от нее это скрывали, пока она не привыкла к своему положению; а когда сказали, так она дня два плакала, а потом забыла.

Месяца четыре все шло как нельзя лучше. Григорий Александрович, я уж, кажется, говорил, страстно любил охоту: бывало, так его в лес и подмывает за кабанами или козами, - а тут хоть бы вышел за крепостной вал. Вот, однако же, смотрю, он стал снова задумываться, ходит по комнате, загнув руки назад; потом раз, не сказав никому, отправился стрелять, - целое утро пропадал; раз и другой,

все чаще и чаще... "Нехорошо, - подумал я, верно между ними черная кошка проскочила!"

Одно утро захожу к ним - как теперь перед глазами: Бэла сидела на кровати в черном шелковом бешмете, бледненькая, такая печальная, что я испугался.

- А где Печорин? - спросил я.

- На охоте.

- Сегодня ушел? - Она молчала, как будто ей трудно было выговорить.

- Нет, еще вчера, - наконец сказала она, тяжело вздохнув.

- Уж не случилось ли с ним чего?

- Я вчера целый день думала, - отвечала она сквозь слезы, - придумывала разные несчастья: то казалось мне, что его ранил дикий кабан, то чеченец утащил в горы... А нынче мне уж кажется, что он меня не любит.

- Права, милая, ты хуже ничего не могла придумать! - Она заплакала, потом с гордостью подняла голову, отерла слезы и продолжала:

- Если он меня не любит, то кто ему мешает отослать меня домой? Я его не принуждаю. А если это так будет продолжаться, то я сама уйду: я не раба его - я княжеская дочь!..

Я стал ее уговаривать.

- Послушай, Бэла, ведь нельзя же ему век сидеть здесь как пришитому к твоей юбке: он человек молодой, любит погоняться за дичью, - походит, да и придет; а если ты будешь грустить, то скорей ему наскучишь.

Наконец я ей сказал: "Хочешь, пойдем прогуляться на вал? погода славная!" Это было в сентябре; и точно, день был чудесный. Мы сидели на углу бастиона, так что в обе стороны могли видеть все. Вот смотрю: из леса выезжает кто-то на серой лошади, все ближе и ближе и, наконец, остановился по ту сторону речки, саженьях во сто от нас, и начал кружить лошадь свою как бешеный. Что за прит-

ча!..

- Посмотри-ка, Бэла, - сказал я, - у тебя глаза молодые, что это за джигит: кого это он приехал тешить?..

Она взглянула и вскрикнула:

- Это Казбич!..

- Ах он разбойник! смеяться, что ли, приехал над нами? - Всматриваюсь, точно Казбич: его смуглая рожа, оборванный, грязный как всегда.

- Это лошадь отца моего, - сказала Бэла, схватив меня за руку; она дрожала, как лист, и глаза ее сверкали. "Ага! - подумал я, - и в тебе, душенька, не молчит разбойничья кровь!"

- Подойди-ка сюда, - сказал я часовому, - осмотри ружье да ссади мне этого молодца, - получишь рубль серебром.

- Слушаю, ваше высокоблагородие; только он не стоит на месте... - Прикажи! - сказал я, смеясь...

- Эй, любезный! - закричал часовой, махая ему рукой, - подожди маленько, что ты крутишься, как волчок?

Казбич остановился в самом деле и стал вслушиваться: верно, думал, что с ним заводят переговоры, - как не так!.. Мой гренадер приложился... бац!.. мимо, - только что порох на полке вспыхнул; Казбич толкнул лошадь, и она дала скачок в сторону. Он привстал на стременах, крикнул что-то по-своему, пригрозил нагайкой - и был таков.

Четверть часа спустя Печорин вернулся с охоты; Бэла бросилась ему на шею, и ни одной жалобы, ни одного упрека за долгое отсутствие... Даже я уж на него рассердился.

- Помилуйте, - говорил я, - ведь вот сейчас тут был за речкою Казбич, и мы по нем стреляли; ну, долго ли вам на него наткнуться? Эти горцы народ мстительный: вы думаете, что он не догадывается, что вы частью помогли Азамату?

Тут Печорин задумался. "Да, - отвечал он, - надо быть осторожнее... Бэла, с нынешнего дня ты не должна более ходить на крепостной вал".

Вечером я имел с ним длинное объяснение: мне было досадно, что он переменялся к этой бедной девочке; кроме того, что он половину дня проводил на охоте, его обращение стало холодно, ласкал он ее редко, и она заметно начинала сохнуть, личико ее вытянулось, большие глаза потускнели. Бывало, спросишь:

"О чем ты вздохнула, Бэла? ты печальна?" - "Нет!" - "Тебе чего-нибудь хочется?" - "Нет!" - "Ты тоскуешь по родным?" - "У меня нет родных". Случалось, по целым дням, кроме "да" да "нет", от нее ничего больше не добьешься.

Вот об этом-то я и стал ему говорить. "Послушайте, Максим Максимыч, - отвечал он, - у меня несчастный характер; воспитание ли меня сделало таким, бог ли так меня создал, не знаю; знаю только то, что если я причиною несчастья других, то и сам не менее несчастлив; разумеется, это им плохое утешение - только дело в том, что это так. В первой моей молодости, с той минуты, когда я вышел из опеки родных, я стал наслаждаться бешено всеми удовольствиями, которые можно достать за деньги, и разумеется, удовольствия эти мне опротивели. Потом пустился я в большой свет, и скоро общество мне также надоело; влюблялся в светских красавиц и был любим, - но их любовь только раздражала мое воображение и самолюбие, а сердце осталось пусто... Я стал читать, учиться - науки также надоели; я видел, что ни слава, ни счастье от них не зависят нисколько, потому что самые счастливые люди - невежды, а слава - удача, и чтоб добиться ее, надо только быть ловким. Тогда мне стало скучно... Вскоре переехали меня на Кавказ: это самое счастливое время моей жизни. Я надеялся, что скука не живет под чеченскими пулями - напрасно: через месяц я так привык к их жужжанию

и к близости смерти, что, право, обращал больше внимание на комаров, - и мне стало скучнее прежнего, потому что я потерял почти последнюю надежду. Когда я увидел Бэлу в своем доме, когда в первый раз, держа ее на коленях, целовал ее черные локоны, я, глупец, подумал, что она ангел, посланный мне сострадательной судьбою... Я опять ошибся: любовь дикарки немногим лучше любви знатной барыни; невежество и простосердечие одной так же надоедают, как и кокетство другой. Если вы хотите, я ее еще люблю, я ей благодарен за несколько минут довольно сладких, я за нее отдам жизнь, - только мне с нею скучно... Глупец я или злодей, не знаю; но то верно, что я также очень достоин сожаления, может быть больше, нежели она: во мне душа испорчена светом, воображение беспокойное, сердце ненасытное; мне все мало: к печали я так же легко привыкаю, как к наслаждению, и жизнь моя становится пустее день ото дня; мне осталось одно средство: путешествовать. Как только будет можно, отправлюсь - только не в Европу, избави боже! - поеду в Америку, в Аравию, в Индию, - авось где-нибудь умру на дороге! По крайней мере я уверен, что это последнее утешение не скоро истощится, с помощью бурь и дурных дорог". Так он говорил долго, и его слова врезались у меня в памяти, потому что в первый раз я слышал такие вещи от двадцатипятилетнего человека, и, бог даст, в последний... Что за диво! Скажите-ка, пожалуйста, - продолжал штабс-капитан, обращаясь ко мне. - вы вот, кажется, бывали в столице, и недавно: неужели тамошная молодежь вся такова?

Вот раз уговаривает меня Печорин ехать с ним на кабана; я долго отнекивался: ну, что мне был за диковинка кабан! Однако ж утащил-таки он меня с собой. Мы взяли человек пять солдат и уехали рано утром.

Мы ехали рядом, молча, распустив поводья, и были уж почти у самой крепости: только кустарник закрывал ее

от нас. Вдруг выстрел... Мы взглянули друг на друга: нас поразило одинаковое подозрение... Опрометью поскакали мы на выстрел - смотрим: на валу солдаты собрались в кучу и указывают в поле, а там летит стремглав всадник и держит что-то белое на седле. Григорий Александрович взвизгнул не хуже любого чеченца; ружье из чехла - и туда; я за ним.

К счастью, по причине неудачной охоты, наши кони не были измучены: они рвались из-под седла, и с каждым мгновением мы были все ближе и ближе... И наконец я узнал Казбича, только не мог разобрать, что такое он держал перед собою. Я тогда поравнялся с Печориным и кричу ему: "Это Казбич!.. "Он посмотрел на меня, кивнул головою и ударил коня плетью.

Смотрю: Печорин на скаку приложился из ружья... "Не стреляйте! - кричу я ему. - берегите заряд; мы и так его догоним". Уж эта молодежь! вечно некстати горячится... Но выстрел раздался, и пуля перебила заднюю ногу лошади: она сгоряча сделала еще прыжков десять, споткнулась и упала на колени; Казбич соскочил, и тогда мы увидели, что он держал на руках своих женщину, окутанную чад-рою... Это была Бэла... бедная Бэла! Он что-то нам закричал по-своему и занес над нею кинжал... Медлить было нечего: я выстрелил, в свою очередь, наудачу; верно, пуля попала ему в плечо, потому что вдруг он опустил руку... Когда дым рассеялся, на земле лежала раненая лошадь и возле нее Бэла; а Казбич, бросив ружье, по кустарникам, точно кошка, карабкался на утес; хотелось мне его снять оттуда - да не было заряда готового! Мы соскочили с лошадей и кинулись к Бэле. Бедняжка, она лежала неподвижно, и кровь лилась из раны ручьями...

Нас у ворот крепости ожидала толпа народа; осторожно перенесли мы раненую к Печорину и послали за лекарем. Он был хотя пьян, но пришел: осмотрел рану и объявил, что она больше дня жить не может; только он

ошибся...

- Выздоровела? - спросил я у штабс-капитана, схватив его за руку и невольно обрадовавшись.

- Нет,- отвечал он.

- Умерла; только долго мучилась, и мы уж с нею измучились порядком. Около десяти часов вечера она пришла в себя; мы сидели у постели; только что она открыла глаза, начала звать Печорина. - "Я здесь, подле тебя, моя джанечка (то есть, по-нашему, душенька)", - отвечал он, взяв ее за руку. "Я умру!" - сказала она. Мы начали ее утешать, говорили, что лекарь обещал ее вылечить непременно; она покачала головой и отвернулась к стене: ей не хотелось умирать!..

Настала другая ночь; мы не смыкали глаз, не отходили от ее постели. Она ужасно мучилась, стонала, и только что боль начинала утихать, она старалась уверить Григория Александровича, что ей лучше, уговаривала его идти спать, целовала его руку, не выпускала ее из своих.

Нет, она хорошо сделала, что умерла: ну, что бы с ней случилось, если б Григорий Александрович ее покинул? А это бы случилось, рано или поздно...

На другой день рано утром мы ее похоронили за крепостью, у речки, возле того места, где она в последний раз сидела; кругом ее могилки теперь разрослись кусты белой акации и бузины. Я хотел было поставить крест, да, знаете, неловко: все-таки она была не христианка...

- А что Печорин? - спросил я.

- Печорин был долго нездоров, исхудал, бедняжка; только никогда с этих пор мы не говорили о Бэле: я видел, что ему будет неприятно, так зачем же? Месяца три спустя его назначили в е...й полк, и он уехал в Грузию. Мы с тех пор не встречались, да помнится, кто-то недавно мне говорил, что он возвратился в Россию.

СЛОВАРНАЯ РАБОТА:

- **Хамить, лелеять** – берӯй (дағалӣ, дешармӣ) кардан;
- **Иначе** – ба таври дигар, дигар хел.
- **Доверчивость** – зудбоварӣ, соддагӣ.
- **Оседлать лошадь** – аспро зин кардан.
- **Зарыдать** – ба гирия даромадан.
- **Пологать** – гумон кардан.
- **Сумерки** – нимторикӣ, шом.
- **Плясать** – рақс кардан, рақсидан.
- **Проказница** – ҳазл боз, шӯх.
- **Смуглый** – сабзина.
- **Нагайка** – қамчин, тозиёна.
- **Досадно** – афсӯз, ҳайф, аламовар.
- **Раздражать** – ранчидан, озурда кардан, хашмгин кардан.
- **Споткнуться** – пеш пой хӯрдан.
- **Сожалеть** – афсӯз хӯрдан, таассуф кардан, пушаймон шудан.

Вопросы и задания.

1. Какими действиями Печорин завоёвывал Белу?
2. Почему Казбич убивает отца Белы?
3. Какие взаимоотношения были между Белой и Максим Максимычем?
4. Чем вызвана печаль и слезы Белы?
5. Почему Казбич стал появляться у крепости?
6. Почему Печорин меняет своё отношение к Беле?
7. Что рассказал Печорин Максим Максимычу о своём воспитании и как это?
8. Повлияло на его характер?
9. Печорин страстно любивший Белу, разочаровывается в ней, почему?
10. Как вы понимаете слова Печорина «Во мне душа испорчена светом...»
11. Почему погибает Бела?

12.Как вы объясните слова Максим Максимыча «Нет, она хорошо сделала что умерла...»

13.Страдает ли Печорин от гибели Белы?

14.Когда можно употребить выражение «между ними словно чёрная кошка пробежала...»?

Н. В. ГОГОЛЬ
(1809 – 1852)

Николай Васильевич Гоголь родился в 1809 г. в Полтавской губернии в семье помещиков среднего достатка. Предки писателя со стороны отца были потомственными священниками. Отец служил на почте. В семье было 6 человек детей.

Детские годы Гоголь провел в родном имении. Учился в Полтавском уездном училище, затем в 1821 г. поступил в Нежинскую гимназию высших наук. К этому времени относятся первые литературные опыты в стихах и в прозе.

По окончании гимназии (1828 г.) переезжает в Петербург. Появляются первые публикации: «Вечер накануне Ивана Купала», статьи, эссе, которые приносят ему определенную известность. Здесь же он знакомится с В.А. Жуковским и А.С. Пушкиным.

Выходят сб. повестей из украинской жизни: «Вечера на хуторе близ Диканьки». После выхода первой прозаической книги Гоголь становится знаменитостью.

Повести из сборников «Миргород» и «Арабески» открывают реалистический период творчества Гоголя.

Миргородский цикл объединяет такие повести Гоголя как «Старосветские помещики», «Тарас Бульба», «Как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

Сб. «Арабески» включает в себя такие повести как «Нос», «Невский проспект», «Записки сумасшедшего», «Шинель» и др.

В 1836 г. была написана комедия «Ревизор», в которой Гоголь показал жизнь чиновников небольшого уездного городка и как взбудоражил приезд мнимого ревизора спокойную размеренную жизнь чиновников.

Сатирическое осмеяние помещицкой России Гоголь отобразил в поэме - романе «Мертвые души».

Умер Гоголь в феврале 1852 г.

«РЕВИЗОР»

*На зеркало неча пенять,
коли рожка крива.*

Народная пословица

Комедия в пяти действиях Действующие лица

Антон Антонович Сквозник- Дмухановский, городничий.

Анна Андреевна, жена его.

Марья Антоновна, дочь его.

Лука Лукич Хлопов, смотритель училищ.

Жена его.

Аммос Федорович Ляпкин-Тяпкин, судья.

Артемий Филиппович Земляника, попечитель богоугодных заведений.

Иван Кузьмич Шпекин, почтмейстер.

Петр Иванович Добчинский

Петр Иванович Бобчинский } городские помещики

Иван Александрович Хлестаков, чиновник из Петербурга.

Осип, слуга его.

Христиан Иванович Гибнер, уездный лекарь.

Федор Иванович Люлюков

Иван Лазаревич Растаковский

Степан Иванович Коробкин } отставные чиновники,
почетные лица в городе.

Степан Ильич Уховертов, частный пристав.
Свистунов
Пуговицын
Держиморда } полицейские
Абдулин, купец.
Февронья Петровна Пошлепкина, слесарша.
Жена унтер-офицера.
Мишка, слуга городничего.
Слуга трактирный.
Гости и гости, купцы, мещане, просители.
Характеры и костюмы Замечания для господ актеров

Драма – это один из родов художественной литературы. В драме отсутствует авторская речь. Произведение строится на диалогах действующих лиц.

Комедия – один из видов драматического произведения с весёлым, смешным сюжетом.

Авторские ремарки- пояснение автора к тексту, касающееся абстановки, поведения действующих лиц, их внешнего вида

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната в доме городничего **Явление I**

Городничий, попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, судья, частный пристав, лекарь, два квартальных.

Городничий. Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор.

Аммос Федорович. Как ревизор?

Артемий Филиппович. Как ревизор?

Городничий. Ревизор из Петербурга, инкогнито. И еще с секретным предписанием.

Аммос Федорович. Вот те на!

Артемий Филиппович. Вот не было заботы, так подай!

Лука Лукич. Господи боже! еще и с секретным предписанием!

Городничий. Я как будто предчувствовал: сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы. Право, таких я никогда не видывал: черные, неестественной величины! пришли, понюхали - и пошли прочь. Вот я вам прочту письмо, которое получил я от Андрея Ивановича Чмыхова, которого вы, Артемий Филиппович, знаете. Вот что он пишет: "Любезный друг, кум и благодетель (бормочет вполголоса, пробегая скоро глазами)... и уведомить тебя". А! Вот: "Спешу, между прочим, уведомить тебя, что приехал чиновник с предписанием осмотреть всю губернию и особенно наш уезд (значительно поднимает палец вверх). Я узнал это от самых достоверных людей, хотя он представляет себя частным лицом. Так как я знаю, что за тобою, как за всяким, водятся грешки, потому что ты человек умный и не любишь пропускать того, что плывет в руки..." (остановясь), ну, здесь свои ... "то советую тебе взять предосторожность, ибо он может приехать во всякий час, если только уже не приехал и не живет где-нибудь инкогнито... Вчерашнего дня я ..." Ну, тут уж пошли дела семейные: "... сестра Анна Кирилловна приехала к нам со своим мужем; Иван Кириллович очень потолстел и все играет на скрипке..." - и прочее, и прочее. Так вот какое обстоятельство!

Аммос Федорович. Да, обстоятельство такое... необыкновенно, просто необыкновенно. Что-нибудь недаром.

Лука Лукич. Зачем же, Антон Антонович, отчего это? Зачем к нам ревизор?

Городничий. Зачем! Так уж, видно, судьба! (Вздыхнув.) До сих пор, благодарение богу, подбирались к другим городам; теперь пришла очередь к нашему.

Аммос Федорович. Я думаю, Антон Антонович, что здесь тонкая и больше политическая причина. Это значит вот что: Россия... да... хочет вести войну, и министерия-то, вот видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нет ли где измены.

Городничий. Эк куда хватили! Еще умный человек! В уездном городе измена! Что он, пограничный, что ли? Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь.

Аммос Федорович. Нет, я вам скажу, вы не того... вы не... Начальство имеет тонкие виды: даром что далеко, а оно себе мотает на ус.

Городничий. Мотает или не мотает, а я вас, господа, предупредил. Смотрите, по своей части я кое-какие распоряженья сделал, советую и вам. Особенно вам, Артемий Филиппович! Без сомнения, проезжающий чиновник захочет прежде всего осмотреть подведомственные вам богоугодные заведения - и потому вы сделайте так, чтобы все было прилично: колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецов, как обыкновенно они ходят по-домашнему.

Артемий Филиппович. Ну, это еще ничего. Колпаки, пожалуй, можно надеть и чистые.

Городничий. Да, и тоже над каждой кроватью надписать по латыни или на другом языке... Это уже по вашей части, Христиан Иванович, - всякую болезнь: когда кто заболел, которого дня и числа... Нехорошо, что у вас больные такой крепкий табак курят, что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, если б их было меньше: тотчас отнесут к дурному смотрению или неискусству врача.

Артемий Филиппович. О! насчет врачеванья мы с Хри-

стианом Ивановичем взяли свои меры: чем ближе к натуре, тем лучше, - лекарств дорогих мы не употребляем. Человек простой: если умрет, то и так умрет; если выздоровеет, то и так выздоровеет. Да и Христиану Ивановичу затруднительно было б с ними изъясняться: он по-русски ни слова не знает.

Христиан Иванович издает звук, отчасти похожий на букву и несколько на е.

Городничий. Вам тоже посоветовал бы, Аммос Федорович, обратить внимание на присутственные места. У вас там в передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашних гусей с маленькими гусенками, которые так и шныряют под ногами. Оно, конечно, домашним хозяйством заводить всякому похвально, и почему ж сторожу и не завести его? только, знаете, в таком месте неприлично... Я и прежде хотел вам это заметить, но все как-то позабывал.

Аммос Федорович. А вот я их сегодня же велю всех забрать на кухню. Хотите, приходите обедать.

Городничий. Кроме того, дурно, что у вас высушивается в самом присутствии всякая дрянь и над самым шкапом с бумагами охотничий арапник. Я знаю, вы любите охоту, но все на время лучше его принять, а там, как проедет ревизор, пожалуй, опять его можете повесить. Также заседатель ваш... он, конечно, человек сведущий, но от него такой запах, как будто бы он сейчас вышел из винокуренного завода, - это тоже нехорошо. Я хотел давно об этом сказать вам, но был, не помню, чем-то развлечен. Есть против этого средства, если уже это действительно, как он говорит, у него природный запах: можно посоветовать ему есть лук, или чеснок, или что-нибудь другое. В этом случае может помочь разными медикаментами Христиан Иванович.

Христиан Иванович издает тот же звук.

Аммос Федорович. Нет, этого уже невозможно выгнать: он говорит, что в детстве мамка его ушибла, и с тех пор от него отдает немного водкою.

Городничий. Да я только так заметил вам. Насчет же внутреннего распорядка и того, что называет в письме Андрей Иванович грешками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить: нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уже так самим богом устроено, и волтерьянцы напрасно против этого говорят.

Аммос Федорович. Что ж вы полагаете, Антон Антонович, грешками? Грешки грешкам - рознь. Я говорю всем открыто, что беру взятки, но чем взятки? Борзыми щенками. Это совсем иное дело.

Городничий. Ну, щенками, или чем другим - все взятки.

Аммос Федорович. Ну нет, Антон Антонович. А вот, например, если у кого-нибудь шуба стоит пятьсот рублей, да супруге шаль...

Городничий. Ну, а что из того, что вы берете взятки борзыми щенками? Зато вы в бога не веруете; вы в церковь никогда не ходите; а я, по крайней мере, в вере тверд и каждое воскресенье бываю в церкви. А вы... О, я знаю вас: вы если начнете говорить о сотворении мира, просто волосы дыбом поднимаются.

Аммос Федорович. Да ведь сам собою дошел, собственным умом.

Городничий. Ну, в ином случае много ума хуже, чем бы его совсем не было. Впрочем, я так только упомянул о уездном суде; а по правде сказать, вряд ли кто когда-нибудь заглянет туда; это уж такое завидное место, сам бог ему покровительствует. А вот вам, Лука Лукич, как смотрителю учебных заведений, нужно позаботиться особенно насчет учителей. Они люди, конечно, ученые и воспитывались в разных коллегиях, но имеют очень странные поступки, натурально неразлучные с ученым званием.

Один из них, например, вот этот, что имеет толстое лицо... Не вспомню его фамилию, никак не может обойтись без того, чтобы взошедши на кафедру, не сделать гримасу, вот этак (делает гримасу), и потом начнет рукою из-под галстука утюжить свою бороду. Конечно, если ученику сделает такую рожу, то оно еще ничего: может быть, оно там и нужно так, об этом я не могу судить; но вы посудите сами, если он сделает это посетителю, - это может быть очень худо: господин ревизор или другой кто может принять это на свой счет. Из этого черт знает что может произойти.

Лука Лукич. Что ж мне, право, с ним делать? Я уж несколько раз ему говорил. Вот еще на днях, когда зашел было в класс наш предводитель, он скроил такую рожу, какой я никогда еще не видывал. Он-то ее сделал от доброго сердца, а мне выговор: зачем вольнодумные мысли вносятся юношеству.

Городничий. То же я должен вам заметить и об учителе по исторической части. Он ученая голова - это видно, и сведений нахватал тьму, но только объясняет с таким жаром, что не помнит себя. Я раз слушал его: ну покамест говорил об ассириянах и вавилонянах - еще ничего, а как добрался до Александра Македонского, то я не могу вам сказать, что с ним сделалось. Я думал, что пожар, ей-богу! Сбежал с кафедры и что есть силы хватать стулом об пол. Оно конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать? от этого убыток казне.

Лука Лукич. Да, он горяч! Я ему это несколько раз уже замечал.. Говорит: "Как хотите, для науки я жизни не пощажу".

Городничий. Да, таков уже неизъяснимый закон судеб: умный человек либо пьяница, или рожу такую состроит, что хоть святых выноси.

Лука Лукич. Не приведи господь служить по ученой части! Всего боишься: всякий мешается, всякому хочется показать, что он тоже умный человек.

Городничий. Это бы еще ничего, - инкогнито проклятое! Вдруг заглянет: "А, вы здесь, голубчики! А кто, скажет, здесь судья?" - "Ляпкин-Тяпкин". - "А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодных заведений?" - "Земляника". "А подать сюда Землянику!" Вот что худо!

Явление II

Те же и почтмейстер.

Почтмейстер. Объясните, господа, что, какой чиновник едет?

Городничий. А вы разве не слышали?

Почтмейстер. Слышал от Петра Ивановича Бобчинского. Он только что был у меня в почтовой конторе.

Городничий. Ну, что? Как вы думаете об этом?

Почтмейстер. А что думаю? война с турками будет.

Аммос Федорович. В одно слово! я сам то же думал.

Городничий. Да, оба пальцем в небо попали!

Почтмейстер. Право, война с турками. Это все француз гадит.

Городничий. Какая война с турками! Просто нам плохо будет, а не туркам. Это уже известно: у меня письмо.

Почтмейстер. А если так, то не будет войны с турками.

Городничий. Ну что же вы, как вы, Иван Кузьмич?

Почтмейстер. Да что я? Как вы, Антон Антонович?

Городничий. Да что я? Страху-то нет, а так, немножко... Купечество да гражданство меня смущает. Говорят, что я им солоно пришелся, а я, вот ей-богу, если и взял с иного, то, право, без всякой ненависти. Я даже думаю (берет его под руку и отводит в сторону), я даже думаю, не было ли на меня какого-нибудь доноса. Зачем же в самом деле к нам ревизор? Послушайте, Иван Кузьмич, нельзя ли вам, для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибывает к вам в почтовую контору, входящее и исходящее,

знаете, этак немножко распечатать и прочитать: не содержится ли в нем какого-нибудь донесения или просто переписки. Если же нет, то можно опять запечатать; впрочем, можно даже и так отдать письмо, распечатанное.

Почтмейстер. Знаю, знаю... Этому не учите, это я делаю не то чтоб из предосторожности, а больше из любопытства: смерть люблю узнать, что есть нового на свете. Я вам скажу, что это преинтересное чтение. Иное письмо с наслаждением прочтешь - так описываются разные пассажи... а назидательность какая... лучше, чем в "Московских ведомостях"!

Городничий. Ну что ж, скажите, ничего не начитывали о каком-нибудь чиновнике из Петербурга?

Почтмейстер. Нет, о петербургском ничего нет, а о костромских и саратовских много говорится. Жаль, однако ж, что вы не читаете писем: есть прекрасные места. Вот недавно один поручик пишет к приятелю и описал бал в самом игривом... очень, очень хорошо: "Жизнь моя, милый друг, течет, говорит в эмпириях: барышень много, музыка играет, штандарт скачет..." - с большим, с большим чувством описал. Я нарочно оставил его у себя. Хотите, прочту?

Городничий. Ну, теперь не до того. Так сделайте милость, Иван Кузьмич: если на случай попадется жалоба или донесение, то без всяких рассуждений задерживайте.

Почтмейстер. С большим удовольствием.

Аммос Федорович. Смотрите, достанется вам когда-нибудь за это.

Почтмейстер. Ах, батюшки!

Городничий. Ничего, ничего. Другое дело, если бы вы из этого публичное что-нибудь сделали, но ведь это дело семейственное.

Аммос Федорович. Да, нехорошее дело заварилось! А я, признаюсь, шел было к вам, Антон Антонович, с тем чтобы попотчевать вас собачонкою. Родная сестра тому ко-

белю, которого вы знаете. Ведь вы слышали, что Чептович с Варховинским затеяли тяжбу, и теперь мне роскошь: травлю зайцев на землях и у того и другого.

Городничий. Батюшки, не милы мне теперь ваши зайцы: у меня инкогнито проклятое сидит в голове. Так и ждешь, что вот отворится дверь и - шашть...

Явление III

Те же, Бобчинский и Добчинский, оба входят, запыхавшись.

Бобчинский. Чрезвычайное происшествие!

Добчинский. Неожиданное известие!

Все. Что, что такое?

Добчинский. Непредвиденное дело: приходим в гостиницу...

Бобчинский (перебивая). Приходим с Петром Ивановичем в гостиницу ...

Добчинский (перебивая). Э, позвольте, Петр Иванович, я расскажу.

Бобчинский. Э, нет, позвольте уж я... позвольте, позвольте... вы уж и слога такого не имеете...

Добчинский. А вы собьетесь и не припомните всего.

Бобчинский. Припомню, ей-богу, припомню. Уж не мешайте, пусть я расскажу, не мешайте! Скажите, господа, сделайте милость, чтоб Петр Иванович не мешал.

Городничий. Да говорите, ради бога, что такое? У меня сердце не на месте. Садитесь, господа! Возьмите стулья! Петр Иванович, вот вам стул.

Все усаживаются вокруг обоих Петров Ивановичей.

Ну, что, что такое?

"А в трактир, говорит, привезли теперь свежей семги, так мы закусим". Только что мы в гостиницу, как вдруг молодой человек...

Добчинский (перебивая). Недурной наружности, в партикулярном платье...

Бобчинский. "Кто, говорит, этот молодой человек?" - "Это, говорит, молодой человек, чиновник, - да-с, - едущий из Петербурга, а по фамилии, говорит, Иван Александрович Хлестаков-с, а едет, говорит, в Саратовскую губернию и, говорит, престранно себя аттестует: другую уж неделю живет, из трактира не едет, забирает все на счет и не копейки не хочет платить".

Городничий. Кто, какой чиновник?

Бобчинский. Чиновник-та, о котором изволили получили нотицию, - ревизор.

Городничий (в страхе). Что вы, господь с вами! это не он.

Добчинский. Он! и денег не платит и не едет. Кому же б быть, как не ему? И подорожная прописана в Саратов.

Городничий. И давно он здесь?

Добчинский. А недели две уж. Приехал на Василья Египтянина.

Городничий. Две недели! (В сторону.) Батюшки, сватушки! Выносите, святые угодники! В эти две недели высечена унтер-офицерская жена! Арестантам не выдавали провизии! На улицах кабак, нечистота! Позор! поношенье! (Хватается за голову.)

Артемиий Филиппович. Что ж, Антон Антонович? - ехать парадом в гостиницу.

Городничий. Нет, нет; позвольте уж мне самому. Бывали трудные случаи в жизни, сходили, еще даже и спасибо получал. Авось бог вынесет и теперь. (Обращаясь к Бобчинскому.) Вы говорите, он молодой человек?

Бобчинский. Молодой, лет двадцати трех или четырех с небольшим.

Городничий. Тем лучше: молодого скорее пронюхаешь. Беда, если старый черт, а молодой весь наверху. Вы, господа, приготовляйтесь по своей части, а я отправлюсь сам или вот хоть с Петром Ивановичем, приватно, для прогулки, наведаться, не терпят ли проезжающие неприятностей. Эй,

Явление IV

Городничий, Бобчинский, Добчинский и квартальный.

Городничий. Что, дрожки там стоят?

Квартальный. Стоят.

Городничий. Ступай на улицу... или нет, постой! Ступай принеси... Да другие-то где? неужели ты только один? Ведь я приказывал, чтобы и Прохоров был здесь. Где Прохоров?

Квартальный. Прохоров в частном доме, да только к делу не может быть употреблен.

Городничий. Как так?

Квартальный. Да так: привезли его поутру мертвецки. Вот уже два ушата воды вылили, до сих пор не протрезвился.

Городничий (хватаясь за голову). Ах, боже мой, боже мой! Ступай скорее на улицу, или нет - беги прежде в комнату, слышь! и принеси оттуда шпагу и новую шляпу. Ну, Петр Иванович, поедem!

Явление V

Городничий (бросая её). Коробка так коробка. Черт с ней! Да если спросят, отчего не выстроена церковь при богоугодном заведении, на которую год назад была ассигнована сумма, то не позабыть сказать, что начала строиться, но сгорела. Я об этом и рапорт представлял. А то, пожалуй, кто-нибудь, позабывшись, сдуру скажет, что она и не

начиналась. Да сказать Держиморде, чтобы не слишком давал воли кулакам своим; он, для порядка, всем ставит фонари под глазами - и правому, и виноватому. Едем, едем, Петр Иванович! (Уходит и возвращается.) Да не выпускать солдат на улицу безо всего: эта дрянная гарнизанаденет только сверх рубашки мундир, а внизу ничего нет.

Вопросы и задания:

1. В какое время происходят события, описанные Гоголем в комедии «Ревизор»?
2. Какое сообщение Городничего встревожило всех чиновников городка и привело в действие сюжет комедии?
3. Из каких источников Городничий узнаёт о приезде ревизора?
4. Как чиновники воспринимают новость о приезде ревизора?
5. Почему чиновники боятся приезда ревизора?
6. Какие распоряжения даёт Городничий попечителю богоугодных заведений?
7. О чём говорят слова Артёмия Филипповича: «Лекарств дорогих мы не употребляем. Человек простой: если умрёт, то и так умрёт; если выздоровеет, то и так выздоровеет».
8. Какое распоряжение даёт Городничий почтмейстеру и о чём это говорит?
9. Какое распоряжение даёт Городничий Амос Федоровичу (Судье)?
10. Что советует Городничий смотрителю училищ?
11. Какие слова в пьесе подтверждают ограниченность и узость мышления чиновников?

12. Почему Бобчинский и Добчинский приняли Хлестакова за ревизора? На основании каких признаков было решено что Хлестаков- ревизор?
13. Как характеризует судью следующее рассуждение «Я думаю, что здесь тонкая и больше политическая причина. Это значит вот что: Россия хочет вести войну, и министерия –то ... подослала чиновника, чтобы узнать, нет -ли где измены».
14. Как вы понимаете выражение из письма друга Городничего: «не любишь пропускать, что плывет в руки»?
15. Что означает выражение «мотать на ус». В каких случаях употребляют это выражение?

* ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ *

Маленькая комната в гостинице. Постель, стол, чемодан, пустая бутылка, сапоги, платяная щетка и прочее.

Явление I

Осип лежит на барской постели.

Черт побери, есть так хочется и в животе трескотня такая, как будто бы целый полк затрубил в трубы. Вот не доедем, да и только, домой! Что ты прикажешь делать? Второй месяц пошел, как уже из Питера! Профинтил дорогой денежки, голубчик, теперь сидит и хвост подвернул и не горячится. А стало бы, и очень бы стало на прогоны; нет, вишь ты, нужно в каждом городе показать себя! (Дразнит его.) "Эй, Осип, ступай посмотри комнату, лучшую, да обед спроси самый лучший: я не могу есть дурного обеда, мне нужен лучший обед". Добро бы было в са-

мом деле что-нибудь путное, а то ведь елистратишка простой! С проезжающим знакомится, а потом в картишки - вот тебе и доигрался! Эх, надоела такая жизнь! Право, на деревне лучше: оно хоть нет публичности, да и заботности меньше; возьмешь себе бабу, да и лежи весь век на полатах да ешь пироги. Ну, кто ж спорит: конечно, если пойдет на правду, так житье в Питере лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная: кеатры, собаки тебе танцуют, и все что хочешь. Разговаривает все на тонкой деликатности, что разве только дворянству уступит; пойдешь на Щукин - купцы тебе кричат: "Почтенный!"; на перевозе в лодке с чиновником сядешь; компании захотел - ступай в лавочку: там тебе кавалер расскажет про лагери и объявит, что всякая звезда значит на небе, так вот как на ладони все видишь. Старуха офицерша забредет; горничная иной раз заглянет такая... фу, фу, фу! (Усмехается и трясет головою.) Галантерейное, черт возьми, обхождение! Невежливое слова никогда не услышишь, всякой говорит тебе "вы". Наскучило идти - берешь себе извозчика и сидишь себе как барин, а не захочешь заплатить ему - изволь: у каждого дома есть сквозные ворота, и ты так шмыгнешь, что тебя никакой дьявол не сыщет. Одно плохо: иной раз славно наешься, а в другой чуть не лопнешь с голоду, как теперь, например. А все он виноват. Что с ним сделаешь? Батюшка пришлет денежки, чем бы их попридержать - и куды!.. пошел кутить: ездит на извозчике, каждый день ты доставай в кеатр билет, а там через неделю, глядь - и посылает на толкучий продавать новый фрак. Иной раз все до последней рубашки спустит, так что на нем всего останется сертучишка да шинелишка... Ей-богу, правда! И сукно такое важное, аглицкое! рублей полтора-раста ему один фрак станет, а на рынке спустит рублей за двадцать; а о брюках и говорить нечего - нипочем идут. А отчего? - оттого, что делом не занимается: вместо того чтобы в должность, а он идет гулять по прешпекту, в кар-

тишки играет. Эх, если б узнал это старый барин! Он не посмотрел бы на то, что ты чиновник, а, поднявши рубашонку, таких бы засыпал тебе, что б дня четыре ты почесывался. Коли служить, так служи. Вот теперь трактирщик сказал, что не дам вам есть, пока не заплатите за прежнее; ну, а коли не заплатим? (Со вздохом.) Ах, боже ты мой, хоть бы какие-нибудь щи! Кажись, так бы теперь весь свет съел. Стучится; верно, это он идет. (Поспешно схватывается с постели.)

Явление II

Осип и Хлестаков.

Хлестаков. На, прими это. (Отдает фуражку и тросточку.) А, опять валялся на кровати?

Осип. Да зачем же бы мне валяться? Не видал я разве кровати, что ли?

Хлестаков. Врешь, валялся; видишь, вся склочена.

Осип. Да на что мне она? Не знаю я разве, что такое кровать? У меня есть ноги; я и постою. Зачем мне ваша кровать?

Хлестаков (ходит по комнате). Посмотри, там в картузе табаку нет?

Осип. Да где ж ему быть, табаку? Вы четвертого дня последнее выкурили.

Хлестаков (ходит и разнообразно сжимает свои губы; наконец говорит громким и решительным голосом). Послушай... эй, Осип!

Осип. Чего изволите?

Хлестаков (громким, но не столь решительным голосом). Ты ступай туда.

Осип. Куда?

Хлестаков (голосом вовсе не решительным и не громким, очень близким к просьбе). Вниз, в буфет... Там скажи... чтобы мне дали пообедать.

Осип. Да нет, я и ходить не хочу.

Хлестаков. Как ты смеешь, дурак!

Осип. Да так; все равно, хоть и пойду, ничего из этого не будет. Хозяин сказал, что больше не даст обедать.

Хлестаков. Как он смеет не дать? Вот еще вздор!

Осип. "Еще, говорит, и к городничему пойду; третью неделю барин денег не платит. Вы-де с барином, говорит, мошенники, и барин твой - плут. Мы-де, говорят, таких шерамыжников и подлецов видали".

Хлестаков. А ты уж и рад, скотина, сейчас пересказывать мне все это.

Осип. Говорит: "Этак всякий придет, обживется, задолжается, после и выгнать нельзя. Я, говорит, шутить не буду, я прямо с жалобой, чтоб на съезжую да в тюрьму".

Хлестаков. Ну, ну, дурак, полно! Ступай, ступай скажи ему. Такое грубое животное!

Осип. Да лучше я самого хозяина позову к вам.

Хлестаков. На что ж хозяина? Ты поди сам скажи.

Осип. Да, право, сударь...

Хлестаков. Ну, ступай, черт с тобой! позови хозяина.

Осип уходит.

Явление IV

Хлестаков, Осип и трактирный слуга.

Слуга. Хозяин приказал спросить, что вам угодно?

Хлестаков. Здравствуй, братец! Ну, что ты, здоров?

Слуга. Слава богу.

Хлестаков. Ну, что, как у вас в гостинице? хорошо ли все идет?

Слуга. Да, слава богу, все хорошо.

Хлестаков. Много проезжающих?

Слуга. Да, достаточно.

Хлестаков. Послушай, любезный, там мне до сих пор обеда не приносят, так, пожалуйста, поторопи, чтоб поскорее, - видишь мне сейчас после обеда нужно кое-чем заняться.

Слуга. Да хозяин сказал, что не будет больше отпускать. Он, никак, хотел идти сегодня жаловаться городничему.

Хлестаков. Да что ж жаловаться? Посуди сам, любезный, как же? ведь мне нужно есть. Этак я могу совсем отощать. Мне очень есть хочется; я не шутя это говорю.

Слуга. Так-с. Он говорил: "Я ему обедать не дам, покамест он не заплатит мне за прежнее". Таков уж ответ его был.

Хлестаков. Да ты урезонь, уговори его.

Слуга. Да что ж ему такое говорить?

Хлестаков. Ты растолкуй ему сурьезно, что мне нужно есть. Деньги сами собою... Он, думает, что, как ему, мужику, ничего, если не поесть день, так и другим тоже. Вот новости!

Слуга. Пожалуй, я скажу.

Явление VI

Хлестаков, Осип, потом слуга.

Хлестаков. А что?

Осип. Несут обед.

Хлестаков (прихлопывает в ладоши и слегка подпрыгивает на стуле). Несут! несут! несут!

Слуга (с тарелками и салфеткой). Хозяин в последний раз уж дает.

Хлестаков. Ну, хозяин, хозяин... Я плевать на твоего хозяина! Что там такое?

Слуга. Суп и жаркое.

Хлестаков. Как, только два блюда?

Слуга. Только-с.

Явление VII

Хлестаков, потом Осип

Хлестаков. Право, как будто бы и не ел; только что разохотился. Если бы мелочь, послать бы на рынок и купить хоть бы сайку.

Осип (входит). Там зачем-то городничий приехал, осведомляется и спрашивает о вас.

Хлестаков (испугавшись). Вот тебе на! Экая бестия трактирщик, успел уже пожаловаться! Что, если он в самом деле потащит меня в тюрьму? Что ж если благородным образом, я, пожалуй... нет, нет, не хочу! Там в городе таскаются офицеры и народ, а я, как нарочно, задал тону и перемигнулся с одной купеческой дочкой... Нет, не хочу... Да что он, как он смеет в самом деле? Что я ему, разве купец или ремесленник? (Бодрится и выпрямливается.) Да я ему прямо скажу: "Как вы смеете, как вы..." (У дверей вертится ручка; Хлестаков бледнеет и съеживается.)

Явление VIII

Хлестаков, городничий и Добчинский. Городничий, вошед, останавливается.

Оба в испуге смотрят несколько минут один на другого, выпучив глаза.

Городничий (немного оправившись и протянув руки по швам). Желаю здравствовать!

Хлестаков (кланяется). Мое почтение...

Городничий. Извините.

Хлестаков. Ничего...

Городничий. Обязанность моя, как градоначальника здешнего города, заботиться о том, чтобы проезжающим и всем благородным людям никаких притеснений...

Хлестаков (сначала немного заикается, но к концу речи говорит громко). Да что ж делать? Я не виноват... Я, право, заплачу... Мне пришлют из деревни.

Бобчинский выглядывает из дверей.

Он больше виноват: говядину мне подает такую твердую, как бревно; а суп - он черт знает чего плеснул туда, я должен был выбросить его за окно. Он меня морит голодом по целым дням... Чай такой странный, воняет рыбой, а не чаем. За что ж я... Вот новость!

Городничий (робея). Извините, я, право, не виноват. На рынке у меня говядина всегда хорошая. Привозят холмогорские купцы, люди трезвые и поведения хорошего. Я уж не знаю, откуда он берет такую. А если что не так, то ... Позвольте мне предложить вам переехать со мною на другую квартиру.

Хлестаков. Нет, не хочу! Я знаю, что значит на другую квартиру: то есть в тюрьму. Да какое вы имеете право? Да как вы смеете?.. Да вот я... Я служу в Петербурге. (Бодрится.) Я, я, я...

Городничий (в сторону). О господи ты боже, какой сердитый! Все узнал, все рассказали проклятые купцы!

Хлестаков (храбрясь). Да вот вы хоть тут со всей своей командой - не пойду! Я прямо к министру! (Стучит кулаком по столу.) Что вы? Что вы?

Городничий (вытянувшись и дрожа всем телом). Поми-луйте, не погубите! Жена, дети маленькие... не сделайте несчастным человека.

Хлестаков. Нет, я не хочу! Вот еще? мне какое дело? Оттого, что у вас жена и дети, я должен идти в тюрьму, вот прекрасно!

Бобчинский выглядывает в дверь и в испуге прячется.

Нет, благодарю покорно, не хочу.

Городничий (дрожа). По неопытности, ей-богу по неопытности. Недостаточность состояния... Сами извольте посудить: казенного жалованья не хватает даже на чай и сахар. Если ж и были какие взятки, то самая малость: к столу что-нибудь да на пару платья. Что же до унтер-офицерской вдовы, занимающейся купечеством, которую я будто бы высек, то это клевета, ей-богу клевета. Это выдумали злодеи мои; это такой народ, что на жизнь мою готовы покуситься.

Хлестаков. Да что? мне нет никакого дела до них. (В размышлении.) Я не знаю, однако ж, зачем вы говорите о злодеях или о какой-то унтер-офицерской вдове... Унтер-офицерская жена совсем другое, а меня вы не смеете высечь, до этого вам далеко... Вот еще! смотри ты какой!.. Я заплачу, заплачу деньги, но у меня теперь нет. Я потому и сижу здесь, что у меня нет ни копейки.

Городничий (в сторону). О, тонкая штука! Эк куда метнул! какого туману напустил! разбери кто хочет! Не знаешь, с какой стороны и приняться. Ну да уж попробовать не куды пошло! Что будет, то будет, попробовать на авось. (Вслух.) Если вы точно имеете нужду в деньгах или в чем другом, то я готов служить свою минуту. Моя обязанность помогать проезжающим.

Хлестаков. Дайте, дайте мне займы! Я сейчас же расплачусь с трактирщиком. Мне бы только рублей двести или хоть даже и меньше.

Городничий (поднося бумажки). Ровно двести рублей, хоть и не трудитесь считать.

Хлестаков (принимая деньги). Покорнейше благодарю. Я вам тотчас пришлю их из деревни... у меня это вдруг... Я вижу, вы благородный человек. Теперь другое дело.

Городничий (в сторону). Ну, слава богу! деньги взял. Дело, кажется, пойдет теперь на лад. Я таки ему вместо двухсот четыреста ввернул.

Хлестаков. Эй, Осип!

Осип входит.

Позови сюда трактирного слугу! (К городничему и Добчинскому.) А что же вы стоите? Сделайте милость, садитесь. (Добчинскому.) Садитесь, прошу покорнейше.

Городничий. Ничего, мы и так постоим.

Хлестаков. Сделайте милость, садитесь. Я теперь вижу совершенно откровенность вашего нрава и радушие, а то, признаюсь, я уж думал, что вы пришли с тем, чтобы меня... (Добчинскому.) Садитесь.

Городничий и Добчинский садятся. Бобчинский выглядывает в дверь и прислушивается.

Городничий (в сторону). Нужно быть посмелее. Он хочет, чтобы считали его инкогнитом. Хорошо, подпустим и мы турусы; прикинемся, как будто совсем и не знаем, что он за человек. (Вслух.) Мы, прохаживаясь по делам должности, вот с Петром Ивановичем Добчинским, здешним помещиком, зашли нарочно в гостиницу, чтобы осведомиться, хорошо ли содержатся проезжающие, потому что я не так, как иной городничий, которому ни до чего дела нет; но я, кроме должности, еще и по христианскому человеколюбию хочу, чтобы всякому смертному оказывался хороший прием, - и вот, как будто в награду, случай доставил такое приятное знакомство.

Хлестаков. Я тоже сам очень рад. Без вас я, признаюсь, долго бы просидел здесь: совсем не знал, чем запла-

тить.

Городничий (в сторону). Да, рассказывай, не знал, чем заплатить? (Вслух.) Осмелюсь ли спросить: куда и в какие места ехать изволите?

Хлестаков. Я еду в Саратовскую губернию, в собственную деревню.

Городничий (в сторону, с лицом, принимающим ироническое выражение). В Саратовскую губернию! А? и не покраснеет! О, да с ним нужно ухо остро. (Вслух.) Благое дело изволили предпринять. Ведь вот относительно дороги: говорят, с одной стороны, неприятности насчет задержки лошадей, а ведь, с другой стороны, развлечение для ума. Ведь вы, чай, больше для собственного удовольствия едете?

Хлестаков. Нет, батюшка меня требует. Рассердился старик, что до сих пор ничего не выслужил в Петербурге. Он думает, что так вот приехал да сейчас тебе Владимира в петлицу и дадут. Нет, я бы послал его самого потолкаться в канцелярию.

Городничий (в сторону). Прошу посмотреть, какие пули отливает! и старика отца приплел! (Вслух.) И на долгое время изволите ехать?

Хлестаков. Право, не знаю. Ведь мой отец упрям и глуп, старый хрен, как бревно. Я ему прямо скажу: как хотите, я не могу жить без Петербурга. За что ж, в самом деле, я должен погубить жизнь с мужиками? Теперь не те потребности, душа моя жаждет просвещения.

Городничий (в сторону). Славно завязал узелок! Врет, врет - и нигде не оборвется! А ведь какой невзрачный, низенький, кажется, ногтем бы придавил его. Ну, да, постой, ты у меня проговоришься. Я тебя уж заставлю побольше рассказать! (Вслух.) Справедливо изволили заметить. Что можно сделать в глуши? Ведь вот хоть бы здесь: ночь не спишь, стараешься для отечества, не жалеешь ничего, а

награда неизвестно еще когда будет. (Окидывает глазами комнату.) Кажется, эта комната несколько сыра?

Хлестаков. Скверная комната, и клопы такие, каких я нигде не видывал: как собаки кусают.

Городничий. Скажите! такой просвещенный гость, и терпит - от кого же? - от каких-нибудь негодных клопов, которым бы и на свет не следовало родиться. Никак, даже темно в этой комнате?

Хлестаков. Да, совсем темно. Хозяин завел обыкновение не отпускать свечей. Иногда что-нибудь хочется сделать, почитать или придет фантазия сочинить что-нибудь, - не могу: темно, темно.

Городничий. Осмелюсь ли просить вас... но нет, я недостойн.

Хлестаков. А что?

Городничий. Нет, нет, недостойн, недостойн!

Хлестаков. Да что ж такое?

Городничий. Я бы дерзнул... У меня в доме есть прекрасная для вас комната, светлая, покойная... Но нет, чувствую сам, это уж слишком большая честь... Не рассердитесь - ей-богу, от простоты души предложил.

Хлестаков. Напротив, извольте, я с удовольствием. Мне гораздо приятнее в приватном доме, чем в этом кабаке.

Городничий. А уж я так буду рад! А уж как жена обрадуется! У меня уже такой нрав: гостеприимство с самого детства, особенно если гость просвещенный человек. Не подумайте, чтобы я говорил это из лести; нет, не имею этого порока, от полноты души выражаюсь.

Хлестаков. Покорно благодарю. Я сам тоже - я не люблю людей двуличных. Мне очень нравятся ваша откровенность и радушие, и я бы, признаюсь, больше бы ничего и не требовал, как только оказывай мне преданность и уваженье, уваженье и преданность.

Явление X
Городничий, Хлестаков, Добчинский.

Городничий. Не угодно ли будет вам осмотреть теперь некоторые заведения в нашем городе, как-то - богоугодные и другие?

Хлестаков. А что там такое?

Городничий. А так, посмотрите, какое у нас течение дел... порядок какой...

Хлестаков. С большим удовольствием, я готов.

Бобчинский выставляет голову в дверь.

Городничий. Также, если будет ваше желание, оттуда в уездное училище, осмотреть порядок, в каком преподаются у нас науки.

Хлестаков. Извольте, извольте.

Городничий. Потом, если пожелаете посетить острог и городские тюрьмы - рассмотрите, как у нас содержатся преступники.

Хлестаков. Да зачем же тюрьмы? Уж лучше мы посмотрим богоугодные заведения.

Городничий. Как вам угодно. Как вы намерены: в своем экипаже или вместе со мною на дрожках?

Хлестаков. Да, я лучше с вами на дрожках поеду.

Вопросы и задания:

1. Кто такой Иван Иванович Хлестаков? Что мы узнаём о нём из монолога Осипа? Почему Хлестаков оказался в городе N?
2. Почему Гоголь выводит на сцену сначала Осипа и лишь потом Хлестакова?

3. Почему хозяин буфета отказывается кормить Хлестакова и кого обвиняет Хлестаков в своём бедственном положении?
4. Как характеризуют Хлестакова его собственные монологи и поведение с Осипом?
5. Как происходит первая встреча Городничего и Хлестакова? (перечитайте авторские ремарки и реплики Городничего в сторону, чтобы ответить на вопросы: в чём подтекст поведения и высказываний Городничего и Хлестакова? Что они говорят и о чём думают на самом деле? Почему у Хлестакова нет реплик в сторону)?
6. Какие сцены на ваш взгляд кажутся особенно смешными во II действии?
7. Как Городничий понял слова Хлестакова, что у него нет денег?
8. Чем вызвано взаимное непонимание Городничего и Хлестакова?
9. Почему Хлестаков мог показаться опытному Городничему ревизором?
10. Что сбивает столку Городничего?

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Явление II

Те же и Добчинский.

Марья Антоновна. Здравствуйте, Петр Иванович!

Анна Андреевна. Ну что? Ну рассказывайте: что и как там?

Добчинский. Антон Антонович прислал вам записочку.

Анна Андреевна. Ну, да кто он такой? генерал?

Добчинский. Нет, не генерал, а не уступит генералу: такое образование и важные поступки-с.

Анна Андреевна. А! так это тот самый, о котором было писано мужу.

Добчинский. Настоящий. Я это первый открыл вместе с Петром Ивановичем.

Анна Андреевна. Ну, расскажите: что и как?

Добчинский. Да, слава богу, все благополучно. Сначала он принял было Антона Антоновича немного сурово, да-с; сердился и говорил, что и в гостинице все нехорошо, и к нему не поедет, и что он не хочет сидеть за него в тюрьме; но потом, как узнал невинность Антона Антоновича и как покороче разговорился с ним, тотчас переменил мысли, и, слава богу, все пошло хорошо. Они теперь поехали осматривать богоугодные заведения... А то, признаюсь, уже Антон Антонович думали, не было ли тайного доноса; я сам тоже перетрухнул немножко.

Анна Андреевна. Да вам-то чего бояться? ведь вы не служите.

Добчинский. Да так, знаете, когда вельможа говорит, чувствуешь страх.

Анна Андреевна. Ну, что ж... это все, однако, вздор. Расскажите, каков он собою? что, стар или молод?

Добчинский. Молодой, молодой человек; лет двадцати трех: а говорит совсем так, как старик: "Извольте, гово-

рит, я поеду и туда, и туда..." (размахивает руками) так это все славно. "Я, говорит, и написать, и почитать люблю, но, мешает, что в комнате, говорит, немножко темно."

Анна Андреевна. А собой каков он: брюнет или блондин?

Добчинский. Нет, больше шантрет, и глаза такие быстрые, как зверки, так в смущенье даже приводят.

Анна Андреевна. Что тут пишет он мне в записке? (Читает.) "Спешу тебя уведомить, душенька, что состояние мое было весьма печальное, но, уповая на милосердие божие, за два соленых огурца особенно и за полпорции икры рубль двадцать пять копеек..." (Останавливается.) Я ничего не понимаю, к чему же тут соленые огурцы и икра?

Добчинский. А, это Антон Антонович писали на черновой бумаге по скорости: так какой-то счет был написан.

Анна Андреевна. А, да, точно. (Продолжает читать.) "Но, уповая на милосердие божие, кажется, все будет к хорошему концу. Приготовь поскорее комнату для важного гостя, ту, что выклеена желтыми бумажками; к обеду прибавлять не трудись, потому что закусим в богоугодном заведении у Артемия Филипповича, а вино вели побольше; скажи купцу Абдулину, чтобы прислал самого лучшего, а не то я перерою весь его погреб. Целуя, душенька, твою ручку, остаюсь твой: Антон Сквозник-Дмухановский..." Ах, боже мой! Это, однако ж, нужно поскорей! Эй, кто там? Мишка!

Добчинский (бежит и кричит в дверь). Мишка! Мишка! Мишка!

Мишка входит.

Анна Андреевна. Послушай: беги к купцу Абдулину... постой, я дам тебе записочку (садится к столу, пишет записку и между тем говорит): эту записку ты отдай кучеру Сидору, чтоб он побежал с нею к купцу Абдулину и принес оттуда вина. А сам поди сейчас приberi хорошенько

эту комнату для гостя. Там поставить кровать, рукомойник и прочее.

Добчинский. Ну, Анна Андреевна, я побегу теперь поскорее посмотреть, как там он обзореваает.

Анна Андреевна. Ступайте, ступайте! я не держу вас.

Явление V

Квартальные отворяют обе половинки дверей. Входит Хлестаков: за ним городничий, далее попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, Добчинский и Бобчинский с пластырем на носу. Городничий указывает кварталным на полу бумажку - они бегут и снимают ее, толкая друг друга впопыхах.

Хлестаков. Хорошие заведения. Мне нравится, что у вас показывают проезжающим все в городе. В других городах мне ничего не показывали.

Городничий. В других городах, осмелюсь вам доложить, градоправители и чиновники больше заботятся о своей, то есть, пользе. А здесь, можно сказать, нет другого помышления, кроме того, чтобы благочинием и бдительностью заслужить внимание начальства.

Хлестаков. Завтрак был очень хорош; я совсем объелся. Что, у вас каждый день бывает такой?

Городничий. Нарочно для приятного гостя.

Хлестаков. Я люблю поесть. Ведь на то живешь, чтобы срывать цветы удовольствия. Как называлась эта рыба?

Артемиий Филиппович (подбегая). Лабардан-с.

Хлестаков. Очень вкусная. Где это мы завтракали? в больнице, что ли?

Артемиий Филиппович. Так точно-с, в богоугодном заведении.

Хлестаков. Помню, помню, там стояли кровати. А больные выздоровели? там их, кажется, немного.

Артемиий Филиппович. Человек десять осталось, не больше; а прочие все выздоровели. Это уж так устроено, такой порядок. С тех пор, как я принял начальство, - может быть, вам покажется даже невероятным, - все как мухи выздоравливают. Больной не успеет войти войти в лазарет, как уже здоров; и не столько медикаментами, сколько честностью и порядком.

Городничий. Уж на что, осмелюсь доложить вам, головоломна обязанность градоначальника! Столько лежит всяких дел, относительно одной чистоты, починки, поправки... словом, наиумнейший человек пришел бы в затруднение, но, благодарение богу, все идет благополучно. Иной городничий, конечно, радел бы о своих выгодах; но, верите ли, что, даже когда ложишься спать, все думаешь: "Господи боже ты мой, как бы так устроить, чтобы начальство увидело мою ревность и было довольным?.." Наградит ли оно или нет - конечно, в его воле; по крайней мере, я буду спокоен в сердце. Когда в городе во всем порядок, улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пьяниц мало... то чего ж мне больше? Ей-ей, и почестей никаких не хочу. Оно, конечно, заманчиво, но пред добродетелью все прах и суета.

Артемиий Филиппович (в сторону). Эка, бездельник, как расписывает! Дал же бог такой дар!

Хлестаков. Это правда. Я, признаюсь, сам люблю иногда заумствоваться: иной раз прозой, а в другой раз и стишки выкинутся.

Бобчинский (*Добчинскому*). Справедливо, все справедливо, Петр Иванович! Замечания такие... видно, что наукам учился.

Хлестаков. Скажите, пожалуйста, нет ли у вас каких-нибудь развлечений, обществ, где бы можно было, например, поиграть в карты?

Городничий (в сторону). Эге, знаем, голубчик, в чей огород камешки бросают! (Вслух.) Боже сохрани! здесь и слуху нет о таких обществах. Я карт и в руки никогда не брал; даже не знаю, как играть в эти карты. Смотреть никогда не мог на них равнодушно; и если случится увидеть этак какого-нибудь бубнового короля или что-нибудь другое, то такое омерзение нападет, что просто плюнешь. Раз как-то случилось, забавляя детей, выстроил будку из карт, да после того всю ночь снились, проклятые. Бог с ними! Как можно, чтобы такое драгоценное время убивать на них?

Лука Лукич (в сторону). А у меня, подлец, выпонтировал вчера сто рублей.

Городничий. Лучше ж я употреблю это время на пользу государственную.

Хлестаков. Ну, нет, вы напрасно, однако же... Все зависит от той стороны, с которой кто смотрит на вещь. Если, например, забастуешь тогда, как нужно гнуть от трех углов... ну, тогда конечно... Нет, не говорите, иногда очень заманчиво поиграть.

Явление VI

Те же, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничий. Осмелюсь представить семейство мое: жена и дочь.

Хлестаков (раскланиваясь). Как я счастлив, сударыня, что имею в своем роде удовольствие вас видеть.

Анна Андреевна. Нам еще более приятно видеть такую особу.

Хлестаков (рисуюсь). Помилуйте, сударыня, совершенно напротив: мне еще приятнее.

Анна Андреевна. Как можно-с! Вы это так изволите говорить, для комплимента. Прошу покорно садиться.

Хлестаков. Возле вас стоять уже есть счастье; впрочем, если вы так уже непременно хотите, я сяду. Как я счастлив, что наконец сию возле вас.

Анна Андреевна. Помилуйте, я никак не смею принять на свой счет... Я думаю, после столицы вояжировка вам показалась очень неприятною.

Хлестаков. Чрезвычайно неприятна. Привыкши жить, comparez vous, в свете, и вдруг очутиться в дороге: грязные трактиры, мрак невежества... Если б, признаюсь, не такой случай, который меня... (посматривает на Анну Андреевну и рисуется перед ней) так вознаградил за все...

Анна Андреевна. В самом деле, как вам должно быть неприятно.

Хлестаков. Впрочем, сударыня, в эту минуту мне очень приятно.

Анна Андреевна. Как можно-с! Вы делаете много чести. Я этого не заслуживаю.

Хлестаков. Отчего же не заслуживаете?

Анна Андреевна. Я живу в деревне...

Хлестаков. Да деревня, впрочем, тоже имеет свои пригорки, ручейки... Ну, конечно, кто же сравнит с Петербургом! Эх, Петербург! что за жизнь, право! Вы, может быть, думаете, что я только переписываю; нет, начальник отделения со мной на дружеской ноге. Этак ударит по плечу: "Приходи, братец, обедать!" Я только на две минуты захожу в департамент, с тем только, чтобы сказать: "Это вот так, это вот так!" А там уж чиновник для письма, такая крыса, пером только - тр, тр... пошел писать. Хотели было даже меня коллежским ассессором сделать, да, думаю, за чем. И сторож летит еще на лестнице за мною со щеткою: "Позвольте, Иван Александрович, я вам, говорит, сапоги почищу". (Городничему.) Что вы, господа, стоите? Пожалуйста, садитесь!

Городничий. Чин такой, что еще можно постоять.

Артеми́й Филиппович. Мы постоим.

Лука Лукич. Не извольте беспокоиться.

Хлестаков. Без чинов, прошу садиться.

Городничий и все садятся.

Хлестаков. Я не люблю церемонии. Напротив, я даже всегда стараюсь проскользнуть незаметно. Но никак нельзя скрыться, никак нельзя! Только выйду куда-нибудь, уж и говорят: "Вон, говорят, Иван Александрович идет!" А один раз меня даже приняли за главнокомандующего: солдаты выскочили из гауптвахты и сделали ружьем. После уже офицер, который мне очень знаком, говорит мне: "Ну, братец, мы тебя совершенно приняли за главнокомандующего".

Анна Андреевна. Скажите как!

Хлестаков. С хорошенькими актрисами знаком. Я ведь тоже разные водевильчики... Литераторов часто вижу. С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: "Ну что, брат Пушкин?" - "Да так, брат, - отвечает, бывало, - так как-то все..." Большой оригинал.

Анна Андреевна. Так вы и пишете? Как это должно быть приятно сочинителю! Вы, верно, и в журналы помещаете?

Хлестаков. Да, и в журналы помещаю. Моих, впрочем, много есть сочинений: "Женитьба Фигаро", "Роберт-Дьявол", "Норма". Уж и названий даже не помню. И все случаем: я не хотел писать, но театральная дирекция говорит: "Пожалуйста, братец, напиши что-нибудь". Думаю себе: "Пожалуй, изволь братец!" И тут же в один вечер, кажется, все написал, всех изумил. У меня легкость необыкновенная в мыслях. Все это, что было под именем барона Брамбеуса, "Фрегат Надежды" и "Московский телеграф"... все это я написал.

Анна Андреевна. Скажите, так это вы были Брамбеус?

Хлестаков. Как же, я им всем поправляю статьи. Мне Смирдин дает за это сорок тысяч.

Анна Андреевна. Так, верно, и "Юрий Милославский" ваше сочинение?

Хлестаков. Да, это мое сочинение.

Марья Антоновна. Ах, маменька, там написано, что это господина Загоскина сочинение.

Анна Андреевна. Ну вот: я и знала, что даже здесь будешь спорить.

Хлестаков. Ах да, это правда, это точно Загоскина; а вот есть другой "Юрий Милославский", так тот уж мой.

Анна Андреевна. Ну, это, верно, я ваш читала. Как хорошо написано!

Хлестаков. Я, признаюсь, литературой существую. У меня дом первый в Петербурге. Так уж и известен: дом Ивана Александровича. (Обращаясь ко всем.) Сделайте милость, господа, если будете в Петербурге, прошу, прошу ко мне. Я ведь тоже балы даю.

Анна Андреевна. Я думаю, с каким там вкусом и великолепием дают балы!

Хлестаков. Просто не говорите. На столе, например, арбуз - в семьсот рублей арбуз. Суп в кастрюльке прямо на пароходе приехал из Парижа; откроют крышку - пар, которому подобного нельзя отыскать в природе. Я всякий день на балах. Там у нас и вист свой составился: министр иностранных дел, французский посланник, английский, немецкий посланник и я. И уж так уморишься, играя, что просто ни на что не похоже. Как взбежишь по лестнице к себе на четвертый этаж - скажешь только кухарке: "На, Маврушка, шинель..." Что ж я вру - я и позабыл, что живу в бельэтаже. У меня одна лестница сто'ит... А любопытно взглянуть ко мне в переднюю, когда я еще не проснулся: графы и князья толкуются и жужжат там, как шмели, только и слышно: ж... ж... ж... Иной раз и министр...

Городничий и прочие с робостью встают со своих стульев.

Мне даже на пакетах пишут: "ваше превосходительство". Один раз я даже управлял департаментом. И странно: директор уехал, - куда уехал, неизвестно. Ну, натурально, пошли толки: как, что, кому занять место? Многие из генералов находились охотники и брались, но подойдут, бывало, - нет, мудрено. Кажется, и легко на вид, а рассмотришь - просто черт возьми! После видят, нечего делать, - ко мне. И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры, курьеры... можете представить себе, тридцать пять тысяч одних курьеров! Каково положение? - я спрашиваю. "Иван Александрович ступайте департаментом управлять!" Я, признаюсь, немного смутился, вышел в халате: хотел отказаться, но думаю: дойдет до государя, ну да и послужной список тоже... "Извольте, господа, я принимаю должность, я принимаю, говорю, так и быть, говорю, я принимаю, только уж у меня: ни, ни, ни!.. Уж у меня ухо остро! уж я..." И точно: бывало, как прохожу через департамент, - просто землетрясение, все дрожит и трясется как лист.

Городничий и прочие трясутся от страха. Хлестаков горячится еще сильнее.

О! я шутить не люблю. Я им всем задал острастку. Меня сам государственный совет боится. Да что в самом деле? Я такой! я не посмотрю ни на кого... я говорю всем: "Я сам себя знаю, сам." Я везде, везде. Во дворец всякий день езжу. Меня завтра же произведут сейчас в фельдмарш... (Поскальзывается и чуть-чуть не шлепается на пол, но с почтением поддерживается чиновниками.)

Городничий (подходя и трясясь всем телом, силится говорить). А ва-ва-ва... ва...

Хлестаков (быстрым, отрывистым голосом). Что такое?

Городничий. А ва-ва-ва... ва...

Хлестаков (таким же голосом). Не разберу ничего, все вздор.

Городничий. Ва-ва-ва... шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть?... вот и комната, и все что нужно.

Хлестаков. Вздор - отдохнуть. Извольте, я готов отдохнуть. Завтрак у вас, господа, хорош... Я доволен, я доволен. (С декламацией.) Лабардан! лабардан! (Входит в боковую комнату, за ним городничий.)

Явление VIII

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна. Ах, какой приятный!

Марья Антоновна. Ах, какой милашка!

Анна Андреевна. Но только какое тонкое обращение! сейчас можно увидеть столичную штучку. Приемы и все это такое... Ах, как хорошо! Я страх люблю таких молодых людей! я просто без памяти. Я, однако ж, ему очень понравилась: я заметила - все на меня поглядывал.

Марья Антоновна. Ах, маменька, он на меня глядел!

Анна Андреевна. Пожалуйста, со своим вздором подалее! Это здесь вовсе не уместно.

Марья Антоновна. Нет, маменька, право!

Анна Андреевна. Ну вот! Боже сохрани, чтобы не поспорить! нельзя, да и полно! Где ему смотреть на тебя? И с какой стати ему смотреть на тебя?

Марья Антоновна. Право, маменька, все смотрел. И как начал говорить о литературе, то взглянул на меня, и потом, когда рассказывал, как играл в вист с посланниками, и тогда посмотрел на меня.

Анна Андреевна. Ну, может быть, один какой-нибудь раз, да и то так уж, лишь бы только. "А, - говорит себе, - дай уж посмотрю на нее!"

Явление IX

Те же и городничий.

Городничий (входит на цыпочках). Чш... ш...

Анна Андреевна. Что?

Городничий. И не рад, что напоил. Ну что, если хоть одна половина из того, что он говорил, правда? (Задумывается.) Да как же и не быть правде? Подгулявши, человек все несет наружу: что на сердце, то и на языке. Конечно, прилгнул немного; да ведь не прилгнувши не говорится никакая речь. С министрами играет и во дворец ездит... Так вот, право, чем больше думаешь... черт его знает, не знаешь, что и делается в голове; просто как будто или стоишь на какой-нибудь колокольне, или тебя хотят повесить.

Анна Андреевна. А я никакой совершенно не ощутила робости; я видела в нем образованного, светского, высшего тона человека, а о чинах его мне и нужды нет.

Городничий. Ну, уж вы - женщины! Все кончено, одного этого слова достаточно! Вам все - финтирлюшки! Вдруг брякнут ни из того ни из другого словцо. Вас посекут, да и только, а мужа и поминай как звали. Ты, душа моя, обращалась с ним так свободно, будто с каким-нибудь Добчинским.

Анна Андреевна. Об этом уж я советую вам не беспокоиться. Мы кой-что знаем такое... (Посматривает на дочь.)

Городничий (один). Ну, уж с вами говорить!.. Эка в самом деле оказия! До сих пор не могу очнуться от страха. (Отворяет дверь и говорит в дверь.) Мишка, позови квартальных Свистунова и Держиморду: они тут недалеко где-нибудь за воротами. (После небольшого молчания.) Чудно все завелось теперь на свете: хоть бы народ-то уж был видный, а то худенький, тоненький - как его узнаешь, кто он? Еще военный все-таки кажется из себя, а как наденет

фрачишку - ну точно муха с подрезанными крыльями. А ведь долго крепился давеча к трактире, заламливал такие аллегории и екивоки, что, кажись, век бы не добился толку. А вот наконец и подался. Да еще наговорил больше, чем нужно. Видно, что человек молодой.

Явление X

Те же и Осип. Все бегут к нему навстречу, кивая пальцами.

Анна Андреевна. Подойди сюда, любезный!

Городничий. Чш!.. что? что? спит?

Осип. Нет еще, немножко потягивается.

Анна Андреевна. Послушай, как тебя зовут?

Осип. Осип, сударыня.

Городничий (жене и дочери). Полно, полно вам! (Осипу.) Ну что, друг, тебя накормили хорошо?

Осип. Накормили, покорнейше благодарю; хорошо накормили.

Анна Андреевна. Ну что, скажи: к твоему барину слишком, я думаю, много ездит графов и князей?

Осип (в сторону). А что говорить? Коли теперь накормили хорошо, значит, после еще лучше накормят. (Вслух.) Да, бывают и графы.

Марья Антоновна. Душенька Осип, какой твой барин хорошенький!

Анна Андреевна. А что, скажи, пожалуйста, Осип, как он...

Городничий. Да перестаньте, пожалуйста! Вы такими пустыми речами только мне мешаете! Ну что, друг?..

Анна Андреевна. А чин какой на твоём барине?

Осип. Чин обыкновенно какой.

Городничий. Ах, боже мой, вы все с своими глупыми расспросами! не дадите ни слова поговорить о деле. Ну что, друг, как твой барин?.. строг? любит этак распекать или нет?

Осип. Да, порядок любит. Уж ему чтоб все было в исправности.

Явление XI

Те же, Держиморда и Свистунов.

Городничий. Чш! экие косолапые медведи - стучат сапогами! Так и валится, как будто сорок пуд сбрасывает кто-нибудь с телеги! Где вас черт таскает?

Держиморда. Был по приказанию...

Городничий. Чш! (Закрывает ему рот.) Эк как каркнула ворона! (Дразнит его.) Был по приказанию! Как из бочки, так рычит. (К Осипу.) Ну, друг, ты ступай приготовляй там, что нужно для барина. Все, что ни есть в доме, требуй.

Осип уходит.

Городничий. А вы - стоять на крыльце, и ни с места! И никого не пускать в дом стороннего, особенно купцов! Если хоть одного из них впустите, то... Только увидите, что идет кто-нибудь с просьбою, а хоть и не с просьбою, да похож на такого человека, что хочет подать на меня просьбу, взашей так прямо и толкайте! так его! хорошенько! (Показывает ногою.) Слышите? Чш... чш... (Уходит на цыпочках вслед за квартальными.)

Вопросы и задание:

1. О чем расспрашивают Добчинского и Бобчинского Анна Андреевна и Марья Антоновна и как эти расспросы характеризуют женщин?
2. Почему Хлестаков оказывается в доме Городничего?

3. Что рассказывает Хлестакову Городничий о своём отношении к работе?
4. Что рассказывает Хлестаков о своей жизни в Петербурге и как это его характеризует?
5. Можно ли сказать, что Анна Андреевна и Марья Антоновна кокетничают с Хлестаковым?
6. Почему Городничий не разрешает впускать в дом купцов?

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Та же комната в доме городничего

Явление I

Входят осторожно, почти на цыпочках: Аммос Федорович, Артемий Филиппович, почтмейстер, Лука Лукич, Добчинский и Бобчинский, в полном параде и мундирах. Вся сцена происходит вполголоса.

Аммос Федорович (строит всех полукружием). Ради бога, господа, скорее в кружок, да побольше порядку! Бог с ним: и во дворец ездит, и государственный совет распекает! Стройтесь на военную ногу, непременно на военную ногу! Вы, Петр Иванович, забегите с этой стороны, а вы, Петр Иванович, станьте вот тут.

Оба Петра Ивановича забегают на цыпочках.

Артемий Филиппович. Воля ваша, Аммос Федорович, нам нужно бы кое-что предпринять.

Аммос Федорович. А что именно?

Артемий Филиппович. Ну, известно что.

Аммос Федорович. Подсунуть?

Артемий Филиппович. Ну да, хоть и подсунуть.

Аммос Федорович. Опасно, черт возьми! раскричится: государственный человек. А разве в виде приношения со стороны дворянства на какой-нибудь памятник?

Почтмейстер. Или же: "вот, мол, пришли по почте деньги, неизвестно кому принадлежащие".

Артемиий Филиппович. Смотрите, чтобы он вас по почте не отправил куды-нибудь подальше. Слушайте: эти дела так не делаются в благоустроенном государстве. Зачем нас здесь целый эскадрон? Представиться нужно поодиночке, да между четырех глаз и того... как там следует - чтобы и уши не слыхали. Вот как в обществе благоустроенном делается! Ну, вот вы, Аммос Федорович, первый и начните.

Аммос Федорович. Так лучше ж вы: в вашем заведении высокий посетитель вкусил хлеба.

Артемиий Филиппович. Так уж лучше Луке Лукичу, как просветителю юношества.

Лука Лукич. Не могу, не могу, господа. Я, признаюсь, так воспитан, что, заговори со мною одним чином кто-нибудь повыше, у меня просто и души нет и язык как в грязь завязнул. Нет, господа, увольте, право увольте!

Артемиий Филиппович. Да, Аммос Федорович, кроме вас, некому. У вас что ни слово, то Цицерон с языка слетел.

Аммос Федорович. Что вы! что вы: Цицерон! Смотрите, что выдумали! Что иной раз увлечешься, говоря о домашней своре или гончей ищейке...

Все (пристают к нему.) Нет, вы не только о собаках, вы и о столпотворении... Нет, Аммос Федорович, не оставляйте нас, будьте отцом нашим!.. Нет, Аммос Федорович!

Аммос Федорович. Отвяжитесь, господа!

Явление II

Хлестаков один, выходит с заспанными глазами.

Я, кажется, всхрапнул порядком. Откуда они набрали таких тюфяков и перин? даже вспотел. Кажется, они вчера

мне подсунули чего-то за завтраком: в голове до сих пор стучит. Здесь, как я вижу, можно с приятностью проводить время. Я люблю радушие, и мне, признаюсь, больше нравится, если мне угождают от чистого сердца, а не то чтобы из интереса. А дочка городничего очень недурна, да и матушка такая, что еще можно бы... Нет, я не знаю, а мне, право, нравится, такая жизнь.

Явление III

Хлестаков и Аммос Федорович.

Аммос Федорович (входя и останавливаясь, про себя.) Боже, боже! вынеси благополучно; так вот коленки и ломает. (Вслух, вытянувшись и придерживая рукой шпагу.) Имею честь представиться: судья здешнего уездного суда, коллежский асессор Ляпкин-Тяпкин.

Хлестаков. Прошу садиться. Так вы здесь судья?

Аммос Федорович. С восьмьсот шестнадцатого был избран на трехлетие по воле дворянства и продолжал должность до сего времени.

Хлестаков. А выгодно, однако же, быть судьей?

Аммос Федорович. За три трехлетия представлен к Владимиру четвертой степени с одобрения со стороны начальства. (В сторону.) А деньги в кулаке, да кулак-то весь в огне.

Хлестаков. А мне нравится Владимир. Вот Анна третьей степени уже не так.

Аммос Федорович (высовывая понемногу вперед сжатый кулак. В сторону.) Господи боже! не знаю, где сижу. Точно горячие угли под тобою.

Хлестаков. Что это у вас в руке?

Аммос Федорович (потерявшись и роняя на пол ассигнации.) Ничего-с.

Хлестаков. Как ничего? Я вижу, деньги упали.

Аммос Федорович (дрожа всем телом.) Никак нет-с. (В сторону.) О боже, вот я уже и под судом! и тележку подвезли схватить меня!

Хлестаков (подымая.) Да, это деньги.

Аммос Федорович (в сторону.) Ну, все кончено - пропал! пропал!

Хлестаков. Знаете ли что? дайте их мне взаймы.

Аммос Федорович (поспешно.) Как же-с, как же-с... с большим удовольствием. (В сторону.) Ну, смелее, смелее! Вывози, пресвятая мать!

Хлестаков. Я, знаете, в дороге издержался: то да се... Впрочем, я вам из деревни сейчас их пришлю.

Аммос Федорович. Помилуйте, как можно! и без этого такая честь... Конечно, слабыми моими силами, рвением и усердием к начальству... постараюсь заслужить... (Приподымается со стула, вытянувшись и руки по швам.) Не смею более беспокоить своим присутствием. Не будет ли какого приказанья?

Хлестаков. Какого приказанья?

Аммос Федорович. Я разумею, не дадите ли какого приказанья здешнему уездному суду?

Хлестаков. Зачем же? Ведь мне никакой нет теперь в нем надобности.

Аммос Федорович (раскланиваясь и уходя, в сторону.) Ну, город наш!

Хлестаков (по уходе его.) Судья - хороший человек.

Явление IV

Хлестаков и почтмейстер, входит вытянувшись, в мундире, придерживая шпагу.

Почтмейстер. Имею честь представиться: почтмейстер, надворный советник Шпекин.

Хлестаков. А, милости просим. Я очень люблю приятное общество. Садитесь. Вы ведь здесь всегда живете?

Почтмейстер. Так точно-с.

Хлестаков. А мне нравится здешний городок. Конечно, не так многолюдно - ну что ж? Ведь это не столица. Не правда ли, ведь это не столица?

Почтмейстер. Совершенная правда.

Хлестаков. Ведь это только в столице бонтон и нет провинциальных гусей. Как ваше мнение, не так ли?

Почтмейстер. Так точно-с. (В сторону.) А он, однако ж, ничуть не горд; обо всем расспрашивает.

Хлестаков. А ведь, однако ж, признайтесь, ведь и в маленьком городке можно прожить счастливо?

Почтмейстер. Так точно-с.

Хлестаков. По моему мнению, что нужно? Нужно только, чтобы тебя уважали, любили искренне, - не так ли?

Почтмейстер. Совершенно справедливо.

Хлестаков. Я, признаюсь, рад, что вы одного мнения со мною. Меня, конечно, назовут странным, но уж у меня такой характер. (Глядя в глаза ему, говорит про себя.) А попрошу-ка я у этого почтмейстера займы! (Вслух.) Какой странный со мною случай: в дороге совершенно поиздержался. Не можете ли вы мне дать триста рублей займы?

Почтмейстер. Почему же? почту за величайшее счастье. Вот-с, извольте. От души готов служить.

Хлестаков. Очень благодарен. А я, признаться, смерть не люблю отказывать себе в дороге, да и к чему? Не так ли?

Почтмейстер. Так точно-с. (Встает, вытягивается и придерживает шпагу.) Не смея долее беспокоить своим присутствием... Не будет ли какого замечания по части почтового управления?

Хлестаков. Нет, ничего.

Почтмейстер раскланивается и уходит.

(Раскуривая сигарку.) Почтмейстер, мне кажется, тоже очень хороший человек. По крайней мере, услужлив. Я люблю таких людей.

Явление V

Хлестаков и Лука Лукич, который почти выталкивается из дверей.

Сзади его слышен голос почти вслух: "Чего робеешь?"

Лука Лукич (вытягиваясь не без трепета.) Имею честь представиться: смотритель училищ, титулярный советник Хлопов.

Хлестаков. А, милости просим! Садитесь, садитесь. Не хотите ли сигарку? (Подает ему сигару.)

Лука Лукич (про себя, в нерешимости.) Вот тебе раз! Уж этого никак не предполагал. Брать или не брать?

Хлестаков. Возьмите, возьмите; это порядочная сигарка. Конечно, не то, что в Петербурге. Там, батюшка, я куривал сигарочки по двадцати пяти рублей сотенка, просто ручки потом себе поцелуешь, как выкуришь. Вот огонь, закурите. (Подает ему свечу.)

Лука Лукич пробует закурить и весь дрожит.

Да не с того конца!

Лука Лукич (от испуга выронил сигару, плюнул и, махнув рукою, про себя.) Черт поberi все! сгубила проклятая робость!

Хлестаков. Вы, как я вижу, не охотник до сигарок. А я признаюсь: это моя слабость. Вот еще насчет женского полу, никак не могу быть равнодушен. Как вы? Какие вам больше нравятся - брюнетки или блондинки?

Лука Лукич находится в совершенном недоумении, что сказать.

Нет, скажите откровенно: брюнетки или блондинки?

Лука Лукич. Не смею знать.

Хлестаков. Нет, нет, не отговаривайтесь! Мне хочется узнать непременно ваш вкус.

Лука Лукич. Осмелюсь доложить... (В сторону.) Ну, и сам не знаю, что говорю.

Хлестаков. А! а! не хотите сказать. Верно, уж какая-нибудь брюнетка сделала вам маленькую загвоздочку. Признайтесь, сделала?

Лука Лукич молчит.

А! а! покраснели! Видите! видите! Отчего ж вы не говорите?

Лука Лукич. Оробел, ваше бла... преос... сият... (В сторону.) Продам проклятый язык, продал!

Хлестаков. Оробели? А в моих глазах точно есть что-то такое, что внушает робость. По крайней мере, я знаю, что ни одна женщина не может их выдержать, не так ли?

Лука Лукич. Так точно-с.

Хлестаков. Вот со мной престранный случай: в дороге совсем издержался. Не можете ли вы мне дать триста рублей займа?

Лука Лукич (хватаясь за карманы, про себя). Вот те штука, если нет! Есть, есть! (Вынимает и, подает, дрожа, ассигнации.)

Хлестаков. Покорнейше благодарю.

Лука Лукич (вытягиваясь и придерживая шпагу.) Не смею долее беспокоить присутствием.

Хлестаков. Прощайте.

Лука Лукич (летит вон почти бегом и говорит в сторону.) Ну, слава богу! авось не заглянет в классы!

Явление VI

Хлестаков и Артемий Филиппович, вытянувшись и придерживая шпагу.

Артемий Филиппович. Имею честь представиться: попечитель богоугодных заведений, надворный советник Земляника.

Хлестаков. Здравствуйте, прошу покорно садиться.

Артемий Филиппович. Имел честь сопровождать вас и принимать лично во вверенных моему смотрению богоугодных заведениях.

Хлестаков. А, да! помню. Вы очень хорошо угостили завтраком.

Артемий Филиппович. Рад стараться на службу отечеству.

Хлестаков. Я - признаюсь, это моя слабость, - люблю хорошую кухню. Скажите, пожалуйста, мне кажется, как будто бы вчера вы были немножко ниже ростом, не правда ли?

Артемий Филиппович. Очень может быть. (Помолчав.) Могу сказать, что не жалею ничего и ревностно исполняю службу. (Придвигается ближе с своим стулом и говорит вполголоса.) Вот здешний почтмейстер совершенно ничего не делает: все дела в большом запущении, посылки задерживаются... извольте сами нарочно разыскать. Судья тоже, который только что был перед моим приходом, ездит только за зайцами, в присутственных местах держит собак и поведения, если признаться пред вами, - конечно, для пользы отечества я должен это сделать, хотя он мне родня и приятель, - поведения самого предосудительного. Здесь есть один помещик, Добчинский, которого вы изволили видеть; и как только этот Добчинский куда-нибудь выйдет из дому, то он там уж и сидит у жены его, я присягнуть готов... И нарочно посмотрите на детей: ни одно

из них не похоже на Добчинского, но все, даже девочка маленькая, как вылитый судья.

Хлестаков. Скажите пожалуйста! а я никак этого не думал.

Артемиий Филиппович. Вот и смотритель здешнего училища... Я не знаю, как могло начальство поверить ему такую должность: он хуже, чем якобинец, и такие внушает юношеству неблагонамеренные правила, что даже выразить трудно. Не прикажете ли, я все это изложу лучше на бумаге?

Хлестаков. Хорошо, хоть на бумаге. Мне очень будет приятно. Я, знаете, этак люблю в скучное время прочесть что-нибудь забавное... Как ваша фамилия? я все позабываю.

Артемиий Филиппович. Земляника.

Хлестаков. А, да! Земляника. И что ж, скажите, пожалуйста, есть ли у вас детки?

Артемиий Филиппович. Как же-с, пятеро; двое уже взрослых.

Хлестаков. Скажите, взрослых! А как они... как они того?..

Артемиий Филиппович. То есть не изволите ли вы спрашивать, как их зовут?

Хлестаков. Да, как их зовут?

Артемиий Филиппович. Николай, Иван, Елизавета, Марья и Перепетуя.

Хлестаков. Это хорошо.

Артемиий Филиппович. Не смея беспокоить своим присутствием, отнимать время, определенного на священные обязанности... (Раскланивается с тем, чтобы уйти.)

Хлестаков (проводжая.) Нет, ничего. Это все очень смешно, что вы говорили. Пожалуйста, и в другое тоже время... Я это очень люблю. (Возвращается и, отворивши дверь, кричит вслед ему.) Эй, вы! как вас? я все позабываю, как ваше имя и отчество.

Артемий Филиппович. Артемий Филиппович.

Хлестаков. Сделайте милость, Артемий Филиппович, со мной странный случай: в дороге совершенно поиздержался. Нет ли у вас займы денег - рублей четыреста?

Артемий Филиппович. Есть.

Хлестаков. Скажите, как кстати. Покорнейше вас благодарю.

Явление VII

Хлестаков, Бобчинский и Добчинский.

Бобчинский. Имею честь представиться: житель здешнего города, Петр Иванов сын Бобчинский.

Добчинский. Помещик Петр Иванов сын Добчинский.

Хлестаков. А, да я уж вас видел. Вы, кажется, тогда упали? Что, как ваш нос?

Бобчинский. Слава богу! не извольте беспокоиться: присох, теперь совсем присох.

Хлестаков. Хорошо, что присох. Я рад... (Вдруг и отрывисто.) Денег нет у вас?

Бобчинский. Денег? как денег?

Хлестаков (громко и скоро). Займы рублей тысячу.

Бобчинский. Такой суммы, ей-богу, нет. А нет ли у вас, Петр Иванович?

Добчинский. При мне-с не имеется, потому что деньги мои, если изволите знать, положены в приказ общественного призрения.

Хлестаков. Да, ну если тысячи нет, так рублей сто.

Бобчинский (шаря в карманах). У вас, Петр Иванович, нет ста рублей? У меня всего сорок ассигнациями.

Добчинский. (смотря в бумажник.) Двадцать пять рублей всего.

Бобчинский. Да вы поищите-то получше, Петр Иванович! У вас там, я знаю, в кармане-то с правой стороны прореха, так в прореху-то, верно, как-нибудь запали.

Добчинский. Нет, право, и в прорехе нет.

Хлестаков. Ну, все равно. Я ведь только так. Хорошо, пусть будет шестьдесят пять рублей. Это все равно. (Принимает деньги.)

Добчинский. Я осмеливаюсь попросить вас относительно одного очень тонкого обстоятельства.

Хлестаков. А что это?

Добчинский. Дело очень тонкого свойства-с: старший-то сын мой, изволите видеть, рожден мною еще до брака.

Хлестаков. Да?

Добчинский. То есть оно только так говорится, а он рожден мною так совершенно, как бы и в браке, и все это, как следует, я завершил потом законными-с узами супружества-с. Так я, изволите видеть, хочу, чтоб он теперь уже был совсем, то есть, законным моим сыном-с и назывался бы так, как я: Добчинский-с.

Хлестаков. Хорошо, пусть называется! Это можно.

Добчинский. Я бы и не беспокоил вас, да жаль насчет способностей. Мальчишка-то этакой... большие надежды подает: наизусть стихи расскажет и, если где попадется ножик, сейчас сделает маленькие дрожечки так искусно, как фокусник-с. Вот и Петр Иванович знает.

Бобчинский. Да, большие способности имеет.

Хлестаков. Хорошо, хорошо! Я об этом постараюсь, я буду говорить... я надеюсь... все это будет сделано, да, да... (Обращаясь к Бобчинскому.) Не имеете ли и вы чего-нибудь сказать мне?

Бобчинский. Как же, имею очень нижайшую просьбу.

Хлестаков. А что, о чем?

Бобчинский. Я прошу вас покорнейше, как поедете в Петербург, скажите всем там вельможам разным: сенаторам и адмиралам, что вот, ваше сиятельство, живет в та-

ком-то городе Петр Иванович Бобчинский. Так и скажите: живет Петр Иванович Бобчинский.

Хлестаков. Очень хорошо.

Бобчинский. Да если этак и государю придется, то скажите и государю, что вот, мол, ваше императорское величество, в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский.

Хлестаков. Очень хорошо.

Добчинский. Извините, что так утрудили вас своим присутствием.

Бобчинский. Извините, что так утрудили вас своим присутствием.

Хлестаков. Ничего, ничего! Мне очень приятно. (Выпраживает их.)

Явление VIII *Хлестаков один.*

Здесь много чиновников. Мне кажется, однако ж, что они меня принимаю за государственного человека. Верно, я вчера им подпустил пыли. Экое дурачье! Напишу-ку я обо всем в Петербург к Тряпичкину: он пописывает статейки - пусть-ка он их обшелкает хорошенько. Эй, Осип, подай мне бумагу и чернила!

Осип выглянул из дверей, произнеши: "Сейчас".

А уж Тряпичкину, точно, если кто попадет на зубок, - берегись: отца родного не пощадит для словца, и деньгу тоже любит. Впрочем, чиновники эти добрые люди; это с их стороны хорошая черта, что они мне дали займы. Пересмотрю нарочно, сколько у меня денег. Это от судьи триста; это от почтмейстера триста, шестьсот, семьсот, восемьсот... Какая замасленная бумажка! Восемьсот, девятьсот... Ого! За тысячу перевалило... Ну-ка, теперь, капитан, ну-ка, попадись-ка ты мне теперь! Посмотрим, кто кого!

Явление IX
Хлестаков и Осип с чернилами и бумагою.

Хлестаков. Ну что, видишь, дурак, как меня угощают и принимают? (Начинает писать.)

Осип. Да, слава богу! Только знаете что, Иван Александрович?

Хлестаков (пишет). А что?

Осип. Уезжайте отсюда. Ей-богу, уже пора.

Хлестаков (пишет). Вот вздор! Зачем?

Осип. Да так. Бог с ними со всеми! Погуляли здесь два денька - ну и довольно. Что с ними долго связываться? Плюньте на них! не ровен час, какой-нибудь другой наедет... ей-богу, Иван Александрович! А лошади тут славные - так бы закатали!..

Хлестаков (пишет). Нет, мне еще хочется пожить здесь. Пусть завтра.

Осип. Да что завтра! Ей-богу, поедem, Иван Александрович! Оно хоть и большая честь вам, да все, знаете, лучше уехать скорее: ведь вас, право, за кого-то другого приняли... И батюшка будет гневаться, что так замешкались. Так бы, право, закатали славно! А лошадей бы важных здесь дали.

Хлестаков (пишет). Ну, хорошо. Отнеси только наперед это письмо; пожалуй, вместе и подорожную возьми. Да зато, смотри, чтоб лошади хорошие были! Ямщикам скажи, что я буду давать по целковому; чтобы так, как фельдъегеря, катили и песни бы пели!.. (Продолжает писать.) Воображаю, Тряпичкин умрет со смеху...

Осип. Я, сударь, отправлю его с человеком здешним, а сам лучше буду укладываться, чтоб не прошло понапрасну время.

Хлестаков (пишет). Хорошо. Принеси только свечу.

Осип (выходит и говорит за сценой.) Эй, послушай, брат! Отнесешь письмо на почту, и скажи почтмейстеру,

чтоб он принял без денег; да скажи, чтоб сейчас привели к барину самую лучшую тройку, курьерскую; а прогону, скажи, барин не плотит: прогон, мол, скажи, казенный. Да чтоб все живее, а не то, мол, барин сердится. Стой, еще письмо не готово.

Хлестаков (продолжает писать). Любопытно знать, где он теперь живет - в Почтамтской или Гороховой? Он ведь тоже любит часто переезжать с квартиры на квартиру и недоплачивать. Напишу наудалую в Почтамтскую. (Свертывает и надписывает.)

Осип приносит свечу. *Хлестаков* печатает. В это время слышен голос *Держиморды*: "Куда лезешь, борода? Говорят тебе, никого не велено пускать".

(Дает *Осипу* письмо.) На, отнеси.

Голос купцов. Допустите, батюшка! Вы не можете не допустить: мы за делом пришли.

Голос Держиморды. Пошел, пошел! Не принимает, спит.

Шум увеличивается.

Что там такое, *Осип*? Посмотри, что за шум.

Осип (глядя в окно.) Купцы какие-то хотят войти, да не допускает квартальный. Машут бумагами: верно, вас хотят видеть.

Хлестаков (подходя к окну.) А что вы, любезные?

Голоса купцов. К твоей милости, прибегаем. Прикажи, государь, просьбу принять.

Хлестаков. Впустите их, впустите! пусть идут. *Осип*, скажи им: пусть идут.

Осип уходит.

(Принимает из окна просьбы, разворачивает одну из них и читает:) "Его высокоблагородному светлости господину финансову от купца *Абдулина...*" *Черт знает что: и чина такого нет!*

Явление X

Хлестаков и купцы с кузовом вина и сахарными головами.

Хлестаков. А что вы, любезные?

Купцы. Челом бьем вашей милости!

Хлестаков. А что вам угодно?

Купцы. Не погуби, государь! Обижательство терпим совсем понапрасну.

Хлестаков. От кого?

Один из купцов. Да все от городничего здешнего. Такого городничего никогда еще, государь, не было. Такие обиды чинит, что описать нельзя. Постоем совсем заморил, хоть в петлю полезай. Не по поступкам поступает. Схватит за бороду, говорит: "Ах ты, татарин!" Ей-богу! Если бы, то есть, чем-нибудь не уважили его, а то мы уж порядок всегда исполняем: что следует на платья супружнице его и дочке - мы против этого не стоим. Нет, вишь ты, ему всего этого мало - ей-ей! Придет в лавку и, что ни попадет, все берет. Сукна увидит штуку, говорит: "Э, милый, это хорошее суконце: снеси-ка его ко мне". Ну и несешь, а в штуке-то будет без мала аршин пятьдесят.

Хлестаков. Неужели? Ах, какой же он мошенник!

Купцы. Ей-богу! такого никто не запомнит городничего. Так все и припрятываешь в лавке, когда его завидишь. То есть, не то уж говоря, чтоб какую деликатность, всякую дрянь берет: чернослив такой, что лет уже по семи лежит в бочке, что у меня сиделец не будет есть, а он целую горсть туда запустит. Именины его бывают на Анто-на, и уж, кажись, всего нанесешь, ни в чем не нуждается; нет, ему еще подавай: говорит, и на Онуфрия его именины.

Хлестаков. Да это просто разбойник!

Купцы. Ей-ей! А попробуй прекословить, наведет к тебе в дом целый полк на постой. А если что, велит запереть двери. "Я тебя, говорит, не буду, говорит, подвергать телесному наказанию или пыткой пытать - это, говорит, запрещено законом, а вот ты у меня, любезный, поешь седки!"

Хлестаков. Ах, какой мошенник! Да за это просто в Сибирь.

Купцы. Да уж куда милость твоя не запровадит его, все будет хорошо, лишь бы, то есть, от нас подальше. Не побрезгай, отец наш, хлебом и солью: кланяемся тебе сахарком и кузовком вина.

Хлестаков. Нет, вы этого не думайте: я не беру совсем никаких взяток. Вот если бы вы, например, предложили мне займы рублей триста - ну, тогда совсем дело другое: займы я могу взять.

Купцы. Изволь, отец наш! (Вынимают деньги.) Да что триста! Уж лучше пятьсот возьми, помоги только.

Хлестаков. Извольте: займы - я ни слова, я возьму.

Купцы (подносят ему на серебряном подносе деньги.) Уж, пожалуйста, и подносит вместе возьмите.

Хлестаков. Ну, и подносик можно.

Купцы (кланаясь). Так уж возьмите за одним разом и сахарцу.

Хлестаков. О нет, я взяток никаких...

Осип. Ваше высокоблагородие! зачем вы не берете? Возьмите! в дороге все пригодится. Давай сюда головы и кулек! Подавай все! все пойдет впрок. Что там? веревочка? Давай и веревочку, - и веревочка в дороге пригодится: тележка обломается или что другое, подвязать можно.

Купцы. Так уж сделайте такую милость, ваше сиятельство. Если уже вы, то есть, не поможете в нашей просьбе, то уж не знаем, как и быть: просто хоть в петлю полезай.

Хлестаков. Непременно, непременно! Я постараюсь.

Купцы уходят. Слышен голос женщины: "Нет, ты не смеешь не допустить меня! Я на тебя нажалуюсь ему самому. Ты не толкайся так больно!"

Кто там? (Подходит к окну.) А, что ты, матушка?

Голоса двух женщин. Милости твоей, отец, прошу! Повели, государь, выслушать!

Хлестаков (в окно). Пропустить ее.

Явление XII

Хлестаков и Марья Антоновна.

Марья Антоновна. Ах!

Хлестаков. Отчего вы так испугались, сударыня?

Марья Антоновна. Нет, я не испугалась.

Хлестаков (рисуется.) Помилуйте, сударыня, мне очень приятно, что вы меня приняли за такого человека, который... Осмелюсь ли спросить вас: куда вы намерены были идти?

Марья Антоновна. Право, я никуда не шла.

Хлестаков. Отчего же, например, вы никуда не шли?

Марья Антоновна. Я думала, не здесь ли маменька...

Хлестаков. Нет, мне хотелось бы знать, отчего вы никуда не шли?

Марья Антоновна. Я вам помешала. Вы занимались важными делами.

Хлестаков (рисуется.) А ваши глаза лучше, нежели важные дела... Вы никак не можете мне помешать, никаким образом не можете; напротив того, вы можете принести удовольствие.

Марья Антоновна. Вы говорите по-столичному.

Хлестаков. Для такой прекрасной особы, как вы. Осмелюсь ли быть так счастлив, чтобы предложить вам стул? но нет, вам должно не стул, а трон.

Марья Антоновна. Право, я не знаю... мне так нужно было идти. (Села.)

Хлестаков. Какой у вас прекрасный платочек!

Марья Антоновна. Вы насмешники, лишь бы только посмеяться над провинциальными.

Хлестаков. Как бы я желал, сударыня, быть вашим платочком, чтобы обнимать вашу лилейную шейку.

Марья Антоновна. Я совсем не понимаю, о чем вы говорите: какой-то платочек... Сегодня какая странная погода!

Хлестаков. А ваши губки, сударыня, лучше, нежели всякая погода.

Марья Антоновна. Вы все эдакое говорите... Я бы вас попросила, чтоб вы мне написали лучше на память какие-нибудь стишки в альбом. Вы, верно, их знаете много.

Хлестаков. Для вас, сударыня, все что хотите. Требуйте, какие стихи вам?

Марья Антоновна. Какие-нибудь эдакие - хорошие, новые.

Хлестаков. Да что стихи! я много их знаю.

Марья Антоновна. Ну, скажите же, какие же вы мне напишете?

Хлестаков. Да к чему же говорить? я и без того их знаю.

Марья Антоновна. Я очень люблю их...

Хлестаков. Да у меня много их всяких. Ну, пожалуй, я вам хоть это: "О ты, что в горести напрасно на бога ропщешь, человек!..." Ну и другие... теперь не могу припомнить; впрочем, это все ничего. Я вам лучше вместо этого представлю мою любовь, которая от вашего взгляда... (Придвигая стул.)

Марья Антоновна. Любовь! Я не понимаю любовь... я никогда и не знала, что за любовь... (Отодвигая стул.)

Хлестаков (придвигая стул). Отчего ж вы отдвигаете свой стул? Нам лучше будет сидеть близко друг к другу.

Марья Антоновна (отдвигаясь). Для чего ж близко? все равно и далеко.

Хлестаков (придвигаясь). Отчего ж далеко? все равно и близко

Марья Антоновна (отдвигается). Да к чему ж это?

Хлестаков (придвигаясь). Да ведь вам только кажется, что близко; а вы вообразите себе, что далеко. Как бы я был счастлив, сударыня, если б мог прижать вас в свои объятия.

Марья Антоновна (смотрит в окно). Что это там как будто бы полетело? Сорока или какая другая птица?

Хлестаков (целует ее в плечо и смотрит в окно.) Это сорока.

Марья Антоновна (встает в негодовании.) Нет, это уж слишком... Наглость такая!..

Хлестаков (удерживая ее). Простите, сударыня, я это сделал от любви, точно от любви.

Марья Антоновна. Вы почитаете меня за такую провинциалку... (Силится уйти.)

Хлестаков (продолжая удерживать ее.) Из любви, право, из любви. Я так только, пошутил, Марья Антоновна, не сердитесь! Я готов на коленках просить у вас прощения. (Падает на колени.) Простите же, простите! Вы видите, я на коленях.

Явление XIII

Те же и Анна Андреевна.

Анна Андреевна (увидев Хлестакова на коленях). Ах, какой пассаж!

Хлестаков (вставая) А, черт возьми!

Анна Андреевна (дочери). Это что значит, сударыня! Это что за поступки такие?

Марья Антоновна. Я, маменька...

Анна Андреевна. Поди прочь отсюда! слышишь: прочь, прочь! И не смей показываться на глаза.

Марья Антоновна уходит в слезах.

Анна Андреевна. Извините, я, признаюсь, приведена в такое изумление...

Хлестаков (в сторону). А она тоже очень аппетитна, очень недурна. (Бросается на колени.) Сударыня, вы видите, я сгораю от любви.

Анна Андреевна. Как, вы на коленях? Ах, встаньте, встаньте! здесь пол совсем нечист.

Хлестаков Нет, на коленях, непременно на коленях! Я хочу знать, что такое мне суждено: жизнь или смерть.

Анна Андреевна. Но позвольте, я еще не понимаю вполне значения слов. Если не ошибаюсь, вы делаете декларацию насчет моей дочери?

Хлестаков Нет, я влюблен в вас. Жизнь моя на волоске. Если вы не увенчаете постоянную любовь мою, то я недостоин земного существования. С пламенем в груди прошу руки вашей.

Анна Андреевна. Но позвольте заметить: я в некотором роде... я замужем.

Хлестаков Это ничего! Для любви нет различия; и Карамзин сказал: "Законы осуждают". Мы удалимся под сень струй... Руки вашей, руки прошу!

Явление XIV

Те же и Марья Антоновна, вдруг вбегает.

Марья Антоновна. Маменька, папенька сказал, чтобы вы... (Увидя Хлестакова на коленях, вскрикивает.) Ах, какой пассаж!

Анна Андреевна. Ну что ты? к чему? зачем? Что за ветреность такая! Вдруг вбежала, как угорелая кошка. Ну что ты нашла такого удивительного? Ну что тебе вздумалось?

Право, как дитя какое-нибудь трехлетнее. Не похоже, не похоже, совершенно не похоже на то, чтобы ей было восемнадцать лет. Я не знаю, когда ты будешь благоразумнее, когда ты будешь вести себя, как прилично благовоспитанной девице; когда ты будешь знать, что такое хорошие правила и солидность в поступках.

Марья Антоновна (сквозь слезы). Я, право, маменька, не знала...

Анна Андреевна. У тебя вечно какой-то сквозной ветер разгуливает в голове; ты берешь пример с дочерей Ляпкина-Тяпкина. Что тебе глядеть на них? не нужно тебе глядеть на них. Тебе есть примеры другие - перед тобою мать твоя. Вот каким примерам ты должна следовать.

Хлестаков (схватывая за руку дочь). Анна Андреевна, не противьтесь нашему благополучию, благословите постоянную любовь!

Анна Андреевна (с изумлением). Так вы в нее?..

Хлестаков. Решите: жизнь или смерть?

Анна Андреевна. Ну вот видишь, дура, ну вот видишь: из-за тебя, этакой дряни, гость изволил стоять на коленях; а ты вдруг вбежала как сумасшедшая. Ну вот, право, стоит, чтобы я нарочно отказала: ты недостойна такого счастья.

Марья Антоновна. Не буду, маменька. Право, вперед не буду.

Явление XV

Те же и городничий впопыхах.

Городничий. Ваше превосходительство! не погубите! не погубите!

Хлестаков. Что с вами?

Городничий. Там купцы жаловались вашему превосходительству. Честью уверяю, и наполовину нет того, что

они говорят. Они сами обманывают и обмеривают народ. Унтер-офицерша налгала вам, будто бы я ее высек; она врет, ей-богу, врет. Она сама себя высекла.

Хлестаков. Провались унтер-офицерша - мне не до нее!

Городничий. Не верьте, не верьте! Это такие лгуны... им вот эдакой ребенок не поверит. Они уж и всему городу известны за лгунов. А насчет мошенничества, осмелюсь доложить: это такие мошенники, каких свет не производил.

Анна Андреевна. Знаешь ли ты, какой чести удостоивает нас Иван Александрович? Он просит руки нашей дочери.

Городничий. Куда! куда!.. Рехнулась, матушка! Не извольте гневаться, ваше превосходительство: она немного с придурью, такова же была и мать ее.

Хлестаков. Да, я точно прошу руки. Я влюблен.

Городничий. Не могу верить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна. Да когда говорят тебе?

Хлестаков. Я не шутя вам говорю... Я могу от любви свихнуть с ума.

Городничий. Не смею верить, не достоин такой чести.

Хлестаков. Да, если вы не согласитесь отдать руки Марьи Антоновны, то я черт знает что готов...

Городничий. Не могу верить: извольте шутить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна. Ах, какой чурбан в самом деле! Ну, когда тебе толкуют?

Городничий. Не могу верить.

Хлестаков. Отдайте, отдайте! Я отчаянный человек, я решусь на все: когда застрелюсь, вас под суд отдадут.

Городничий. Ах, боже мой! Я, ей-ей, не виноват ни душою, ни телом. Не извольте гневаться! Извольте поступать так, как вашей милости угодно! У меня, право, в го-

лове теперь... я и сам не знаю, что делается. Такой дурак теперь сделался, каким еще никогда не бывал.

Анна Андреевна. Ну, благословляй!

Хлестаков подходит с Марьей Антоновной.

Городничий. Да благословит вас бог, а я не виноват.

Хлестаков целуется с Марьей Антоновной. *Городничий* смотрит на них.

Что за черт! в самом деле! (Протирает глаза.) Целуются! Ах, батюшки, целуются! Точный жених! (Вскрикивает, подпрыгивая от радости.) Ай, Антон! Ай, Антон! Ай, городничий! Вона, как дело-то пошло!

Явление XVI ***Те же и Осип.***

Осип. Лошади готовы.

Хлестаков. А, хорошо... я сейчас.

Городничий. Как-с? Изволите ехать?

Хлестаков. Да, еду.

Городничий. А когда же, то есть... вы изволили сами наметнуть насчет, кажется, свадьбы?

Хлестаков. А это... На одну минуту только... на один день к дяде - богатый старик; а завтра же и назад.

Городничий. Не смеем никак удерживать, в надежде благополучного возвращения.

Хлестаков. Как же, как же, я вдруг. Прощайте, любовь моя... нет, просто не могу выразить! Прощайте, душенька! (Целует ее ручку.)

Городничий. Да не нужно ли вам в дорогу чего-нибудь? Вы изволили, кажется, нуждаться в деньгах?

Хлестаков. О нет, к чему это? (Немного подумав.) А впрочем, пожалуй.

Городничий. Сколько угодно вам?

Хлестаков. Да вот тогда вы дали двести, то есть не двести, а четыреста, - я не хочу воспользоваться вашей

ошибкою, - так, пожалуй, и теперь столько же, чтобы уже ровно было восемьсот.

Городничий. Сейчас! (Вынимает из бумажника.) Еще, как нарочно, самыми новенькими бумажками.

Хлестаков. А, да! (Берет и рассматривает ассигнации.) Это хорошо. Ведь это, говорят, новое счастье, когда новенькими бумажками.

Городничий. Так точно-с.

Хлестаков. Прощайте, Антон Антонович! Очень обязан за ваше гостеприимство. Я признаюсь от всего сердца: мне нигде не было такого хорошего приема. Прощайте, Анна Андреевна! Прощайте, моя душенька Марья Антоновна!

Вопросы и задание:

1. Как и для чего чиновники подсовывают деньги Хлестакову?
2. Понимает ли Хлестаков, что его принимают за другого?
3. Что рассказывает Хлестакову Артемий Фелипович об отношении к работе чиновников своего города?
4. О чем просят Хлестакова Бобчинский и Добчинский и почему с этими просьбами они обращаются именно к нему?
5. О чем рассказывают купцы Хлестакову и как они характеризуют Городничего?
6. Как ведёт себя Хлестаков с Анной Андреевной и Марьей Антоновной? Как можно характеризовать поведение Хлестакова?
7. Что побуждает Хлестакова играть роль жениха в доме городничего?
8. Как вы понимаете выражение «хоть в петлю полезай». Кто его произносит в пьесе и почему?(действие IV, явление X)

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Та же комната

Явление I

Городничий, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничий. Что, Анна Андреевна? а? Думала ли ты что-нибудь об этом? Этой богатый приз, канальство! Ну, признайся откровенно: тебе и во сне не виделось - просто из какой-нибудь городничихи и вдруг... фу ты, канальство!..с каким дьяволом породнилась!

Анна Андреевна. Совсем нет; я давно это знала. Это тебе в диковинку, потому что ты простой человек, никогда не видел порядочных людей.

Городничий. Я сам, матушка, порядочный человек. Однако ж, право, как подумаешь, Анна Андреевна, какие мы с тобой теперь птицы сделались! а, Анна Андреевна? Высокого полета, черт побери! Постой же, теперь я задам перцу все этим охотникам подавать просьбы и доносы. Эй, кто там?

Входит квартальный.

А, это ты, Иван Карпович! Призови-ка сюда, брат, купцов! Вот я их, каналий! Так жаловаться на меня? Вишь ты, проклятый иудейский народ!

Квартальный уходит.

Так вот как, Анна Андреевна, а? Как же мы теперь, где будем жить? здесь или в Питере?

Анна Андреевна. Натурально, в Петербурге. Как можно здесь оставаться!

Городничий. Ну, в Питере так в Питере; а оно хорошо бы и здесь. Что, ведь, я думаю, уже городничество тогда к черту, а, Анна Андреевна?

Анна Андреевна. Натурально, что за городничество!

Городничий. Ведь оно, как ты думаешь, Анна Андреевна, теперь можно большой чин зашибить, потому что он запанибрата со всеми министрами и во дворец ездит, так поэтому может такое производство сделать, что со временем и в генералы влезешь. Как ты думаешь, Анна Андреевна: можно влезть в генералы?

Анна Андреевна. Еще бы! конечно, можно.

Явление III

Те же, Аммос Федорович, Артемий Филиппович, потом Растаковский.

Аммос Федорович (еще в дверях.) Верить ли слухам, Антон Антонович? к вам привалило необыкновенное счастье?

Явление VII

Те же, частный пристав и квартальные.

Частный пристав. Имею честь поздравить вас, ваше высокоблагородие и поделать вам благоденствия на многие лета!

Городничий. Спасибо, спасибо! Прошу садиться, господа!

Гости усаживаются.

Анна Андреевна. Мы теперь в Петербурге намерены жить. А здесь, признаюсь, такой воздух... деревенский уж

слишком!.. признаюсь, большая неприятность... Вот и муж мой... он там получит генеральский чин.

Городничий. Да, признаюсь, господа, я, черт возьми, очень хочу быть генералом.

Лука Лукич. И дай бог получить!

Аммос Федорович. Большому кораблю - большое плавание.

Артемий Филиппович. По заслугам и честь.

Аммос Федорович (в сторону). Вот выкинет штуку, когда в самом деле сделается генералом! Вот уж кому пристало генеральство, как корове седло! Ну, брат, до этого еще далека песня. Тут и почище тебя есть, а до сих пор еще не генералы.

Артемий Филиппович (в сторону). Эка черт возьми, уж и в генералы лезет! Чего доброго, может, и будет генералом. Ведь у него важности, лукавый не взял бы его, довольно. (Обращаясь к нему.) Тогда, Антон Антонович, и нас не позабудьте.

Аммос Федорович. И если что случится, например какая-нибудь надобность по делам, не оставьте покровительством!

Коробкин. В следующем году повезу сынка в столицу на пользу государства, так сделайте милость, окажите ему вашу протекцию, место отца заступите сиротке.

Городничий. Я готов со своей стороны, готов стараться.

Анна Андреевна. Ты, Антоша, всегда готов обещать. Во-первых, тебе не будет времени думать об этом. И как можно и с какой стати себя обременять такими обещаниями?

Городничий. Почему ж, душа моя? иногда можно.

Анна Андреевна. Можно, конечно, да ведь не всякой же мелюзге оказывать покровительство.

Жена Коробкина. Вы слышали, как она трактует нас?

Гостья. Да, она такова всегда была; я ее знаю: посади ее за стол, она и ноги свои...

Явление VIII

Те же и почтмейстер впопыхах, с распечатанным письмом в руке.

Почтмейстер. Удивительное дело, господа! Чиновник, которого мы приняли за ревизора, был не ревизор.

Все. Как не ревизор?

Почтмейстер. Совсем не ревизор, - я узнал это из письма...

Городничий. Что вы? что вы? из какого письма?

Почтмейстер. Да из собственного его письма. Приносят ко мне на почту письмо. Взглянул на адрес - вижу: "в Почтамтскую улицу". Я так и обомлел. "Ну, - думаю себе, - верно, нашел беспорядки по почтовой част и уведомляет начальство". Взял да и распечатал.

Городничий. Как же вы?..

Почтмейстер. Сам не знаю, неестественная сила побудила. Призвал было уже курьера, с тем чтобы отправить его с эштафетой, - но любопытство такое одолело, какого еще никогда не чувствовал. Не могу, не могу! слышу, что не могу! тянет, так вот и тянет! В одном ухе так вот и слышу: "Эй, не распечатывай! пропадешь, как курица"; а в другом словно бес какой шепчет: "Распечатай, распечатай, распечатай!" И как придавил сургуч - по жилам огонь, а распечатал - мороз, ей-богу мороз. И руки дрожат, и все помутилось.

Городничий. Да как же вы осмелились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

Почтмейстер. В том-то и штука, что он не уполномоченный и не особа!

Городничий. Что ж он, по-вашему, такое?

Почтмейстер. Ни се ни то; черт знает что такое!

Городничий (запальчиво). как не се ни то? Как вы смеее называть его ни тем ни сем, да еще и черт знает чем? Я вас под арест...

Почтмейстер. Кто? Вы?

Городничий. Да, я!

Почтмейстер. Коротки руки!

Городничий. Знаете ли, что он женится на моей дочери, что я сам буду вельможа, что я в самую Сибирь законопачу?

Почтмейстер. Эх, Антон Антонович! что Сибирь? далеко Сибирь. Вот лучше я вам прочту. Господа! позвольте прочитать письмо!

Все. Читайте, читайте!

Почтмейстер (читает). "Спешу уведомить тебя, душа моя Тряпичкин, какие со мной чудеса. На дороге обчистил меня кругом пехотный капитан, так что трактирщик хотел уже было посадить в тюрьму; как вдруг, по моей петербургской физиономии и по костюму, весь город принял меня за генерал-губернатора. И я теперь живу у городничего, жуирую, волочусь напропалую за его женой и дочкой; не решился только, с которой начать, - думаю, прежде с матушки, потому что, кажется, готова сейчас на все услуги. Помнишь, как мы с тобой бедствовали, обедали нашерамыжку и как один раз было кондитер схватил меня за воротник по поводу съеденных пирожков на счет доходов аглицкого короля? Теперь совсем другой оборот. Все мне дают взаймы сколько угодно. Оригиналы страшные. От смеху ты бы умер. Ты, я знаю, пишешь статейки: помести их в свою литературу. Во-первых, городничий - глуп, как сивый мерин..."

Городничий. Не может быть этого! Там нет этого.

Почтмейстер (показывает письмо). Читайте сами.

Городничий (читает). "Как сивый мерин". Не может быть! вы это сами написали.

Почтмейстер. Как же бы я стал писать?

Артемий Филиппович. Читайте!

Лука Лукич. Читайте!

Почтмейстер (продолжая читать). "Городничий - глуп, как сивый мерин..."

Хм... хм... хм... хм... "сивый мерин. Почтмейстер тоже добрый человек..." (Оставляя читать.) Ну, тут обо мне тоже он неприлично выразился.

Городничий. Нет, читайте!

Почтмейстер. Да к чему ж?..

Городничий. Нет, черт возьми, когда уж читать, так читать! Читайте все!

Артемий Филиппович. Позвольте, я прочитаю. (Надевает очки и читает.) "Почтмейстер точь-в-точь наш департаментский сторож Михеев; должно быть, также, подлец пьет горькую".

Почтмейстер (к зрителям.) Ну, скверный мальчишка, которого надо висечь; больше ничего!

Артемий Филиппович (продолжая читать). "Надзиратель над богоугодным заведе...и...и...и... (Заикается.)

Коробкин. А что ж вы остановились?

Артемий Филиппович. Да нечеткое перо... впрочем, видно, что негодяй.

Коробкин. Дайте мне! Вот у меня, я думаю, получше глаза. (Берет письмо.)

Артемий Филиппович (не давая письмо). Нет, это место можно пропустить, а там дальше разборчиво.

Коробкин. Да позвольте, уж я знаю.

Артемий Филиппович. Прочитать я и сам прочитаю; далее, право, все разборчиво.

Почтмейстер. Нет, все читайте! ведь прежде все читано.

Все. Отдайте, Артемий Филиппович, отдайте письмо! (Коробкину.) Читайте!

Артемий Филиппович. Сейчас. (Отдает письмо.) Вот, позвольте... (Закрывает пальцем.) Вот отсюда читайте.

Все приступают к нему.

Почтмейстер. Читайте, читайте! вздор, все читайте!

Коробкин (читая). "Надзиратель над богоугодным заведением Земляника - совершенная свинья в ермолке".

Артемий Филиппович (к зрителям). И неостроумно! Свинья в ермолке! где ж свинья бывает в ермолке?

Коробкин (продолжая читать). "Смотритель училищ протухнул насквозь луком".

Лука Лукич (к зрителям). Ей-богу, и в рот никогда не брал луку.

Аммос Федорович (в сторону). Слава богу, хоть, по крайней мере, обо мне нет!

Коробкин (читает). "Судья..."

Аммос Федорович. Вот тебе на! (Вслух.) Господа, я думаю, что письмо длинно. Да и черт ли в нем: дрянь эту-кую читать.

Лука Лукич. Нет!

Почтмейстер. Нет, читайте!

Артемий Филиппович. Нет уж, читайте!

Коробкин (продолжает). "Судья Ляпкин-Тяпкин в сильнейшей степени моветон..." (Останавливается.) Должно быть, французское слово.

Аммос Федорович. А черт его знает, что оно значит! Еще хорошо, если только мошенник, а может быть, и того еще хуже.

Коробкин (продолжая читать). "А впрочем, народ гостеприимный и добродушный. Прощай, душа Тряпичкин. Я сам, по примеру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, брат, так жить; хочешь, наконец, пищи для души. Вижу: точно нужно чем-нибудь высоким заняться. Пиши ко мне в Саратовскую губернию, а оттуда в деревню Подкатиловку. (Переворачивает письмо и читает адрес.) Его благородию, милостивому государю, Ивану Васильевичу

Тряпичкину, в Почтамтскую улицу, в доме под номером девяносто седьмым, поворота на двор, в третьем этаже направо".

Одна из дам. Какой репримант неожиданный!

Городничий. Вот когда зарезал, так зарезал! Убит, убит, совсем убит! Ничего не вижу. Вижу какие-то свинные рыла вместо лиц, а больше ничего... Воротить, воротить его! (Машет рукою.)

Куды воротить! Я, как нарочно, приказал смотрителю дать самую лучшую тройку; черт угораздил дать и вперед предписание.

Жена Коробкина. Вот уж точно, беспримерная конфузия!

Аммос Федорович. Однако ж, черт возьми, господа! он у меня взял триста рублей взаймы.

Артемий Филиппович. У меня тоже триста рублей.

Почтмейстер (вздыхает). Ох! и у меня триста рублей.

Аммос Федорович (в недоумении расставляет руки). Как же это, господа? Как это, в самом деле, мы так оплошали?

Городничий (бьет себя по лбу). Как я - нет, как я, старый дурак? Выжил, глупый баран, из ума!.. Тридцать лет живу на службе; ни один купец, ни подрядчик не мог провести; мошенников над мошенниками обманывал, пройдох и плутов таких, что весь свет готовы обворовать, поддевал на уду! Трех губернаторов обманул!.. Что губернаторов! (махнул рукой) нечего и говорить про губернаторов...

Анна Андреевна. Но этого не может быть, Антоша: он обручился с Машенькой...

Городничий (в сердцах). Обручился! Кукиш с маслом - вот тебе обручился! Лезет мне в глаза с обручением!.. (В исступлении.) Вот смотрите, смотрите, весь мир, все христианство, все смотрите, как одурачен городничий! Дурака ему, дурака, старому подлецу! (Грозит самому себе кулаком.) Эх ты, толстоносый! Сосульку, тряпку принял за важного человека! Вон он теперь по всей дороге заливает

колокольчиком! Разнесет по всему свету историю. Мало того что пойдешь в посмешище - найдется шелкопер, бумагомарака, в комедию тебя вставит. Вот что обидно! Чина, звания не пощадит, и будут все скалить зубы и бить в ладоши. Чему смеетесь? - Над собою смеетесь!.. Эх вы!.. (Стучит со злости ногами об пол.) Я бы всех этих бумагомарак! У, шелкоперы, либералы проклятые! чертово семя! Узлом бы вас всех завязал, в муку бы стер вас всех да черту в подкладку! в шапку туды ему!.. (Сует кулаком и бьет каблуком в пол. После некоторого молчания.) До сих пор не могу прийти в себя. Вот, подлинно, если бог хочет наказать, то отнимет прежде разум. Ну что было в этом вертопрахе похожего на ревизора? Ничего не было! Вот просто на полмизинца не было похожего - и вдруг все: ревизор! ревизор! Ну кто первый выпустил, что он ревизор? Отвечайте!

Артеми́й Филиппович (расставляя руки). Уж как это случилось, хоть убей, не могу объяснить. Точно туман какой-то ошеломил, черт попутал.

Аммос Федорович. Да кто выпустил - вот кто выпустил: эти молодцы! (Показывает на Добчинского и Бобчинского.)

Бобчинский. Ей-ей, не я! и не думал...

Добчинский. Я ничего, совсем ничего...

Артеми́й Филиппович. Конечно, вы.

Лука Лукич. Разумеется. Прибежали как сумасшедшие из трактира: "Приехал, приехал и денег не плотит..." Нашли важную птицу!

Городничий. Натурально, вы! сплетники городские, лгуны проклятые!

Артеми́й Филиппович. Чтоб вас черт побрал с вашим ревизором и рассказами!

Городничий. Только рыскает по городу и смущаете всех, трещотки проклятые! Сплетни сеете, сороки короткохвостые!

Аммос Федорович. Пачкуны проклятые!
Лука Лукич. Колпаки!
Артемий Филиппович. Сморчки короткобрюхие!

Все обступают их.

Бобчинский. Ей-богу, это не я, это Петр Иванович.
Добчинский. Э, нет, Петр Иванович, вы ведь первые то-го...

Бобчинский. А вот и нет; первые то были вы.

Явление последнее ***Те же и жандарм***

Жандарм. Приехавший по именному повелению из Петербурга чиновник требует вас сей же час к себе. Он остановился в гостинице.

Произнесенные слова поражают как громом всех. Звук изумления единодушно взлетает из дамских уст; вся группа, вдруг переменивши положение, остается в окаменении.

Вопросы и задание:

1. Как меняется поведение городничего и его жены после того как Хлестаков делает предложение их дочери?
2. Как ведут себя чиновники, когда узнают, что Марья Антоновна выходит замуж за Хлестакова? Искренне ли они рады этому?
3. Какую новость узнаёт почтмейстер, когда распечатывает письмо Хлестакова Тряпичкину?
4. Как характеризует чиновников Хлестаков в письме к другу? Соответствует ли они действительности?

5. Пьеса заканчивается немой сценой. Что же заставило всех действующих лиц пьесы онеметь и почти окаменеть?
6. Как вы понимаете эпиграф пьесы «На зеркало неча пенять, коли рожа крива»?

I. Вопросы и задания ко всей комедии.

1. Почему комедию Гоголь назвал «Ревизор»?
2. Какие сцены в пьесе показались вам наиболее интересными?
3. Какие персонажи пьесы интересными и чем?
4. Кого и за что осудил Гоголь в комедии «Ревизор»?
5. Как вы думаете есть ли в пьесе положительный образ?
6. Чем интересна пьеса «Ревизор» современному читателю?
7. Какие роды и виды литературы вы знаете? К какому роду и виду литературы принадлежит пьесы «Ревизор»?
8. В чем основной конфликт пьесы?
9. Какие сцены пьесы наиболее верны для развития сюжета комедии, для выявления её главной мысли, идеи?
10. Гоголь был не доволен тем, как он первоначально написал сцену взяток в IV действии: «... не так ловко, что Хлестаков начинает первый просить денег взаймы ... было бы лучше, если бы чиновники сами ему предложили». В чем по- вашему мнению смысл переделки этих сцен?
11. Как вы понимаете следующие выражения:
С ним нужно ухо востро держать.
Хоть в петлю полезай.
Как корове седло.

Заполните таблицу о чиновниках уездного города.

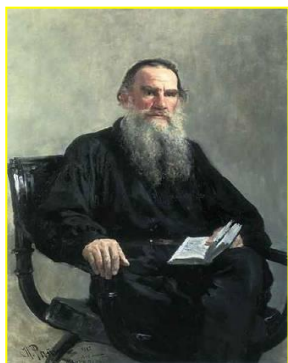
Имя Чиновника	Сфера городской жизни, которой он руководит	Информация о положении дел в этой сфере	Характеристик... из текста
Антон Антонович Сквозник-Дмухановский	Городничий – обеспечение порядка в городе, его благоустройство	Берёт взятки, город не благоустроен	Говорит ни громко, ни мало, ни много, купцов заморил, хоть в петлю лезь.

СЛОВАРНАЯ РАБОТА

- Городничий- шахрдор, ҳокими шахр
- Попечитель- мураббӣ, парастор
- Два квартальных- ду квартал, маҳалла
- Благодетель - некукор
- Предписание - сарнавишт
- Инкогнито- пинҳони, рустӣ
- Мотает на ус- дар мӯйлабҳо алвонч хӯрдан
- Предуведомил- пешаки огоҳ кардан
- Вольнодумные мысли – фикрҳои озодфикрӣ
- Пассажи- бозори болопӯшида
- Партикулярное платье –куртаи ғайрирасмӣ
- Приватно –ғайрирасмӣ, ғайриҳизбӣ
- Ушата- сатили чӯбин
- Трескотня – қарс-курс, қасар-қусур
- Деликатность –боадабӣ, назокат, мулоиматӣ
- Галантерейное – чарчинварӣ, чарчинфурӯшӣ
- Тросточку – асо, чӯбдаст
- Бестия –қаллоб, шайтон, фиребгар
- На авось – эҳтимол, шохд, мумкин
- Турусы – гапи беҳуда, сафсата

- **Вояжировка** - сайёҳӣ
- **Церемонии** - маросим
- **Водевильчики** –пиессаи хурди ҳаҷвӣ
- **Задал острастку** – дӯғ задан, таҳдид кардан
- **Оказия** - фурсат, имконият
- **Распекать** – сарзаниш кардан
- **Радушие** – меҳрубонӣ, навозиш, лутф
- **Прореха** – сӯрох, шикоф

Л. Н. Толстой
(1828 – 1910 гг.)

Толстой русский писатель, философ. Родился в Ясной Поляне, Тульской губернии, в богатой аристократической семье. Поступил в Казанский университет, но затем оставил его. В 23-летнем возрасте отправился на войну с Чечней и Дагестаном. Здесь начал писать трилогию «Детство», «Отрочество», «Юность».

На Кавказе участвовал в военных действиях, будучи артиллерийским офицером. Во время Крымской войны отправился в Севастополь, где продолжил воевать. После окончания войны уехал в Санкт-Петербург и в журнале «Современник» опубликовал «Севастопольские рассказы», в которых ярко отразился его выдающийся писательский талант. В 1857 г. Толстой отправился в путешествие по Европе, которое его разочаровало.

С 1853 по 1863 гг. писал повесть «Казачьи», после чего решил прервать литературную деятельность и стать помещиком-землевладельцем, занимаясь просветительской работой в деревне. С этой целью уехал в Ясную Поляну, где открыл школу для крестьянских детей и создал собственную систему педагогики.

В 1863 – 1869 гг. написал свое фундаментальное произведение «Война и мир». В 1873 – 1877 гг. создал роман «Анна Каренина». В эти же годы полностью сформировалось мировоззрение писателя, известное под названием «толстов-

ство», суть которого просматривается в произведениях: «Исповедь», «В чем моя вера?», «Крейцера соната».

28 октября 1910 г. Толстой тайно от семьи покинул Ясную Поляну, в дороге заболел и вынужден был сойти с поезда на маленькой железнодорожной станции Астапова Рязани – Уральской железной дороги. Здесь, в доме начальника станции он провел последние семь дней своей жизни.

«ПОСЛЕ БАЛА»

— Вот вы говорите, что человек не может сам по себе понять, что хорошо, что дурно, что все дело в среде, что среда заедает. А я думаю, что все дело в случае. Я вот про себя скажу.

Так заговорил всеми уважаемый Иван Васильевич после разговора, шедшего между нами, о том, что для личного совершенствования необходимо прежде изменить условия, среди которых живут люди. Никто, собственно, не говорил, что нельзя самому понять, что хорошо, что дурно, но у Ивана Васильевича была такая манера отвечать на свои собственные, возникающие вследствие разговора мысли и по случаю этих мыслей рассказывать эпизоды из своей жизни. Часто он совершенно забывал повод, по которому он рассказывал, увлекаясь рассказом, тем более что рассказывал он очень искренно и правдиво.

Так он сделал и теперь.

— Я про себя скажу. Вся моя жизнь сложилась так, а не иначе, не от среды*, а совсем от другого.

— От чего же? — спросили мы.

— Да это длинная история. Чтобы понять, надо много рассказывать.

— Вот вы и расскажите.

Иван Васильевич задумался, покачал головой.

— Да, — сказал он. — Вся жизнь переменилась от одной ночи, или скорее утра.

— Да что же было?

— А было то, что был я сильно влюблен. Влюблялся я много раз, но это была самая моя сильная любовь. Дело прошлое; у нее уже дочери замужем. Это была Б..., да, Варенька Б..., — Иван Васильевич назвал фамилию. — Она и в пятьдесят лет была замечательная красавица. Но в молодости, восемнадцати лет, была прелестна: высокая, стройная, грациозная* и величественная, именно величественная. Держалась она, всегда необыкновенно прямо, как будто не могла иначе, откинув немного назад голову, и это давало ей, с ее красотой и высоким ростом, несмотря на ее худобу, даже костлявость, какой-то царственный вид, который отпугивал бы от нее, если бы не ласковая, всегда веселая улыбка у рта, и прелестных, блестящих глаз, и всего ее милого, молодого существа.

— Каково Иван Васильевич расписывает.

— Да как ни расписывай, расписать нельзя так, чтобы вы поняли, какая она была. Но не в том дело: то, что я хочу рассказать, было в сороковых годах. Был я в то время студентом в провинциальном университете. Не знаю, хорошо ли это или дурно, но не было у нас в то время в нашем университете никаких кружков, никаких теорий, а были мы просто молодыми жили, как свойственно молодости: учились и веселились. Был я очень веселый и бойкий малый, да еще и богатый. Был у меня иноходец* лихой, катался с гор с барышнями (коньки еще не были в моде), кутил с товарищами (в то время мы ничего, кроме шампанского, не пили; не было денег — ничего не пили, но не пили, как теперь, водку). Главное же мое удовольствие составляли вечера и балы. Танцевал я хорошо и был не безобразен.

— Ну, нечего скромничать, — перебила его одна из собеседниц. — Мы ведь знаем ваш еще дагерротипный портрет*. Не то что не безобразен, а вы были красавец.

— Красавец так красавец, да не в том дело. А дело в

том, что во время этой моей самой сильной любви к ней был я в последний день масленицы на бале у губернского предводителя, добродушного старичка, богача-хлебо-сола* и камергера*. Принимала такая же добродушная, как и он, жена его в бархатном пюсовом платье*, в брильянтовой фероньерке* на голове и с открытыми старыми, пухлыми, белыми плечами и грудью, как портреты Елизаветы Петровны, Бал был чудесный: зала прекрасная, с хорами*, музыканты — знаменитые в то время крепостные помещика-любителя, буфет великолепный и разливанное море шампанского. Хотя я и охотник был до шампанского, но не пил, потому что без вина был пьян любовью, но зато танцевал до упаду — танцевал и кадрили, и вальсы, и польки, разумеется, насколько возможно было, всё с Варенькой. Она была в белом платье с розовым поясом и в белых лайковых перчатках, немного не доходивших до худых, острых локтей, и в белых атласных башмачках. Мазурку отбили у меня: препротивный инженер Анисимов — я до сих пор не могу простить это ему — пригласил ее, только что она вошла, а я заезжал к парикмахеру и за перчатками и опоздал. Так что мазурку я танцевал не с ней, а с одной немочкой, за которой я немножко ухаживал прежде. Но, боюсь, в этот вечер был очень неучтив* с ней, не смотрел на нее, а видел только высокую стройную фигуру в белом платье с розовым поясом, ее сияющее, зарумянившееся с ямочками лицо и ласковые, милые глаза. Не я один, все смотрели на нее и любовались ею, любовались и мужчины, и женщины, несмотря на то, что она затмила их всех. Нельзя было не любоваться. По закону, так сказать, мазурку я танцевал не с нею, но в действительности танцевал я почти все время с ней. Она, не смущаясь, через всю залу шла прямо ко мне, и я вскакивал, не дожидаясь приглашения, и она улыбкой благодарила меня за мою догадливость. Когда нас подводили к ней и она не угадывала моего качества, она, подавая руку не мне, пожимала

худыми плечами и, в знак сожаления и утешения, улыбалась мне. Когда делали фигуру мазурки вальсом, я подолгу вальсировал с нею и она, часто дыша, улыбалась и говорила мне: «Encore»¹. И я вальсировал ещё и ещё и не чувствовал своего тела.

— Ну, как же не чувствовали, я думаю, очень чувствовали, когда обнимали ее за талию, не только свое, но и ее тело, — сказал один из гостей. Иван Васильевич вдруг покраснел и сердито закричал почти:

— Да, вот это вы, нынешняя молодежь. Вы, кроме тела, ничего не видите. В наше время было не так. Чем сильнее я был влюблен, тем бестелеснее становилась для меня она. Вы теперь видите ноги, щиколки и еще что-то, вы раздеваете женщин, в которых влюблены, для меня же, как говорил Alphonse Karr², хороший был писатель, — на предмете моей любви были всегда бронзовые одежды. Мы не то что раздевали, а старались прикрыть наготу, как добрый сын Ноя. Ну, да вы не пойме

— Не слушайте его. Дальше что? — сказал один из нас.

— Да. Так вот танцевал я больше с нею и не видал, как прошло время. Музыканты уж с каким-то отчаянием усталости, знаете, как бывает в конце бала, подхватывали все тот же мотив мазурки, из гостиных поднялись уже от карточных столов папаши и мамыши, ожидая ужина, лакеи чаще забегали, пронося что-то. Был третий час. Надо было пользоваться последними минутами. Я еще раз выбрал ее, и мы в сотый раз прошли вдоль залы.

— Так после ужина кадрили моя? — сказал я ей, отводя ее к месту.

— Разумеется, если меня не увезут, — сказала она, улыбаясь.

— Я не дам, — сказал я. — Дайте же веер*, — сказала она. Жалко отдавать, — сказал я, подавая ей белый дешевенький веер.

— Так вот вам, чтоб вы не жалели, — сказала она, оторвала перышко от веера и дала мне. Я взял перышко и только взглядом мог выразить весь свой восторг и благодарность. Я был не только весел и доволен, я был счастлив, блажен, я был добр, я был не я, а какое-то неземное существо, не знающее зла и способное на одно добро. Я спрятал перышко в перчатку и стоял, не в силах отойти от нее.

— Смотрите, папа просят танцевать, — сказала она мне, указывая на высокую статную фигуру ее отца, полковника с серебряными эполетами, стоявшего в дверях с хозяйкой и другими дамами.

— Варенька, подите сюда, — услышали мы громкий голос хозяйки в брильянтовой фероньерке и с елисаветинскими плечами. Варенька подошла к двери, и я за ней.

— Уговорите, *ma chere* 3, отца пройти с вами. Ну, пожалуйста, Петр Владиславич, — обратилась хозяйка к полковнику.

Отец Вареньки был очень красивый, статный, высокий и свежий старик. Лицо у него было очень румяное, с белыми *a la Nicolas I* 4 подвитыми усами, белыми же, подведенными к усам бакенбардами* и с зачесанными вперед височками, и та же ласковая, радостная улыбка, как и у дочери, была в его блестящих глазах и губах. Сложен он был прекрасно, с широкой, небогато украшенной орденами, выпячивающейся по-военному грудью, с сильными плечами и длинными стройными ногами. Он был воинский начальник типа старого служаки николаевской выправки. Когда мы подошли к дверям, полковник отказывался, говоря, что он разучился танцевать, но все-таки, улыбаясь, закинув на левую сторону руку, вынул шпагу из портупей*, отдал ее услужливому молодому человеку и, натянув замшевую перчатку на правую руку, — «надо всё по закону», — улыбаясь, сказал он, взял руку дочери и стал в четверть оборота, выжидая такт. Дождавшись

начала мазурочного мотива, он бойко топнул одной ногой, выкинул другую, и высокая, грузная фигура его то тихо и плавно, то шумно и бурно, с топотом подошв и ног об ногу, задвигалась вокруг залы. Грациозная фигура Вареньки плыла около него, незаметно, вовремя укорачивая или удлиняя шаги своих маленьких белых атласных ножек. Вся зала следила за каждым движением пары. Я же не только любовался, но с восторженным умилением смотрел на них. Особенно умилили меня его сапоги, обтянутые штрипками, — хорошие опойковые сапоги*, но не модные, с острыми, а старинные, с четвероугольными носками и без каблуков. Очевидно, сапоги были построены батальонным сапожником. «Чтобы вывозить и одевать любимую дочь, он не покупает модных сапог, а носит до-модельные», — думал я, и эти четвероугольные носки сапог особенно умиляли меня. Видно было, что он когда-то танцевал прекрасно, но теперь был грузен, и ноги уже не были достаточно упруги для всех тех красивых и быстрых па, которые он старался выделять. Но он все-таки ловко прошел два круга. Когда же он, быстро расставив ноги, опять соединил их и, хотя и несколько тяжело, упал на одно колено, а она, улыбаясь и поправляя юбку, которую он зацепил, плавно прошла вокруг него, все громко зааплодировали. С некоторым усилием приподнявшись, он нежно, мило обхватил дочь руками за уши и, поцеловав в лоб, подвел ее ко мне, думая, что я танцую с ней. Я сказал, что не я ее кавалер. — Ну, все равно, пройдитеесь теперь вы с ней, — сказал он, ласково улыбаясь и вдевая шпагу в портупею. Как бывает, что вслед за одной вылившейся из бутылки каплей содержимое ее выливается большими струями, так и в моей душе любовь к Вареньке освободила всю скрытую в моей душе способность любви. Я обнимал в то время весь мир своей любовью. Я любил и хозяйку в фероньерке, с ее елисаветинским бюстом, и ее мужа, и ее гостей, и ее лакеев, и даже дувшегося на меня инженера

Анисимова. К отцу же ее, с его домашними сапогами и ласковой, похожей на нее, улыбкой, я испытывал в то время какое-то восторженно-нежное чувство. Мазурка кончилась, хозяева просили гостей к ужину, но полковник Б. отказался, сказав, что ему надо завтра рано вставать, и простился с хозяевами. Я было испугался, что и ее увезут, но она осталась с матерью.

После ужина я танцевал с нею обещанную кадрили, и, несмотря на то, что был, казалось, бесконечно счастлив, счастье мое все росло и росло. Мы ничего не говорили о любви. Я не спрашивал ни ее, ни себя даже о том, любят ли она меня. Мне достаточно было того, что я любил ее. И я боялся только одного, чтобы что-нибудь не испортило моего счастья.

Когда я приехал домой, разделся и подумал о сне, я увидал, что это совершенно невозможно. У меня в руке было перышко от ее веера и целая ее перчатка, которую она дала мне, уезжая, когда садилась в карету и я подсаживал ее мать и потом ее. Я смотрел на эти вещи и, не закрывая глаз, видел ее перед собой то в ту минуту, когда она, выбирая из двух кавалеров, угадывает мое качество, и слышу ее милый голос, когда говорит: «Гордость? да?» — и радостно подает мне руку или когда за ужином пригубливает бокал шампанского и исподлобья смотрит на меня ласкающими глазами. Но больше всего я вижу ее в паре с отцом, когда она плавно двигается около него и с гордостью и радостью и за себя и за него взглядывает на любующихся зрителей. И я невольно соединяю его и ее в одном нежном, умиленном чувстве.

Жили мы тогда одни с покойным братом. Брат и вообще не любил света и не ездил на балы, теперь же готовился к кандидатскому экзамену и вел самую правильную жизнь. Он спал. Я посмотрел на его уткнутую в подушку и закрытую до половины фланелевым одеялом голову, и мне стало любовно жалко его, жалко за то, что он не знал

и не разделял того счастья, которое я испытывал. Крепостной наш лакей Петруша встретил меня со свечой и хотел помочь мне раздеваться, но я отпустил его. Вид его заспанного лица со спутанными волосами показался мне умилительно трогательным. Стараясь не шуметь, я на цыпочках прошел в свою комнату и сел на постель. Нет, я был слишком счастлив, я не мог спать. Притом мне жарко было в натопленных комнатах, и я, не снимая мундира, потихоньку вышел в переднюю, надел шинель, открыл наружную дверь и вышел на улицу.

С бала я уехал в пятом часу, пока доехал домой, посидел дома, прошло еще часа два, так что, когда я вышел, уже было светло. Была самая масленичная погода, был туман, насыщенный водою снег таял на дорогах, и со всех крыш капало. Жили Б. тогда на конце города, подле большого поля, на одном конце которого было гулянье, а на другом — девический институт. Я прошел наш пустынный переулок и вышел на большую улицу, где стали встречаться и пешеходы, и ломовые* с дровами на санях, достававших полозьями до мостовой. И лошади, равномерно покачивающие под глянцевитыми дугами мокрыми головами, и покрытые рогожками извозчики, шлепавшие в огромных сапогах подле возов, и дома улицы, казавшиеся в тумане очень высокими, — все было мне особенно мило и значительно.

Когда я вышел на поле, где был их дом, я увидел в конце его, по направлению гулянья, что-то большое, черное и услышал доносившиеся оттуда звуки флейты и барабана. В душе у меня все время пело и изредка слышался мотив мазурки. Но это была какая-то другая, жесткая, нехорошая музыка.

«Что это такое?» — подумал я и по проезженной посередине поля скользкой дороге пошел по направлению звуков. Пройдя шагов сто, я из-за тумана стал различать много черных людей. Очевидно, солдаты. «Верно, уче-

нье», — подумал я и вместе с кузнецом в засаленном полушубке и фартуке, несшим что-то и шедшим передо мной, подошел ближе. Солдаты в черных мундирах стояли двумя рядами друг против друга, держа ружья к ноге, и не двигались. Позади их стояли барабанщик и флейтщик и не переставая повторяли всё ту же неприятную, визгливую мелодию.

— Что это они делают? — спросил я у кузнеца, остановившегося рядом со мною.

— Татарина гоняют за побег, — сердито сказал кузнец, взглядывая в дальний конец рядов. Я стал смотреть туда же и увидел посреди рядов что-то страшное, приближающееся ко мне. Приближающееся ко мне был оголенный по пояс человек, привязанный к ружьям двух солдат, которые вели его. Рядом с ним шел высокий военный в шинели и фуражке, фигура которого показалась мне знакомой.

Вопросы и задания

1. Как характеризует рассказчика отношение к нему слушателей?

2. Сделайте выписки из текста: портретная характеристика Вареньки. Почему рассказчик возвращается к описанию ее внешности несколько раз? Покажите на конкретных примерах, как отборами языковых средств писатель подчеркивает отношение к Вареньке Ивана Васильевича. (выделите опорные слова)

3. Какую роль в изображении отношений между героями играет описание жеста, улыбки, взгляда? Существенна ли роль диалога?

4. Как дано описание бала? Найдите эпитеты к словам: бал..., зима..., букет..., музыка....

5. Как описание бала отражает состояние героя? Выделите в тексте и прокомментируйте слова, характеризующие это состояние. Обратите внимание на повторение синтаксической конструкции: «Я был не только весел и доволен, я был счастлив, блажен»..., «я не только любовался, но с восторженным умилением смотрел на них». Определите эмоционально-художественную нагрузку языковых изобразительных средств.

6. Подготовьте пересказ эпизода «Отец танцует с дочерью мазурку». В чем сходство между отцом и дочерью? Как в поведении полковника проявляются отличительные качества старого служаки, делающего «все по закону».

7. Почему вернувшись с бала, домой, Иван Васильевич не мог заснуть?

2

Дергаясь всем телом, шлепая ногами по талому снегу, наказываемый, под сыпавшимися с обеих сторон на него ударами, подвигался ко мне, то опрокидываясь назад — и тогда унтер-офицеры, ведущие его за ружья, толкали его вперед, то падая наперед — и тогда унтер-офицеры, удерживая его от падения, тянули его назад. И не отставая от него, шел твердой, подрагивающей походкой высокий военный. Это был ее отец, с своим румяным лицом и белыми усами и бакенбардами.

При каждом ударе наказываемый, как бы удивляясь, поворачивал сморщенное от страдания лицо в ту сторону, с которой падал удар, и, оскаливая белые зубы, повторял какие-то одни и те же слова. Только когда он был совсем близко, я расслышал эти слова. Он не говорил, а всхлипывал: «Братцы, помилосердуйте. Братцы, помилосердуйте». Но братцы не милосердовали, и, когда шествие совсем поравнялось со мною, я видел, как стоявший против меня солдат решительно выступил шаг вперед и, со свистом взмахнув палкой, сильно шлепнул его по спине татарина.

Татарин дернулся вперед, но унтер-офицеры удержали его, и такой, же удар упал на него с другой стороны, и опять с этой, и опять с той. Полковник шел подле, и, поглядывая то себе под ноги, то на наказываемого, втягивал в себя воздух, раздувая щеки, и медленно выпускал его через оттопыренную губу.

Когда шествие миновало то место, где я стоял, я мельком увидел между рядов спину наказываемого. Это было что-то такое пестрое, мокрое, красное, неестественное, что я не поверил, чтобы это было тело человека.

— О Господи, — проговорил подле меня кузнец. Шествие стало удаляться, все так же падали с двух сторон удары на спотыкающегося, корчившегося человека, и все так же били барабаны и свистела флейта, и все так же твердым шагом двигалась высокая, статная фигура полковника рядом с наказываемым. Вдруг полковник остановился и быстро приблизился к одному из солдат.

— Я тебе помажу, — услышал я его гневный голос. — Будешь мазать? Будешь? И я видел, как он своей сильной рукой в замшевой перчатке бил по лицу испуганного малорослого, слабосильного солдата за то, что он недостаточно сильно опустил свою палку на красную спину татарина.

— Подать свежих шпицрутенгов*! — крикнул он, оглядываясь, и увидел меня. Делая вид, что он не знает меня, он, грозно и злобно нахмурившись, поспешно отвернулся. Мне было до такой степени стыдно, что, не зная, куда смотреть, как, будто я был уличен в самом постыдном поступке, я опустил глаза и поторопился уйти домой. Всю дорогу в ушах у меня то была барабанная дробь и свистела флейта, то слышались слова: «Братцы, помилосердуйте», то я слышал самоуверенный, гневный голос полковника, кричащего: «Будешь мазать? Будешь?» А между тем на сердце была почти физическая, доходившая до тошноты, тоска, такая, что я несколько раз останавливался, и мне

казалось, что вот-вот меня вырвет всем тем ужасом, который вошел в меня от этого зрелища. Не помню, как я добрался домой и лег. Но только стал засыпать, услышал и увидел опять все и вскочил. «Очевидно, он что-то знает такое, чего я не знаю, — думал я про полковника. — Если бы я знал то, что он знает, я бы понимал и то, что я видел, и это не мучило бы меня». Но сколько я ни думал, я не мог понять того, что знает полковник, и заснул только к вечеру, и то после того, как пошел к приятелю и напился с ним совсем пьян. Что ж, вы думаете, что я тогда решил, что то, что я видел, было — дурное дело? Ничуть. «Если это делалось с такой уверенностью и признавалось всеми необходимым, то, стало быть, они знали что-то такое, чего я не знал», — думал я и старался узнать это. Но сколько, ни старался — и потом не мог узнать этого. А, не узнав, не мог поступить в военную службу, как хотел прежде, и не только не служил в военной, но нигде не служил и никуда, как видите, не годился. — Ну, это мы знаем, как вы никуда не годились, — сказал один из нас. — Скажите лучше: сколько бы людей никуда не годились, кабы вас не было. — Ну, это уж совсем глупости, — с искренней досадой сказал Иван Васильевич. — Ну, а любовь что? — спросили мы.

— Любовь? Любовь с этого дня пошла на убыль. Когда она, как это часто бывало с ней, с улыбкой на лице, задумывалась, я сейчас же вспоминал полковника на площади, и мне становилось как-то неловко и неприятно, и я стал реже видаться с ней. И любовь так и сошла на нет. Так вот какие бывают дела, и от чего переменяется и направляется вся жизнь человека. А вы говорите... — закончил он.

Вопросы и задания

1. С чего начался перелом в настроении Ивана Васильевича?

2. Выпишите из текста, как автор описывает наказываемого?

3. Какие чувства вызвало увиденное у Ивана Васильевича? Как раскрывает писатель его состояние? Выпишите и прокомментируйте языковые изобразительные средства?

4. Подготовьте пересказ с элементами анализа: «Полковник на балу и после бала».

5. Можно ли говорить о двуличии этого человека: или и в том, и в другом случае он поступает «по закону».

6. Прокомментируйте слова Ивана Васильевича: «Если это делалось с такой уверенностью и признавалось всеми необходимым, то, стало быть, они знали что-то такое, чего я не знал»

7. Как сложилась дальнейшая судьба Ивана Васильевича? Подтверждает ли его рассказ заявление, с которого начался разговор: «А я думаю, что все дело в случае..., Вся моя жизнь сложилась так, а не иначе, не от среды, а от совсем другого.»

Вопросы для работы на заключительном занятии.

а) Как идейно – тематическое содержание произведения нашло выражение в его заглавии? Сопоставьте вариант заглавий рассказа Л.Н. Толстого: «Дочь и отец», «Рассказ о балле», «Сквозь строй», «После бала». Предположительно назовите причины, по которым были отвергнуты первые варианты и отдано предпочтение окончательному варианту.

б) Контрастность языковых средств в описании этих событий проследите, сделав в рабочих тетрадях «параллельные» записи.

Сцена бала

Сцена наказания

Музыка (какая?)	музыка (какая?)
Цветовая гамма (освещение, одежда участников событий)	
Настроение, чувства рассказчика (например)	
Счастье, восторг	ужас, тоска.

в) Аргументируйте контрастность группировки действующих лиц в двух основных эпизодах: кто в центре внимания в первом эпизоде? Во втором? Как раскрывается отношение Ивана Васильевича к полковнику в том и в другом случае?

2. Известный методист Рыбникова при изучении рассказа предлагает такую форму работы: составьте план каждой из двух частей, а затем сравнить и пересказать соответствующие друг другу контрастные эпизоды и сравнения.

Выполните это задание, используя план, предложенный в работе Рыбниковой:

Счастливым бал	1. Сквозь строй
Варенька	2. Наказуемый
Танцы	3. Описание наказания
Полковник	4. Полковник
Чувства счастья	5. Чувства стыда.

4. Сделайте вывод: с какой целью Л. Толстой использует прием антитезы. Какова идейно-художественная нагрузка антитезы:

в характеристике образов персонажей (Иван Васильевич, полковник)

в эмоциональном воздействии рассказа Иван Васильевич на слушателей.

в раскрытии идейно-тематического содержания рассказа.

IV. Темы для письменных работ:

«Счастье мое все росло и росло».

«А между тем на сердце была почти физическая, доходившая до тошноты тоска».

V. Тема для диспута:

Что во взглядах Ивана Васильевича представляется для нас неприемлемым, вызывает желание поспорить.

А. П. Чехов

(1860 – 1904)

Антон Павлович Чехов – великий русский писатель, драматург. Родился в Таганроге в семье купца.

Окончив гимназию в Таганроге в 1879 г., поступил на медицинский факультет московского университета, получив звание уездного врача, Чехов начал заниматься врачебной практикой

Рассказы А.П. Чехова были впервые изданы книгой в 1884 году «Сказки Мельпомены», за ней последовали «Пестрые рассказы», «Скупая история».

В 1890 г. Чехов предпринял поездку на остров Сахалин, оставившую глубокий след в его творчестве. Произведения Чехова «В ссылке», «Остров Сахалин», «Палата №6» отражают его впечатления о поездке.

Рассказы Чехова отличаются лаконической повествовательностью и простотой сюжета, где за внешне незначительными событиями скрыто глубокое содержание.

В рассказах «Крыжовник» и «Дама с собачкой» ставится вопрос о нравственном долге человека перед собой и современниками.

А.П.Чехов работал и в жанре драмы. Он написал пьесы, которые и по сей день не сходят со сцен театров: «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад».

Умер А.П.Чехов в Германии, куда уехал на лечение. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

А.П. Чехов **«КРЫЖОВНИК»**

Еще с раннего утра все небо обложили дождевые тучи; было тихо, не жарко и скучно, как бывает в серые пасмурные дни, когда над полем давно уже нависли тучи, ждешь дождя, а его нет. Ветеринарный врач Иван Иванович и учитель гимназии Буркин уже утомились идти, и поле представлялось им бесконечным. Далеко впереди еле были видны ветряные мельницы села Мироносицкого, справа тянулся и потом исчезал далеко за селом ряд холмов, и оба они знали, что это берег реки, там луга, зеленые ивы, усадьбы, и если стать на один из холмов, то оттуда видно такое же громадное поле, телеграф и поезд, который издали похож на ползущую гусеницу, а в ясную погоду оттуда бывает виден даже город. Теперь, в тихую погоду, когда вся природа казалась кроткой* и задумчивой, Иван Иванович и Буркин были проникнуты любовью к этому полю, и оба думали о том, как велика, как прекрасна эта страна.

— В прошлый раз, когда мы были в сарае у старосты Прокофия, — сказал Буркин, — вы собирались рассказать какую-то историю.

— Да, я хотел тогда рассказать про своего брата.

Иван Иваныч протяжно вздохнул и закурил трубочку, чтобы начать рассказывать, но как раз в это время пошел дождь. И минут через пять лил уже сильный дождь, обложной*, и трудно было предвидеть, когда он кончится. Иван Иваныч и Буркин остановились в раздумье; собаки, уже мокрые, стояли, поджав хвосты, и смотрели на них с умилением.

— Нам нужно укрыться куда-нибудь, — сказал Буркин.

— Пойдемте к Алехину. Тут близко.

— Пойдемте.

Они свернули в сторону и шли все по скошенному полю, то прямо, то забирая направо, пока не вышли на дорогу. Скоро показались тополи, сад, потом красные крыши амбаров; заблестела река, и открылся вид на широкий плес с мельницей и белой купальней. Это было Софьино, где жил Алехин.

Мельница работала, заглушая шум дождя; плотина дрожала. Тут около телег стояли мокрые лошади, понутив* головы, и ходили люди, накрывшись мешками. Было сыро, грязно, неудобно, и вид у плеса был холодный, злой. Иван Иваныч и Буркин испытывали уже чувство мокроты, нечистоты, неудобства во всем теле, ноги отяжелели от грязи, и когда, пройдя плотину, они поднимались к господским амбарам, то молчали, точно сердились друг на друга.

В одном из амбаров шумела веялка; дверь была открыта и из нее валила пыль. На пороге стоял сам Алехин, мужчина лет сорока, высокий, полный, с длинными волосами, похожий больше на профессора или художника, чем на помещика. На нем была белая, давно не мытая рубаша с веревочным пояском, вместо брюк кальсоны, и на сапогах тоже налипли грязь и солома. Нос и глаза были черны от пыли. Он узнал Ивана Иваныча и Буркина и, по видимому, очень обрадовался.

— Пожалуйте, господа, в дом, — сказал он, улыбаясь.

— Я сейчас, сию минуту.

Дом был большой, двухэтажный. Алехин жил внизу, в двух комнатах со сводами и с маленькими окнами, где когда-то жили приказчики*; тут была обстановка простая, и пахло ржаным хлебом*, дешевою водкой и сбруей. Наверху же, в парадных комнатах, он бывал редко, только когда приезжали гости. Ивана Иваныча и Буркина встретила в доме горничная*, молодая женщина, такая красивая, что они оба разом остановились и поглядели друг на друга.

— Вы не можете себе представить, как я рад видеть вас, господа, — говорил Алехин, входя за ними в переднюю. — Вот не ожидал! Пелагея, — обратился он к горничной, — дайте гостям переодеться во что-нибудь. Да кстати и я переоденусь. Только надо сначала пойти помыться, а то я, кажется, с весны не мылся. Не хотите ли, господа, пойти в купальню, а тут пока приготовят.

Красивая Пелагея, такая деликатная* и на вид такая мягкая, принесла простыни и мыло, и Алехин с гостями пошел в купальню.

— Да, давно я уже не мылся, — говорил он, раздеваясь.

— Купальня у меня, как видите, хорошая, отец еще строил, но мыться как-то все некогда.

Он сел на ступеньке и намылил свои длинные волосы и шею, и вода около него стала коричневой.

— Да, признаюсь... — проговорил Иван Иваныч, значительно глядя на его голову.

— Давно я уже не мылся... — повторил Алехин конфузливо и еще раз намылился, и вода около него стала темно-синей, как чернила.

Иван Иваныч вышел наружу, бросился в воду с шумом и поплыл под дождем, широко взмахивая руками, и от него шли волны, и на волнах качались белые лилии; он доплыл до самой середины плеса и нырнул, и через минуту показался на другом месте и поплыл дальше, и все нырял, стараясь достать дна. «Ах, боже мой... — повторял он, наслаждаясь. — Ах, боже мой...» Доплыл до мельницы, о

чем-то поговорил там с мужиками и повернул назад, и на середине плеса* лег, подставляя свое лицо под дождь. Буркин и Алехин оделись и собрались уходить, а он все плавал и нырял.

— Ах, боже мой... — говорил он. — Ах, господи помилуй.

— Будет вам! — крикнул ему Буркин.

Вернулись в дом. И только когда в большой гостиной наверху зажгли лампу, и Буркин и Иван Иванович, одетые в шелковые халаты и теплые туфли, сидели в креслах, а сам Алехин, умытый, причесанный, в новом сюртуке, ходил по гостиной, видимо с наслаждением ощущая тепло, чистоту, сухое платье, легкую обувь, и когда красивая Пелагея, бесшумно ступая по ковру и мягко улыбаясь, подавала на подносе чай с вареньем, только тогда Иван Иванович приступил к рассказу, и казалось, что его слушали не одни только Буркин и Алехин, но также старые и молодые дамы и военные, спокойно и строго глядевшие из золотых рам.

— Нас два брата, — начал он, — я, Иван Иванович, и другой — Николай Иванович, года на два помоложе. Я пошел по ученой части, стал ветеринаром, а Николай уже с девятнадцати лет сидел в казенной палате. Наш отец Чимша-Гималайский был из кантонистов, но, выслужив офицерский чин, оставил нам потомственное дворянство и именьешко. После его смерти именьешко у нас оттягали за долги, но, как бы ни было, детство мы провели в деревне на воле. Мы, все равно как крестьянские дети, дни и ночи проводили в поле, в лесу, стерегли лошадей, драли лыко, ловили рыбу и прочее тому подобное... А вы знаете, кто хоть раз в жизни поймал ерша или видел осенью перелетных дроздов, как они в ясные, прохладные дни носятся стаями над деревней, тот уже не городской житель, и его до самой смерти будет потягивать на волю. Мой брат тосковал в казенной палате. Годы проходили, а он все сидел на одном месте, писал все те же бумаги и думал все об одном и том же, как в деревню. И эта тоска у него мало-

помалу вылилась в определенное желание, в мечту купить себе маленькую усадьбу где-нибудь на берегу реки или озера.

Он был добрый, кроткий человек, я любил его, но этому желанию запереть себя на всю жизнь в собственную усадьбу я никогда не сочувствовал. Принято говорить, что человеку нужно только три аршина земли. Но ведь три аршина нужны трупу, а не человеку. И говорят также теперь, что если наша интеллигенция имеет тяготение к земле и стремится в усадьбы, то это хорошо. Но ведь эти усадьбы те, же три аршина земли. Уходить из города, от борьбы, от житейского шума, уходить и прятаться у себя в усадьбе — это не жизнь, это эгоизм, лень, это своего рода монашество, но монашество без подвига. Человеку нужно три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог проявить все свойства и особенности свободного духа. Брат мой Николай, сидя у себя в канцелярии, мечтал о том, как он будет, есть свои собственные щи*, от которых идет такой вкусный запах по всему двору, есть на зеленой травке, спать на солнышке, сидеть по целым часам за воротами на лавочке и глядеть на поле и лес. Сельскохозяйственные книжки и всякие эти советы в календарях составляли его радость, любимую духовную пищу; он любил читать и газеты, но читал в них одни только объявления о том, что продаются столько-то десятин пашни* и луга с усадьбой, садом, мельницей, с проточными прудами*. И рисовались у него в голове дорожки в саду, цветы, фрукты, скворечни, караси в прудах и, знаете, всякая эта штука. Эти воображаемые картины были различны, смотря по объявлениям, которые попадались ему, но почему-то в каждой из них непременно был крыжовник. Ни одной усадьбы, ни одного поэтического угла он не мог себе представить без того, чтобы там не было крыжовника. — Деревенская жизнь имеет свои удобства, — говорил он, бывало.

— Сидишь на балконе, пьешь чай, а на пруде твои уточки плавают, пахнет так хорошо, и... и крыжовник растет.

Он чертил план своего имения, и всякий раз у него на плане выходило одно и то же: а) барский дом, б) людская, с) огород, d) крыжовник. Жил он скупой: недоедал, недопивал, одевался, бог знает как, словно нищий, и все копил и клал в банк. Страшно жадничал. Мне было больно глядеть на него, и я кое-что давал ему и посылал на праздниках, но он и это прятал. Уж коли задался человек идеей, то ничего не поделаешь.

Годы шли, перевели его в другую губернию, минуло ему уже сорок лет, а он все читал объявления в газетах и копил. Потом, слышу, женился. Все с тою же целью, чтобы купить себе усадьбу с крыжовником, он женился на старой, некрасивой вдове, без всякого чувства, а только потому, что у нее водились деньжонки. Он и с ней тоже жил скупой, держал ее впроголодь, а деньги ее положил в банк на свое имя. Раньше она была за почтмейстером и привыкла у него к пирогам и к наливкам, а у второго мужа и хлеба черного не видала вдоволь; стала чахнуть от такой жизни, да года через три взяла и отдала богу душу. И, конечно, брат мой ни одной минуты не подумал, что он виноват в ее смерти. Деньги, как водка, делают человека чужаком. У нас в городе умирал купец. Перед смертью приказал подать себе тарелку меду и съел все свои деньги и выигрышные билеты вместе с медом, чтобы никому не досталось. Как-то на вокзале я осматривал гурты, и в это время один барышник попал под локомотив, и ему отрезало ногу. Несем мы его в приемный покой, кровь льет — страшное дело, а он все просит, чтобы ногу его отыскивали, и все беспокоится: в сапоге на отрезанной ноге двадцать рублей, как бы не пропали. — Это вы уж из другой оперы, — сказал Буркин. — После смерти жены, — продолжал Иван Иванович, подумав полминуты, — брат мой стал высматривать себе имение. Конечно, хоть пять лет высмат-

ривай, но все же в конце концов ошибешься и купишь совсем не то, о чем мечтал.

Брат Николай через комиссионера, с переводом долга, купил сто двенадцать десятин с барским домом, с людской, с парком, но ни фруктового сада, ни крыжовника, ни прудов с уточками; была река, но вода в ней цветом как кофе, потому что по одну сторону имения кирпичный завод, а по другую — костопальный. Но мой Николай Иваныч мало печалился; он выписал себе двадцать кустов крыжовника, посадил и зажил помещиком. В прошлом году я поехал к нему проведать. Поеду, думаю, посмотрю, как и что там. В письмах своих брат называл свое имение так: Чумбароклова пустошь, Гималайское тож. Приехал я в «Гималайское тож» после полудня. Было жарко. Возле канавы, заборы, изгороди, понасажены рядами елки, — и не знаешь, как проехать во двор, куда поставить лошадь. Иду к дому, а навстречу мне рыжая собака, толстая, похожая на свинью. Хочется ей лаять, да лень. Вышла из кухни кухарка, голоногая, толстая, тоже похожая на свинью, и сказала, что барин отдыхает после обеда. Вхожу к брату, он сидит в постели, колени покрыты одеялом; постарел, располнел, обрюзг; щеки, нос и губы тянутся вперед, — того и гляди, хрюкнет в одеяло.

Мы обнялись и всплакнули от радости и от грустной мысли, что когда-то были молоды, а теперь оба седые, и умирать пора. Он оделся и повел меня показывать свое имение.

— Ну, как ты тут поживаешь? — спросил я. — Да, ничего, слава богу, живу хорошо.

Это уж был не прежний робкий бедняга-чиновник, а настоящий помещик, барин. Он уж обжился тут, привык и вошел во вкус; кушал много, в бане мылся, полнел, уже судился с обществом и с обоими заводами и очень обижался, когда мужики не называли его «ваше высокоблагородие». И о душе своей заботился солидно, по-барски, и добрые дела творил не просто, а с важностью. А какие добрые дела? Лечил мужиков от всех болезней содой и ка-

сторкой и в день своих именин служил среди деревни благодарственный молебен, а потом ставил полведра, думал, что так нужно. Ах, эти ужасные полведра! Сегодня толстый помещик тащит мужиков к земскому начальнику за потраву, а завтра, в торжественный день, ставит им полведра, а они пьют и кричат «ура», и пьяные кланяются ему в ноги. Перемена жизни к лучшему, сытость, праздность развивают в русском человеке самомнение, самое наглосе. Николай Иваныч, который когда-то в казенной палате боялся даже для себя лично иметь собственные взгляды, теперь говорил одни только истины, и таким тоном, точно министр: «Образование необходимо, но для народа оно преждевременно», «телесные наказания вообще вредны, но в некоторых случаях они полезны и незаменимы».

— Я знаю народ и умею с ним обращаться, — говорил он. — Меня народ любит. Стоит мне только пальцем шевельнуть, и для меня народ сделает все, что захочу.

И все это, заметьте, говорилось с умной, доброю улыбкой. Он раз двадцать повторил: «мы дворяне», «я как дворянин»; очевидно, уже не помнил, что дед наш был мужик, а отец — солдат. Даже наша фамилия Чимша-Гималайский в сущности несообразная, казалась ему теперь звучной, знатной и очень приятной.

Но дело не в нем, а во мне самом. Я хочу вам рассказать, какая перемена произошла во мне в эти немногие часы, пока я был в его усадьбе*. Вечером, когда мы пили чай, кухарка подала к столу полную тарелку крыжовнику. Это был не купленный, а свой собственный крыжовник, собранный в первый раз с тех пор, как были посажены кусты. Николай Иваныч засмеялся и минуту глядел на крыжовник молча, со слезами, — он не мог говорить от волнения, потом положил в рот одну ягоду, поглядел на меня с торжеством ребенка, который наконец получил свою любимую игрушку, и сказал:

— Как вкусно!

И он с жадностью ел и все повторял:

— Ах, как вкусно! Ты попробуй!

Было жестко и кисло, но, как сказал Пушкин, «тьмы истин нам дороже нас возвышающий обман». Я видел счастливого человека, заветная мечта которого осуществилась так очевидно, который достиг цели в жизни, получил то, что хотел, который был доволен своей судьбой, самим собой. К моим мыслям о человеческом счастье всегда почему-то примешивалось что-то грустное, теперь же, при виде счастливого человека, мною овладело тяжелое чувство, близкое к отчаянию. Особенно тяжело было ночью. Мне постлали постель в комнате рядом с спальней брата, и мне было слышно, как он не спал и как вставал и подходил к тарелке с крыжовником и брал по ягодке. Я соображал: как, в сущности, много довольных, счастливых людей! Какая это подавляющая сила! Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильных, невежество и скотоподобие слабых, кругом бедность невозможная, теснота, вырождение, пьянство, лицемерие*, вранье... Между тем во всех домах и на улицах тишина, спокойствие; из пятидесяти тысяч, живущих в городе, ни одного, который бы вскрикнул, громко возмутился. Мы видим тех, которые ходят на рынок за провизией*, днем едят, ночью спят, которые говорят свою чепуху, женятся, старятся, благодушно тащат на кладбище своих покойников; но мы не видим и не слышим тех, которые страдают, и то, что страшно в жизни, происходит где-то за кулисами. Все тихо, спокойно, и протестует одна только немая статистика:

столько-то с ума сошло, столько-то ведер выпито, столько-то детей погибло от недоедания.... И такой порядок, очевидно, нужен; очевидно, счастливый чувствует себя хорошо только потому, что несчастные несут свое бремя* молча, и без этого молчания счастье было бы невозможно. Это общий гипноз. Надо, чтобы за дверью каждого довольного, счастливого человека стоял кто-нибудь с молоточком и постоянно напоминал бы стуком, что есть несчастные, что, как бы он ни был счастлив, жизнь рано или поздно покажет ему свои когти, стрясется беда — болезнь, бедность, потери, и его никто не увидит и не услы-

шит, как теперь он не видит и не слышит других. Но человека с молоточком нет, счастливый живет себе, и мелкие житейские заботы волнуют его слегка, как ветер осину, — и все обстоит благополучно.

— В ту ночь мне стало понятно, как я тоже был доволен и счастлив, — продолжал Иван Иванович, вставая.

— Я тоже за обедом и на охоте поучал, как жить, как веровать, как управлять народом. Я тоже говорил, что ученье свет, что образование необходимо, но для простых людей пока довольно одной грамоты. Свобода есть благо, говорил я, без нее нельзя, как без воздуха, но надо подождать. Да, я говорил так, а теперь спрашиваю: во имя чего ждать? — спросил Иван Иванович, сердито глядя на Буркина.

— Во имя чего ждать, я вас спрашиваю? Во имя, каких соображений? Мне говорят, что не все сразу, всякая идея осуществляется в жизни постепенно, в свое время. Но кто это говорит? Где доказательства, что это справедливо? Вы ссылаетесь на естественный порядок вещей, на законность явлений, но есть ли порядок и законность в том, что я, живой, мыслящий человек, стою надо рвом* и жду, когда он зарастет сам или затянет его илом, в то время как, быть может, я мог бы перескочить через него или построить через него мост?

И опять-таки во имя чего ждать? Ждать, когда нет сил жить, а между тем жить нужно и хочется жить! Я уехал тогда от брата рано утром, и с тех пор для меня стало невыносимо бывать в городе. Меня угнетают тишина и спокойствие, я боюсь смотреть на окна, так как для меня теперь нет более тяжелого зрелища, как счастливое семейство, сидящее вокруг стола и пьющее чай. Я уже стар и не гоюсь для борьбы, я неспособен даже ненавидеть. Я только скорблю душевно, раздражаюсь, досаую, по ночам у меня горит голова от наплыва мыслей, и я не могу спать.... Ах, если б я был молод!

Иван Иванович прошелся в волнении из угла в угол и повторил:

— Если б я был молод! Он вдруг подошел к Алехину и стал пожимать ему то одну руку, то другую.

— Павел Константиныч! — проговорил он умоляющим голосом. — Не успокаивайтесь, не давайте усыплять себя! Пока молоды, сильны, бодры, не уставайте делать добро! Счастья нет и не должно быть, а если в жизни есть смысл и цель, то смысл этот и цель вовсе не в нашем счастье, а в чем-то более разумном и великом. Делайте добро!

И все это Иван Иванович проговорил с жалкой, просящею улыбкой, как будто просил лично для себя.

Потом все трое сидели в креслах, в разных концах гостиной, и молчали. Рассказ Ивана Ивановича не удовлетворил ни Буркина, ни Алехина. Когда из золотых рам глядели генералы и дамы, которые в сумерках казались живыми, слушать рассказ про беднягу чиновника, который ел крыжовник, было скучно. Хотелось почему-то говорить и слушать про изящных людей, про женщин. И то, что они сидели в гостиной, где все — и люстра в чехле, и кресла, и ковры под ногами — говорило, что здесь когда-то ходили, сидели, пили чай вот эти самые люди, которые глядели теперь из рам, и то, что здесь теперь бесшумно ходила красивая Пелагея, — это было лучше всяких рассказов.

Алехину сильно хотелось спать; он встал по хозяйству рано, в третьем часу утра, и теперь у него слипались глаза, но он боялся, как бы гости не стали без него рассказывать что-нибудь интересное, и не уходил. Умно ли, справедливо ли было то, что только что говорил Иван Иванович, он не вникал; гости, говорили не о крупе, не о сене, не о дегте, а о чем-то, что не имело прямого отношения к его жизни, и он был рад и хотел, чтобы они продолжали...

— Однако пора спать, — сказал Буркин, поднимаясь.

— Позвольте пожелать вам спокойной ночи. Алехин простился и ушел к себе вниз, а гости остались наверху. Им обоим отвели на ночь большую комнату, где стояли две старые деревянные кровати с резными украшениями и в углу было распятие из слоновой кости; от их постелей,

широких, прохладных, которые постилала красивая Пелагея, приятно пахло свежим бельем.

Иван Иванович молча разделся и лег.

— Господи, прости нас грешных! — проговорил он и укрылся с головой.

От его трубочки, лежавшей на столе, сильно пахло табачным перегаром, и Буркин долго не спал и все никак не мог понять, откуда этот тяжелый запах.

Дождь стучал в окна всю ночь.

Вопросы и задания

1. Составьте план рассказа «Крыжовник».
2. Подготовьте пересказ истории жизни Николая Ивановича, выделив «этапы» на пути к осуществлению мечты. В чем для него воплощен идеал жизни?
3. Проследите, как А. Чехов мотивирует желание Николая Ивановича иметь «усадебку». Есть ли что-нибудь противоестественное в этом желании? Имеет ли человек право на материальное благополучие?
4. Как с приобретением имения изменился внутренний мир и внешний облик Николая Ивановича?
5. Какая художественная деталь подчеркивает «скотоподобие» Николая Ивановича.
6. Проследите в тексте, как с приобретением «усадыбы» изменилась речь, манера говорить и образ мысли героя рассказа.
7. Какую роль в создании образа Николая Ивановича играют такие художественные средства как портрет, речь героя. Приведите примеры, раскрыв реалистический характер изобразительных языковых средств, использованных писателем?
8. Каким человеком вам представляется Иван Иванович? Чем отличается он от своего брата, от Буркина, Алехина?

9. Чем мотивирована тревога Ивана Ивановича за брата, который добился осуществления мечты и «счастья». Что его возмущает в «счастливых людях».

Вопросы и задания для работы на заключительных занятиях.

1. Определите тему рассказа?
2. Проследите, как автор готовит читателя к восприятию этого главного события. Проанализируйте:
 - а) эпизод встречи с Алехиным;
 - б) рассказ о барышнике и купце;
3. Какие эпизоды в рассказе подготавливают вывод, что Николай Иванович не чужак, не исключительное явление, а в его судьбе проступает закономерность того, что делают с человеком деньги, собственность?
4. Можно ли утверждать, что среда, в которой жил Николай Иванович, повлияла на формирование его характера, его жизненного идеала?
5. Раскройте значение заглавия рассказа «Крыжовник». Можно ли считать «Крыжовник» как воплощение реализованной мечты- (Николая Ивановича)
6. Обращаясь к тексту, покажите:
 - а) как через деталь раскрывается мелкое обывательское самодовольство героя;
 - б) какую роль эта деталь сыграла в зарождении тревоги у Ивана Ильича;
 - в) Почему такой пустяк, как крыжовник, мог вызвать значительные социально - философские размышления?
7. Как воспринял Иван Иванович историю брата? Это единичный факт или воплощение жизненного явления, вызывающего у него тревогу?
8. К какому выводу приходит Иван Иванович? Прокомментируйте его слова, в которых звучит призыв к действию.

9. В чем драматизм рассказа? Затронула ли история Ивана Ивановича слушателей? Можно ли Буркина и Алехина считать людьми, равнодушными, черствыми? Аргументируйте свою точку зрения, опираясь на текст.
10. В черновике рассказ кончался фразой: «Крыжовник был кислым. Как глупо. Как глупо, сказал чиновник и умер». В окончательном варианте нет физической смерти героя. «Я видел счастливого человека», - утверждает рассказчик, почему автор изменил финал в последнем варианте? Покажите, как усилился драматизм рассказа от «благополучного конца».
11. Определите идею рассказа.
12. Как называется общественная болезнь, психологический механизм, который раскрыл Чехов. В чем ее опасность?
13. Письменная работа: Выпишите и проанализируйте описание усадьбы Николая Ивановича. Покажите, как автор при помощи языковых средств характеризует позицию автора – его неприятие образа жизни владельца усадьбы.
14. Тема для диспута: «Счастье мнимое и подлинное».

«ДАМА С СОБАЧКОЙ»

Говорили, что на набережной появилось новое лицо: дама с собачкой.

Дмитрий Дмитрич Гуров, проживший в Ялте уже две недели и привыкший тут, тоже стал интересоваться новыми лицами. Сидя в павильоне* у Верне, он видел, как по набережной прошла молодая дама, невысокого роста блондинка, в берете; за нею бежал белый шпиц.

И потом он встречал ее в городском саду и на сквере, по несколько раз в день.

Она гуляла одна, все в том же берете, с белым шпичем; никто не знал, кто она, и называли ее просто так: дама с собачкой.

"Если она здесь без мужа и без знакомых", - соображал Гуров, - то было бы не лишнее познакомиться с ней".

Ему не было еще сорока, но у него была уже дочь двенадцати лет и два сына гимназиста. Его женили рано, когда он был еще студентом второго курса, и теперь жена казалась в полтора раза старше его. Это была женщина высокая, с темными бровями, прямая, важная, солидная и, как она сама себя называла, мыслящая. Она много читала, не писала в письмах "ъ", называла мужа не Дмитрием, а Димитрием, а он втайне считал ее недалекой, узкой, неизящной, боялся ее и не любил бывать дома. Изменять ей он начал уже давно, изменял часто и, вероятно, поэтому о женщинах отзывался почти всегда дурно, и когда в его присутствии говорили о них, то он называл их так:

- Низшая раса!

Ему казалось, что он достаточно научен горьким опытом, чтобы называть их как угодно, но все же без "низшей расы" он не мог бы прожить и двух дней.

В обществе мужчин ему было скучно, не по себе, с ними он был неразговорчив, холоден, но когда находился среди женщин, то чувствовал себя свободно изнал, о чем говорить с ними и как держать себя; и даже молчать с ними ему было легко. В его наружности, в характере, во всей его натуре было что-то привлекательное, неуловимое, что располагало к нему женщин, манило* их; он знал об этом, и самого его тоже какая-то сила влекла к ним.

Опыт многократный, в самом деле горький опыт, научил его давно, что всякое сближение, которое вначале так приятно разнообразит жизнь и представляется милым и легким приключением, у порядочных людей, особенно у москвичей, тяжелых на подъем, нерешитель-

ных, неизбежно вырастает в целую задачу, сложную чрезвычайно, и положение в конце концов становится тягостным. Но при всякой новой встрече с интересною женщиной, этот опыт как-то ускользал из памяти, и хотелось жить, и все казалось так просто и забавно.

И вот однажды, под вечер, он обедал в саду, а дама в берете*, подходила не спеша, чтобы занять соседний стол. Ее выражение, походка, платье, прическа говорили ему, что она из порядочного общества, замужем, в Ялте в первый раз и одна, что ей скучно здесь... В рассказах о нечистоте местных нравов много неправды, он презирал их и знал, что такие рассказы в большинстве сочиняются людьми, которые сами бы охотно грешили, если б умели; но когда дама села за соседний стол в трех шагах от него, ему вспомнились эти рассказы о легких победах, о поездках в горы, и соблазнительная мысль* о скорой, мимолетной связи, о романе с неизвестною женщиной, которой не знаешь по имени и фамилии, вдруг овладела им. Он ласково поманил к себе шпица и, когда тот подошел, погрозил ему пальцем. Шпиц заворчал. Гуров опять погрозил.

Дама взглянула на него и тотчас же опустила глаза.

- Он не кусается, - сказала она и покраснела.

- Можно дать ему кость? - и когда она утвердительно кивнула головой, он спросил приветливо: - Вы давно изволили приехать в Ялту?

- Дней пять.

- А я уже дотягиваю здесь вторую неделю.

Помолчали немного.

- Время идет быстро, а между тем здесь такая скука! - сказала она, не глядя на него.

- Это только принято говорить, что здесь скучно. Обыватель живет у себя где-нибудь в Белеве или Жиздре - и ему не скучно, а приедет сюда: "Ах, скучно! ах, пыль!" Подумаешь, что он из Гренады приехал.

Она засмеялась. Потом оба продолжали есть молча, как незнакомые;

но после обеда пошли рядом - и начался шутливый, легкий разговор людей свободных, довольных, которым все равно, куда бы ни идти, о чем ни говорить. Они гуляли и говорили о том, как странно освещено море;

вода была сиреневого цвета, такого мягкого и тепло-го, и по ней от луны шла золотая полоса. Говорили о том, как душно после жаркого дня. Гуров рассказал, что он москвич, по образованию филолог, но служит в банке;

готовился когда-то петь в частной опере, но бросил, имеет в Москве два дома... А от нее он узнал, что она выросла в Петербурге, но вышла замуж в С., где живет уже два года, что пробудет она в Ялте еще с месяц и за ней, быть может, приедет ее муж, которому тоже хочется отдохнуть. Она никак не могла объяснить, где служит ее муж, - в губернском правлении* или в губернской земской управе*, и это ей самой было смешно. И узнал еще Гуров, что ее зовут Анной Сергеевной.

Потом у себя в номере он думал о ней, о том, что завтра она, наверное, встретится с ним. Так должно быть. Ложась спать, он вспомнил, что она еще так недавно была институткой*, училась все равно как теперь его дочь, вспомнил, сколько еще несмелости, угловатости было в ее смехе, в разговоре с незнакомым, - должно быть, это первый раз в жизни она была одна, в такой обстановке, когда за ней ходят и на нее смотрят, и говорят с ней только с одною тайною целью, о которой она не может не догадываться. Вспомнил он ее тонкую, слабую шею, красивые серые глаза.

"Что-то в ней есть жалкое все-таки", - подумал он и стал засыпать.

2

Прошла неделя после знакомства. Был праздничный день. В комнатах было душно, а на улицах вихрем носилась пыль, срывало шляпы. Весь день хотелось пить, и Гуров часто заходил в павильон и предлагал Анне Серге-

евне то воды с сиропом, то мороженого. Некуда было деваться.

Вечером, когда немного утихло, они пошли на мол*, чтобы посмотреть, как придет пароход. На пристани было много гуляющих; собрались встречать кого-то, держали букеты. И тут отчетливо бросались в глаза две особенности нарядной ялтинской толпы: пожилые дамы были одеты как молодые и было много генералов.

По случаю волнения на море пароход пришел поздно, когда уже село солнце, и, прежде чем пристать к молу, долго поворачивался. Анна Сергеевна смотрела в лорнетку* на пароход и на пассажиров, как бы отыскивая знакомых, и когда обращалась к Гурову, то глаза у нее блестели. Она много говорила, и вопросы у нее были отрывисты, и она сама тотчас же забывала, о чем спрашивала; потом потеряла в толпе лорнетку.

Вопросы и задания

1. Подготовьте пересказ «Предыстория героя; что узнает читатель из авторской характеристики о молодости Гурова, его семье. Где служит Гуров. Всего ли достиг Гуров, чего мог достичь»?

2. Объясните, с какой целью дан портрет жены Гурова. Связано ли это с характеристикой его отношения к женщинам?

3. «Ему казалось, что он достаточно научен горьким опытом...» - обратите внимание на слово «казалось». Раскройте его значение (сравнительно с глаголами: знал, полагал, думал). Это слово в авторской характеристике персонажа будет повторяться.

4. Почему другое действующее лицо рассказа неоднократно названо в первой главе «дама», «дама с собачкой» и только в конце вскользь упомянуто ее имя Анна Сергеевна?

5. Выпишите детали портретной характеристики Анны Сергеевны. Определите ее эмоционально – оценочную роль.

6. Почему Гуров обратил внимание на новое лицо? Прокомментируйте его суждения, деловитость в оценке и своего и его поведения.

2

Анна Сергеевна уже молчала и нюхала цветы, не глядя на Гурова.

- Погода к вечеру стала получше, - сказал он.

- Куда же мы теперь пойдем? Не поехать ли нам куда-нибудь?

Она ничего не ответила.

Тогда он пристально посмотрел на нее и вдруг обнял ее и поцеловал в губы, и его обдало запахом и влагой цветов, и тотчас же он пугливо огляделся: не видел ли кто?

- Пойдемте к вам... - проговорил он тихо.

И оба пошли быстро.

У нее в номере было душно, пахло духами, которые она купила в японском магазине. Гуров, глядя на нее теперь, думал: "Каких только не бывает в жизни встреч!" От прошлого у него сохранилось воспоминание о беззаботных, добродушных женщинах, веселых от любви, благодарных ему за счастье, хотя бы очень короткое; и о таких, - как, например, его жена, - которые любили без искренности, с излишними разговорами, манерно, с истерией, с таким выражением, как будто то была не любовь, не страсть, а что-то более значительное; и о таких двух-трех, очень красивых, холодных, у которых вдруг промелькало на лице хищное выражение, упрямое желание взять, выхватить у жизни больше, чем она может дать, и это были не первой молодости, капризные, не рассуждающие, властные, не умные женщины, и когда Гуров охладевал к ним, то красота их возбуждала в нем нена-

висть, и кружева на их белье казались тогда похожими на чешую*.

Но тут все та же несмелость, угловатость* неопытной молодости, неловкое чувство; и было впечатление растерянности, как будто кто вдруг постучал в дверь. Анна Сергеевна, эта "дама с собачкой", к тому, что произошло, отнеслась как-то особенно, очень серьезно, точно к своему падению, - так казалось, и это было странно и некстати. У нее опустились, завяли черты и по сторонам лица печально висели длинные волосы, она задумалась в унылой позе, точно грешница на старинной картине.

- Нехорошо, - сказала она. - Вы же первый меня не уважаете теперь.

На столе в номере был арбуз. Гуров отрезал себе ломоть и стал есть не спеша. Прошло, по крайней мере полчаса в молчании.

Анна Сергеевна была трогательна, от нее веяло чистотой порядочной, наивной, мало жившей женщины; одинокая свеча, горевшая на столе, едва освещала ее лицо, но было видно, что у нее нехорошо на душе.

- Отчего бы я мог перестать уважать тебя? - спросил Гуров. - Ты сама не знаешь, что говоришь.

- Пусть бог меня простит! - сказала она, и глаза у нее наполнились слезами. - Это ужасно.

- Ты точно оправдываешься.

- Чем мне оправдаться? Я дурная, низкая женщина, я себя презираю и об оправдании не думаю. Я не мужа обманула, а самое себя. И не сейчас только, а уже давно обманываю. Мой муж, быть может, честный, хороший человек, но ведь он лакей*! Я не знаю, что он делает там, как служит, я знаю только, что он лакей. Мне, когда я вышла за него, было двадцать лет, меня томило любопытство, мне хотелось чего-нибудь получше; ведь есть же, - говорила я себе, - другая жизнь. Хотелось пожить! Пожить и пожить...

Любопытство меня жгло... вы этого не понимаете, но, клянусь богом, я уже не могла владеть собой, со мной

что-то делалось, меня нельзя было удержать, я сказала мужу, что больна, и поехала сюда... И здесь все ходила, как в угаре*, как безумная... и вот я стала пошлой, дрянной женщиной, которую всякий может презирать.

Гурову было уже скучно слушать, его раздражал наивный тон, это покаяние, такое неожиданное и неуместное; если бы не слезы на глазах, то можно было бы подумать, что она шутит или играет роль.

- Я не понимаю, - сказал он тихо, - что же ты хочешь?

Она спрятала голову у него на груди и прижалась к нему.

- Верьте, верьте мне, умоляю вас... - говорила она. - Я люблю честную, чистую жизнь, а грех* мне гадов, я сама не знаю, что делаю. Простые люди говорят: нечистый попутал*.

И я могу теперь про себя сказать, что меня попутал нечистый.

- Полно, полно... - бормотал он.

Он смотрел ей в неподвижные, испуганные глаза, целовал ее, говорил тихо и ласково, и она понемногу успокоилась, и веселость вернулась к ней; стали оба смеяться.

Потом, когда они вышли, на набережной не было ни души, город со своими кипарисами имел совсем мертвый вид, но море еще шумело и билось о берег; один баркас* качался на волнах, и на нем сонно мерцал фонарик. Нашли извозчика и поехали в Ореанду.

- Я сейчас внизу в передней узнал твою фамилию: на доске написано фон Дидерич, - сказал Гуров. - Твой муж немец?

- Нет, у него, кажется, дед был немец, но сам он православный.

В Ореанде* сидели на скамье, недалеко от церкви, смотрели вниз на море и молчали. Ялта была едва видна сквозь утренний туман, на вершинах гор неподвижно стояли белые облака. Листва не шевелилась на деревьях, кричали цикады* и однообразный, глухой шум моря, доносившийся снизу, говорил о покое, о вечном сне, какой

ожидает нас. Так шумело внизу, когда еще тут не было ни Ялты, ни Ореанды, теперь шумит и будет шуметь так же равнодушно и глухо, когда нас не будет. И в этом постоянстве, в полном равнодушии к жизни и смерти каждого из нас кроется, быть может, залог нашего вечного спасения, непрерывного движения жизни на земле, непрерывного совершенства. Сидя рядом с молодой женщиной, которая на рассвете казалась такой красивой, успокоенный и очарованный в виду этой сказочной обстановки - моря, гор, облаков, широкого неба, Гуров думал о том, как, в сущности, если вдуматься, все прекрасно на этом свете, все, кроме того, что мы сами мыслим и делаем, когда забываем о высших целях бытия, о своем человеческом достоинстве.

Подошел какой-то человек - должно быть, сторож, - посмотрел на них и ушел. И эта подробность показалась такой таинственной и тоже красивой. Видно было, как пришел пароход из Феодосии, освещенный утренней зарей, уже без огней.

- Роса на траве, - сказала Анна Сергеевна после молчания.

- Да. Пора домой.

Они вернулись в город.

Потом каждый полдень они встречались на набережной, завтракали вместе, обедали, гуляли, восхищались морем. Она жаловалась, что дурно спит и что у нее тревожно бьется сердце, задавала все одни и те же вопросы, волнуемая то ревностью, то страхом, что он недостаточно ее уважает.

И часто на сквере в саду, когда вблизи их никого не было, он вдруг привлекал ее к себе и целовал страстно. Совершенная праздность, эти поцелуи среди белого дня, с оглядкой и страхом, как бы кто не увидел, жара, запах моря и постоянное мелькание перед глазами праздных, нарядных, сытых людей точно переродили его: он говорил Анне Сергеевне о том, как она хороша, как соблазнительна, был нетерпеливо страстен, не отходил от нее ни

на шаг, а она часто задумывалась и все просила его сознаться, что он ее не уважает, нисколько не любит, а только видит в ней пошлую женщину. Почти каждый вечер попозже они уезжали куда-нибудь за город, в Ореанду или на водопад; и прогулка удавалась, впечатления неизменно всякий раз были прекрасны, величавы. Ждали, что приедет муж. Но пришло от него письмо, в котором он извещал, что у него разболелись глаза, и умолял жену поскорее вернуться домой. Анна Сергеевна заторопилась.

- Это хорошо, что я уезжаю, - говорила она Гурову.

- Это сама судьба. Она поехала на лошадях, и он провожал ее. Ехали целый день. Когда она садилась, в вагон курьерского поезда и когда пробил второй звонок, она говорила:

- Дайте, я погляжу на вас еще... Погляжу еще раз. Вот так.

Она не плакала, но была грустна, точно больна, и лицо у нее дрожало.

- Я буду о вас думать... вспоминать, - говорила она. - Господь с вами, оставайтесь. Не поминайте лихом. Мы навсегда прощаемся, это так нужно, потому что не следовало бы вовсе встречаться. Ну, господь с вами.

Поезд ушел быстро, его огни скоро исчезли, и через минуту уже не было слышно шума, точно все сговорилось нарочно, чтобы прекратить поскорее это сладкое забытие, это безумие. И, оставшись один на платформе и глядя в темную даль, Гуров слушал крик кузнечиков, и гудение телеграфных проволок с таким чувством, как будто только что проснулся. И он думал о том, что вот в его жизни было еще одно похождение или приключение, и оно тоже уже кончилось, и осталось теперь воспоминание*... Он был растроган, грустен и испытывал легкое раскаяние; ведь эта молодая женщина, с которой он больше уже никогда не увидится, не была с ним счастлива; он был приветлив с ней и сердечен, но все же в обращении с ней, в его тоне и ласках сквозила тенью легкая

насмешка, грубоватое высокомерие* счастливого мужчины, который к тому же почти вдвое старше ее. Все время она называла его добрым, необыкновенным, возвышенным; очевидно, он казался ей не тем, чем был на самом деле, значит, невольно обманывал ее...

Здесь на станции уже пахло осенью, вечер был прохладный.

"Пора и мне на север, - думал Гуров, уходя с платформы. - Пора!"

Вопросы и задания

1. Преимущественное внимание автора в этой главе уделено Анне Сергеевне. Через конкретные наблюдения попытайтесь выявить чеховские способы раскрытия характера:

а) Как проявляется взволнованность, необычное возбуждение Анны Сергеевны во время прогулки на мол? Прокомментируйте языковые изобразительные средства (преимущественное использование глагольных форм).

б) Как возникает (в восприятии Гурова) ее сопоставление с другими женщинами. Прокомментируйте текст, обратив внимание на метафору – «как будто кто-то вдруг постучал в дверь».

в) Какими средствами автор характеризует отношение героини к случившемуся? Объясните: детали портрета – «завяли черты»...; речь – синтаксические средства передачи взволнованности и растерянности; поиски мотивов поступка – раскаяние, рассказ (подчеркните: «ведь есть же другая жизнь...»).

г) Найдите в тексте, прокомментируйте, как реагирует на ее слова Гуров. Вывод (раскройте тезис) – основной способ раскрытия характера – контрастный:

Анна Сергеевна – другие женщины (оценка Гурова)

Анна Сергеевна – Гуров (оценка автора).

2. Как пейзаж помогает понять состояние героев? Прокомментируйте текст, философский план раздумий Гурова, переоценка ценностей. Почему для писателя важно было, убрать бытовой фон, оставить героев наедине с природой?

3. Обратите внимание, что в этом эпизоде размышления, как будто бы принадлежащие герою, в тексте предстают как прямое слово повествователя. Причем это «вторжение» повествователя не мотивируется, оно условно. Здесь впервые «наружу» прорывается конкретная мысль рассказа: красота – не призрак, а зерно жизни, ее основа, скрытая, пробивающаяся сквозь обыденность окружающего.

4. Можно ли по описанию последующих встреч Гурова и Анны Сергеевны сказать, что их отношения вышли за пределы «обычного курортного романа»?

5. Каков Гуров в представлении Анны Сергеевны? Можно ли сказать, что она «придумала» его?

6. Осознает ли Анна Сергеевна серьезность возникшего чувства?

7. Что испытывает Гуров после отъезда Анны Сергеевны? Можно ли считать, что в его душе произошел какой-то перелом? Прокомментируйте: «... очевидно, он казался ей не тем, кем был на самом деле, значит, невольно обманывал ее... ».

3

Дома в Москве уже все было по-зимнему, топили печи и по утрам, когда дети собирались в гимназию и пили чай, было темно, и няня ненадолго зажигала огонь. Уже начались морозы. Когда идет первый снег, в первый день езды на санях, приятно видеть белую землю, белые крыши, дышится мягко, славно, и в это время вспоминаются юные годы. У старых лип и берез, белых от инея, добродушное выражение, они ближе к сердцу, чем кипарисы и пальмы, и вблизи них уже не хочется думать о горах и море.

Гуров был москвич, вернулся он в Москву в хороший, морозный день, и когда надел шубу и теплые перчатки и прошелся по Петровке и когда в субботу вечером услышал звон колоколов, то недавняя поездка и места, в которых он был, утеряли для него все очарование. Мало-помалу он окунулся в московскую жизнь, уже с жадностью прочитывал по три газеты в день и говорил, что не читает московских газет из принципа. Его уже тянуло в рестораны, клубы, на званые обеды, юбилеи, и уже ему было лестно, что у него бывают известные адвокаты и артисты и что в Докторском клубе он играет в карты с профессором.

Уже он мог съесть целую порцию селянки* на сковороде...

Пройдет какой-нибудь месяц, и Анна Сергеевна, казалось ему, покроется в памяти туманом, и только изредка будет сниться с трогательной улыбкой, как снились другие. Но прошло больше месяца, наступила глубокая зима, а в памяти все было ясно, точно расстался он с Анной Сергеевной только вчера. И воспоминания разгорались все сильнее. Доносились ли в вечерней тишине в его кабинет голоса детей, приготовлявших уроки, слышал ли он романс, или орган* в ресторане, или завывала в камине* метель, как вдруг воскресало в памяти все: и то, что было на молу, и раннее утро с туманом на горах, и пароход из Феодосии, и поцелуи. Он долго ходил по комнате, и вспоминал, и улыбался, и потом воспоминания переходили в мечты, и прошедшее в воображении мешалось с тем, что будет. Анна Сергеевна не снилась ему, а шла за ним всюду, как тень, и следила за ним. Закрывши глаза, он видел ее, как живую, и она казалась красивее, моложе, нежнее, чем была; и сам он казался себе лучше, чем был тогда, в Ялте. Она по вечерам глядела на него из книжного шкафа, из камина, из угла, он слышал ее дыхание, ласковый шорох ее одежды. На улице он провожал взглядом женщин, искал, нет ли похожей на нее... И уже томило сильное желание поделиться с кем-нибудь свои-

ми воспоминаниями. Но дома нельзя было говорить о своей любви, а вне дома - не с кем. Не с жильцами же и не в банке. И о чем говорить? Разве он любил тогда? Разве было что-нибудь красивое, поэтическое, или поучительное, или просто интересное в его отношениях к Анне Сергеевне? И приходилось говорить неопределенно о любви, о женщинах, и никто не догадывался, в чем дело, и только жена шевелила своими темными бровями и говорила:

- Тебе, Дмитрий, совсем не идет роль фата*.

Однажды ночью, выходя из Докторского клуба со своим партнером, чиновником, он не удержался и сказал:

- Если б вы знали, с какой очаровательной женщиной я познакомился в Ялте!

Чиновник сел в сани и поехал, но вдруг обернулся и окликнул:

- Дмитрий Дмитрич!

- Что?

- А давеча вы были правы: осетрина-то с душком*!

Эти слова, такие обычные, почему-то вдруг возмутили Гурова, показались ему унижительными, нечистыми. Какие дикие нравы, какие лица! Что за бестолковые ночи, какие неинтересные, незаметные дни! Неистовая игра в карты, обжорство, пьянство, постоянные разговоры все об одном. Ненужные дела и разговоры все об одном охватывают на свою долю лучшую часть времени, лучшие силы, и в конце концов остается какая-то куца*, бескрылая жизнь*, какая-то чепуха, и уйти и бежать нельзя, точно сидишь в сумасшедшем доме или в арестантских ротах! Гуров не спал всю ночь и возмущался, и затем весь день провел с головной болью. И в следующие ночи он спал дурно, все сидел в постели и думал или ходил из угла в угол. Дети ему надоели, банк надоел, не хотелось никуда идти, ни о чем говорить.

В декабре на праздниках он собрался в дорогу и сказал жене, что уезжает в Петербург хлопотать за одного молодого человека - и уехал в С. Зачем? Он и сам не знал

хорошо. Ему хотелось повидаться с Анной Сергеевной и поговорить, устроить свидание, если можно.

Приехал он в С. утром и занял в гостинице лучший номер, где весь пол был обтянут серым солдатским сукном, и была на столе чернильница, серая от пыли, со всадником на лошади, у которого была поднята рука со шляпой, а голова отбита. Швейцар дал ему нужные сведения: фон Дидериц живет на Старо-Гончарной улице, в собственном доме, - это недалеко от гостиницы, живет хорошо, богато, имеет своих лошадей, его все знают в городе. Швейцар выговаривал так: Дрыдыриц. Гуров не спеша пошел на Старо-Гончарную, отыскал дом. Как раз против дома тянулся забор, серый, длинный, с гвоздями.

"От такого забора убежишь", - думал Гуров, поглядывая то на окна, то на забор.

Он соображал: сегодня день неприсутственный*, и муж, вероятно, дома. Да и все равно, было бы бестактно войти в дом и смутить. Если же послать записку, то она, пожалуй, попадет в руки мужу, и тогда все можно испортить. Лучше всего положиться на случай. И он все ходил по улице и около забора и поджидал этого случая. Он видел, как в ворота вошел нищий и на него напали собаки, потом, час спустя, слышал игру на рояле, и звуки доносились слабые, неясные. Должно быть, Анна Сергеевна играла. Парадная дверь вдруг отворилась и из нее вышла какая-то старушка, а за нею бежал знакомый шпиц. Гуров хотел позвать собаку, но у него вдруг забило сердце, и он от волнения не мог вспомнить, как зовут шпица. Он ходил, и все больше и больше ненавидел серый забор, и уже думал с раздражением, что Анна Сергеевна забыла о нем и, быть может, уже развлекается с другим, и это так естественно в положении молодой женщины, которая вынуждена с утра до вечера видеть этот проклятый забор. Он вернулся к себе в номер и долго сидел на диване, не зная, что делать, потом обедал, потом долго спал. "Как все это глупо и беспокойно, - думал

он, проснувшись и глядя на темные окна: был уже вечер. - Вот и выспался зачем-то. Что же я теперь ночью буду делать?"

Он сидел на постели, покрытой дешевым серым, точно больничным, одеялом, и дразнил себя с досадой:

"Вот тебе и дама с собачкой... Вот тебе и приключение... Вот и сиди тут".

Еще утром, на вокзале, ему бросилась в глаза афиша с очень крупными буквами: шла в первый раз "Гейша". Он вспомнил об этом и поехал в театр.

"Очень возможно, что она бывает на первых представлениях", - думал он.

Театр был полон. И тут, как вообще во всех губернских театрах, был туман повыше люстры, шумно беспокоилась галерка; в первом ряду перед началом представления стояли местные франты*, заложив руки назад; и тут, в губернаторской ложе, на первом месте сидела губернаторская дочь в боа*, а сам губернатор скромно прятался за портьерой*, и видны были только его руки; качался занавес, оркестр долго настраивался. Все время, пока публика входила и занимала места, Гуров жадно искал глазами.

Вошла и Анна Сергеевна. Она села в третьем ряду, и когда Гуров взглянул на нее, то сердце у него сжалось, и он понял ясно, что для него теперь на всем свете нет ближе, дороже и важнее человека; она, затерявшаяся в провинциальной толпе, эта маленькая женщина, ничем не замечательная, с вульгарною лорнеткой в руках, наполняла теперь всю его жизнь, была его горем, радостью, единственным счастьем, какого он теперь желал для себя; и под звуки плохого оркестра, дрянных обывательских скрипок, он думал о том, как она хороша. Думал и мечтал. Вместе с Анной Сергеевной вошел и сел рядом молодой человек с небольшими бакенами, очень высокий, сутулый; он при каждом шаге покачивал головой, и, казалось, постоянно кланялся. Вероятно, это был муж, кото-

рого она тогда в Ялте, в порыве горького чувства, обозвала лакеем.

И в самом деле, в его длинной фигуре, в бакенах, в небольшой лысине было что-то лакейски-скромное, улыбался он сладко, и в петлице у него блестел какой-то ученый значок, точно лакейский номер.

В первом антракте* муж ушел курить, она осталась в кресле. Гуров, сидевший тоже в партере, подошел к ней и сказал дрожащим голосом, улыбаясь насильно:

- Здравствуйте.

Она взглянула на него и побледнела, потом еще раз взглянула с ужасом, не веря глазам, и крепко сжала в руках вместе веер и лорнетку, очевидно борясь с собой, чтобы не упасть в обморок. Оба молчали. Она сидела, он стоял, испуганный ее смущением, не решаясь сесть рядом. Запели настраиваемые скрипки и флейта, стало вдруг страшно, казалось, что из всех лож смотрят. Но вот она встала и быстро пошла к выходу; он - за ней, и оба шли бестолково, по коридорам, по лестницам, то, поднимаясь, то, спускаясь, и мелькали у них перед глазами какие-то люди в судейских, учительских и удельных мундирах, и все со значками; мелькали дамы, шубы на вешалках, дул сквозной ветер, обдавая запахом табачных окурков. И Гуров, у которого сильно билось сердце, думал: "О, господи! И к чему эти люди, этот оркестр..."

И в эту минуту он вдруг вспомнил: как тогда вечером на станции, проводив Анну Сергеевну, говорил себе, что все кончилось, и они уже никогда не увидятся. Но как еще далеко было до конца! На узкой, мрачной лестнице, где было написано "ход в амфитеатр", она остановилась.

- Как вы меня испугали! - сказала она, тяжело дыша, все еще бледная, ошеломленная. - О, как вы меня испугали! Я едва жива. Зачем вы приехали?

Зачем?

- Но поймите, Анна, поймите... - проговорил он вполголоса, торопясь. - Умоляю вас, поймите...

Она глядела на него со страхом, с мольбой, с любовью, глядела пристально, чтобы покрепче задержать в памяти его черты.

- Я так страдаю! - продолжала она, не слушая его. - Я все время думала только о вас, я жила мыслями о вас. И мне хотелось забыть, забыть, но зачем, зачем вы приехали?

Повыше, на площадке, два гимназиста курили и смотрели вниз, но Гурову было все равно, он привлек к себе Анну Сергеевну и стал целовать ее лицо, щеки, руки. - Что вы делаете, что вы делаете! - говорила она в ужасе, отстраняя его от себя. - Мы с вами обезумели. Уезжайте сегодня же, уезжайте сейчас... Заклинаю вас всем святым, умоляю... Сюда идут!

По лестнице снизу вверх кто-то шел.

- Вы должны уехать... - продолжала Анна Сергеевна шепотом. - Слышите, Дмитрий Дмитрич. Я приеду к вам в Москву. Я никогда не была счастлива, я теперь несчастна и никогда, никогда не буду, счастлива, никогда! Не заставляйте же меня страдать еще больше! Клянусь, я приеду в Москву. А теперь расстанемся! Мой милый, добрый, дорогой мой, расстанемся!

Она пожала ему руку и стала быстро спускаться вниз, все, оглядываясь на него, и по глазам ее было видно, что она, в самом деле, не была счастлива...

Гуров постоял немного, прислушался, потом, когда все утихло, отыскал свою вешалку и ушел из театра.

Вопросы и задания

1. Как пейзаж в начале главы соотнесен с настроением героя. (Прокомментируйте: «Пройдет какой-нибудь месяц и Анна Сергеевна, казалось ему, покроется в памяти туманом...»).

2. Воспоминания разгорались все сильнее... - проследите, как показывает писатель их настроение. Как вы определите чувство, которое овладевает Гуровым? Сопо-

ставьте этот фрагмент текста с финалом второй главы: что изменилось в отношениях Гурова к «даме с собачкой»?

3. Каким образом в этой главе вырисовывается конфликт в рассказе, в чем его своеобразие?

а) Что обострило восприимчивость Гурова, болезненную чуткость к пошлости!

б) Как идет осознание неестественности, грубости той жизни, что раньше казалось нормальной?

в) Каким образом несовместимость привычной жизни с внутренним состоянием Гурова передана через диалог с чиновником? Какая деталь обозначила перелом во внутреннем движении характера Гурова, вызвало взрыв, который давно назревал?

г) Как характер конфликта обусловил отбор языковых средств для кульминационного монолога Гурова о куцей, бескрылой жизни (Проанализируйте экспрессивность лексики и синтаксиса).

Вывод (разверните его – как обобщения ваших наблюдений): Своеобразие конфликта определяется отсутствием внешних драматических событий; это конфликт внутренний, раскрывающийся через изменения в характере Гурова; это несоответствие обыденности и бескрылой жизни, духовным потребностям человека, осознавшего ее несовершенство, ее несовместимость с представлением о подменной сущности жизни, прекрасной в своей основе (вспомните эпизод в Ореанде).

4. Дана ли в рассказе мотивировка действия – решения Гурова поехать в С.? Что думает герой? Какие внутренние мотивы вскрывает автор?

5. Раскройте эмоционально-содержательную функцию эпитетов в деталях, определяющих обстановку «лучшего номера» в гостинице.

6. Какой цвет преобладает, в характеристике города С. Объясните символический характер детали – «забор, серый, длинный с гвоздями»

7. Можно ли сказать, что волнение, охватившее Гурова в театре, неожиданно для него самого (раскройте подтекст).

8. Объясните деталь: «какой-то ученый значок, точно лакейский номер».

9. Выпишите слова, раскрывающее «открытие», которое сделал для себя Гуров: «...что для него на всем свете нет ближе, дороже и важнее человека...». Прокомментируйте контрастность языковых средств: «ничем не замечательная»; «единственное счастье».

10. Как Чехов описывает реакцию Анны Сергеевны на появление Гурова? Раскройте выразительность языковых средств в описании ее движения, в речевой характеристике.

4

И Анна Сергеевна стала приезжать к нему в Москву. Раз в два-три месяца она уезжала из С. и говорила мужу, что едет посоветоваться с профессором насчет своей женской болезни, - и муж верил и не верил. Приехав в Москву, она останавливалась в "Славянском базаре" и тотчас же посылала к Гурову человека в красной шапке. Гуров ходил к ней, и никто в Москве не знал об этом. Однажды он шел к ней, таким образом, в зимнее утро (посыльный был у него накануне вечером и не застал). С ним шла его дочь, которую хотелось ему проводить в гимназию, это было по дороге. Валил крупный мокрый снег.

- Теперь на три градуса теплее, а между тем идет снег, - говорил Гуров дочери.

- Но ведь это тепло только на поверхности земли, в верхних же слоях атмосферы совсем другая температура.

- Папа, а почему зимой не бывает грома?

Он объяснил и это. Он говорил и думал о том, что вот он идет на свидание, и ни одна живая душа не знает об этом и, вероятно, никогда не будет знать. У него были две жизни: одна явная, которую видели и знали все, кому это нужно было, полная условной правды и условного обмана, похожая совершенно на жизнь его знакомых и друзей, и другая - протекавшая тайно. И по какому-то странному стечению обстоятельств, быть может, случайному, все, что было для него важно, интересно,

необходимо, в чем он был искренен и не обманывал себя, что составляло зерно его жизни, происходило тайно от других, все же, что было его ложью, его оболочкой, в которую он прятался, чтобы скрыть правду, как, например, его служба в банке, споры в клубе, его "низшая раса", хождение с женой на юбилей, - все это было явно. И по себе он судил о других, не верил тому, что видел, и всегда предполагал, что у каждого человека под покровом тайны, как под покровом ночи, проходит его настоящая, самая интересная жизнь. Каждое личное существование держится на тайне, и, быть может, отчасти, поэтому культурный человек так нервно хлопочет о том, чтобы уважалась личная тайна.

Проводив дочь в гимназию, Гуров отправился в "Славянский базар". Он снял шубу внизу, поднялся наверх и тихо постучал в дверь. Анна Сергеевна, одетая в его любимое серое платье, утомленная дорогой и ожиданием, поджидала его со вчерашнего вечера; она была бледна, глядела на него и не улыбалась, и едва он вошел, как она уже припала к его груди. Точно они не виделись года два, поцелуй их был долгий, длительный.

- Ну, как живешь там? - спросил он. - Что нового?

- Погоди, сейчас скажу... Не могу.

Она не могла говорить, так как плакала. Отвернувшись от него и прижала платок к глазам.

"Ну, пускай поплачет, а я пока посижу", - подумал он и сел в кресло. Потом он позвонил и сказал, чтобы ему принесли чаю; и потом, когда пил чай, она все стояла, отвернувшись к окну... Она плакала от волнения, от скорбного сознания, что их жизнь так печально сложилась; они видятся только тайно, скрываются от людей, как воры! Разве жизнь их не разбита?

- Ну, перестань! - сказал он.

Для него было очевидно, что эта их любовь кончится еще не скоро, неизвестно когда. Анна Сергеевна привязывалась к нему все сильнее, обожала его, и было бы невысказано сказать ей, что все это должно же иметь когда-нибудь конец; да она бы и не поверила этому.

Он подошел к ней и взял ее за плечи, чтобы приласкать, пошутить, и в это время увидел себя в зеркале. Голова его уже начинала седеть. И ему показалось странным, что он так постарел за последние годы, так подурнел. Плечи, на которых лежали его руки, были теплы и вздрагивали. Он почувствовал сострадание к этой жизни, еще такой теплой и красивой, но, вероятно, уже близкой к тому, чтобы начать блекнуть и вянуть, как его жизнь. За что она его любит так? Он всегда казался женщинам не тем, кем был, и любили в нем не его самого, а человека, которого создавало их воображение и которого они в своей жизни жадно искали; и потом, когда замечали свою ошибку, то все-таки любили. И ни одна из них не была с ним счастлива. Время шло, он знакомился, сходиллся, расставался, но ни разу не любил; было, вес, что угодно, но только не любовь.

И только теперь, когда у него голова стала седой, он полюбил, как следует, по-настоящему - первый раз в жизни.

Анна Сергеевна и он любили друг друга, как очень близкие, родные люди, как муж и жена, как нежные друзья; им казалось, что сама судьба предназначила их друг для друга, и было непонятно, для чего он женат, а она замужем; и точно это были две перелетные птицы, самец и самка, которых поймали и заставили жить в отдельных клетках. Они простили друг другу то, чего стыдились в своем прошлом, прощали все в настоящем и чувствовали, что эта их любовь изменила их обоих. Прежде в грустные минуты он успокаивал себя всякими рассуждениями, какие только приходили ему в голову, теперь же ему было не до рассуждений, он чувствовал глубокое сострадание, хотелось быть искренним, нежным...

- Перестань, моя хорошая, - говорил он, - поплакала - и будет... Теперь давай поговорим, что-нибудь придумаем.

Потом они долго советовались, говорили о том, как избавиться себя от необходимости прятаться, обманывать, жить в разных городах, не видеться подолгу. Как освободиться от этих невыносимых пут?

- Как? Как? - спрашивал он, хватая себя за голову. - Как?

И казалось, что еще немного - и решение будет найдено, и тогда начнется новая, прекрасная жизнь; и обоим было ясно, что до конца еще далеко-далеко и что самое сложное и трудное только еще начинается.

Вопросы и задания

1. Подтвердите текстом: как описание встречи Гурова и Анны Сергеевны раскрывает теплоту, естественность их отношения, духовную близость.
2. Каким видит себя Гуров? Совпадает ли это с тем, каким он представляется Анне Сергеевне с авторской оценкой героя? Прокомментируйте: Он всегда казался.... А теперь, кажется или есть на самом деле?
3. Объясните обобщающий смысл сравнения героев рассказов с перелетными птицами?
4. Рассказ заканчивается вопросами? Почему отсутствие ответа закономерно, художественно оправдано? Что дает такой «открытый» финал для восприятия рассказа читателем?

Вопросы для работы на заключительном занятии.

1. Как тема духовного выпрямления человека раскрывается в движении сюжета? В развитии сюжета рассказа следует различать два плана:
 - событийный, который проявляется через внешнее поведение героев, и
 - внутренний – изменение самих мотивов действия (что определяется развитием характера Гурова под влиянием пробудившегося чувства).

Эти два плана тесно связаны. Событие может быть толчком к выявлению накопившихся внутренних изменений, с другой стороны, изменение в характере героя, в

развитии его чувства могут влиять на мотивировку поступка и, следовательно, на событие.

Запишите схему двух планов в развитии сюжета, подготовьте анализ.

Событийный план	Изменение характера чувства Гурова. Изменение мотивов действия
На набережной появилось «новое лицо»	Интерес к «даме с собачкой», деловая оценка возможной мимолетной связи.
Эпизод в гостинице (падение и раскаяние Анны Сергеевны).	Мотив действия: желание развлечься. Удивление перед неопытностью, чистотой Анны Сергеевны, ощущение ее непохожести на других и вместе с тем – «его раздражал наивный тон, это покаяние».
Поездка в Ореанду	Отрешенность от повседневности: ощущение красоты как сущности жизни (раскрываются скрытые духовные возможности героя).
Прощание на вокзале	Грусть и легкое раскаяние. Уверенность, что все кончилось.
Зима в Москве (повседневность, отсутствие сколько-нибудь заметных событий).	«Воспоминания разгорались все сильнее». Желание поделиться воспоминаниями. Непонимание: что же с ним происходит?
Эпизод с «осетриной» (эмоциональный взрыв как следствие).	Мотив действия: недовольство собой, окружающей жизнью, желание понять, что с ним происходит.
Решение ехать в С. Встреча в театре.	Осознание глубины чувства: «Она была его горем, радостью, единственным счастьем».
Встреча в Славянском	Любовь и сострадание. Осо-

базаре.	знание невозможности так жить: необходимость перемен.
«До конца еще далеко».	Желание изменить жизнь, поиски решения, но...

2. Какой из двух планов развития сюжета определяет идейно – художественное содержание рассказа? Как вы определите идею рассказа?
3. Любовь изменила их обоих? – так ли это?
 - а) Используя материал составленной схемы проследить эволюцию характера Гурова?
 - б) Изменяется ли характер Анны Сергеевны?
4. Тема для диспута: «То, что мы испытываем, когда бываем, влюблены, быть может, есть нормальное состояние человека. Влюбленность показывает человеку, каким он должен быть.

Контрольные вопросы и задания по второй части

1. Что означает термин басня?
2. Что значит «Эзопов язык»?
3. Кто был первым баснописцем?
4. О чем просит стрекоза Муравья (басня «Стрекоза и Муравей»)?
5. Почему Муравей отказывает Стрекозе в просьбе?
6. Как понимать слова Стрекозы: «Оглянуться не успели как зима катит в глаза»?
7. Что осуждает в данной басне автор? («Стрекоза и Муравей»)
8. Какова мораль басни «Стрекоза и Муравей».
9. В чем аллегорический смысл басни «Стрекоза и Муравей».
10. Как вы понимаете слова басни «Ты все пела? Это дело: Так пади же попляши»?
11. Какие общечеловеческие пороки осуждает И.А. Крылов в своих баснях?
12. Какой в басне «Ворона и Лисица» показана Лиса?
13. О чем предупреждает нас автор басни «Ворона и Лисица»?
14. Почему автор басни «Ворона и Лисица» называет Лисицу Плутовка.
15. В каких словах заключается мораль басни «Ворона и Лисица»?
16. Объясните как вы понимаете следующее выражение «От радости в зобу дыханье сперло»?
17. Что значит «лирическое произведение»?
18. Как вы понимаете термин «лирика»?
19. Писал ли А.С. Пушкин прозаические произведения?
20. Кто является автором следующих строк:
Я вас любил: любовь еще быть может
В душе моей угасла не совсем....
21. Как вы понимаете выражение «Я вас любил, безмолвно, безнадежно»?
Что испытывает поэт, когда писал эти строки?

22. Кто является автором произведения «Медный всадник»?
23. В каком жанре написано произведение «Медный всадник»?
24. Кого имел в виду автор, говоря «Стоял он дум великих полн»? («Медный всадник»)
25. О чем были думы Петра (когда он стоял на пустом берегу Финского залива) и почему автор назвал их великими?
26. Почему именно здесь, на берегу Финского залива Петр решил построить город?
27. Почему Петербург автор назвал «младшею столицей» и почему перед ним «померкла старая Москва»?
28. Поясните следующее выражение: «Природой здесь нам суждено в Европу прорубить окно»?
29. Думы и мечты Евгения, их отличие от дум Петра («Медный всадник»).
30. Почему называя имя Евгения, автор говорит, что его перу это имя знакомо?
31. Какое положение в обществе занимает Евгений? («Медный всадник»)
32. К кому автор обращает следующие слова: «Над возмущенною Невою стоит с простертою рукою Кумир на бронзовом коне»? («Медный всадник»)
33. Куда мчится Евгений после наводнения и что он там находит? («Медный всадник»)
34. Кому грозит Евгений произнося слова «Ухо тебе!...»? («Медный всадник»)
35. Где и как заканчивает свою жизнь Евгений? («Медный всадник»)
36. Основная идея поэмы «Медный всадник»?
37. Кто является автором повести «Станционный смотритель»?
38. Что входило в обязанности станционного смотрителя и зачем они были нужны?
39. Какими правами обладал человек, занимающий должность станционного смотрителя?

40. Какое горе постигло Вырина? («Станционный смотритель»)
41. Кто такой Минский и осуждаете ли вы его поступок? («Станционный смотритель»)
42. Осуждаете ли вы поступок Дуни из повести «Станционный смотритель»?
43. Предпринимал ли Вырин попытки встретиться с дочерью? («Станционный смотритель»)
44. Что явилось причиной смерти станционного смотрителя?
45. Можно ли назвать судьбу Дуни счастливой?
46. Какова идея повести «Станционный смотритель»?
47. Что заставило Дуню приехать на могилу отца?
48. В какой сборник А.С. Пушкина входит повесть «Станционный смотритель»?
49. В чем заключается аллегорический смысл стихотворения М.Ю. Лермонтова «Парус»?
50. Почему автор употребляет по отношению к парусу эпитет «мятежный»? (М.Ю. Лермонтов «Парус»)
51. В каком жанре написано произведение «Мцыри»?
52. Кто является автором произведения «Мцыри»?
53. Что означает в переводе с грузинского слово «мцыри»?
54. Как попадает Мцыри в монастырь?
55. Почему Мцыри совершает побег из монастыря?
56. Почему именно на воле воспоминания детства возникли в памяти героя поэмы? («Мцыри»)
57. Одним словом определяет Мцыри суть своего побега: «Что делал я на воле? Жил.». Какой смысл вкладывает Мцыри в понятие «Жить»?
58. Какие качества характера Мцыри проявляются в битве с барсом?
59. Что более всего огорчало Мцыри, когда он понял, что умирает?
60. Предсмертная просьба «Мцыри»?
61. Как выразил поэт любовь к свободе в поэме «Мцыри»?

62. Каким по жанру является произведение «Герой нашего времени»?
63. Кто является автором произведения «Герой нашего времени»?
64. Кто является главным героем произведения «Герой нашего времени»?
65. Кто является рассказчиком повести «Бела»?
66. Где происходят события повести «Бела»?
67. Кто рассказывает автору о происходящих событиях в повести «Бела»?
68. Что предпринимает Печорин, чтобы Бела оказалась у него дома?
(«Герой нашего времени»).
69. Какие странности замечает Максим Максимыч в характере и поведении Печорина?
70. Кто такой Печорин и как он оказался на Кавказе?
(«Герой нашего времени»)
71. Кто такой Казбич и что его связывает с Азаматом?
(«Герой нашего времени»)
72. В каких случаях можно употребить следующие выражения:
«Сердце обливалось кровью»
«Насилу ноги унес»
«Он падок на деньги»
73. Какими действиями Печорин завоевывал Белу?
(«Герой нашего времени»)
74. Чем вызваны печаль и слезы Белы? («Герой нашего времени»)
75. Что рассказал Печорин Максим Максимычу о своем воспитании и как это повлияло на его характер?
(«Герой нашего времени»)
76. Почему погибает Бела?
77. Страдает ли Печорин от гибели Белы?
78. Печорин страстно любивший Белу, разочаровывается в ней. Почему?
79. Почему Печорина относят к группе «лишних людей» России?

80. Какие взаимоотношения были между Белой и Максим Максимычем?
81. Кто рассказывает автору произведения «Герой нашего времени» о происходящих событиях романа?
82. Каким образом Азамат завладел лошастью Казбыча?
83. Где Печорин впервые увидел Белу и какое впечатление она произвела на него?
84. Какое впечатление на Мцыри произвела встреча с молодой грузинской, которую он встретил во время побега?
85. Какие произведения М.Ю. Лермонтова можете назвать?
86. Как выразил автор трагедию «маленького человека» в повести «Станционный смотритель»?
87. Как повлияло исчезновение дочери на жизнь Вырина?
88. Чему учат нас басни И.А. Крылова?
89. Какие основные мотивы мы находим в стихах А.С. Пушкина?
90. Как меняется поведение городничего и его жены после того как Хлестяков делает предложение их дочери?
91. Как ведут себя чиновники, когда узнают, что Марья Антоновна выходит замуж за Хлестакова? Искренне ли они рады этому?
92. Какую новость узнает почтмейстер, когда распечатывает письмо Хлестакова Тряпичкину?
93. Как характеризует чиновников Хлестаков в письме к другу? Соответствует ли они действительности?
94. Пьеса заканчивается немой сценой. Что же заставило всех действующих лиц пьесы онеметь и почти окаменеть?
95. Как вы понимаете эпиграф пьесы «На зеркало неча пенять, коли рожа крива»?
96. Какие роды и виды литературы вы знаете? К какому роду и виду литературы принадлежит пьесы «Ревизор»?
97. В чем основной конфликт пьесы?

98.Какие сцены пьесы наиболее верны для развития сюжета комедии, для выявления ее главной мысли, идеи?

99.Гоголь был недоволен тем, как он первоначально написал сцену взятки в IV действии: «...не так ловко, что Хлестаков начинает первый просить денег взаймы.... Было бы лучше, если бы чиновники сами ему предложили». В чем по-вашему мнению смысл переделки этих сцен?

100.Как вы понимаете следующие выражения:

С ним нужно ухо остро держать.

Хоть в петлю полезай.

Как корове седло.

101.Какова авторская характеристика Ивана Васильевича (Л.Н. Толстой «После бала»)?

102.Портретная характеристика Вареньки (Л.Н. Толстой «После бала»)?

103.Почему рассказчик возвращается к описанию внешности Вареньки несколько раз (Л.Н. Толстой «После Бала»)?

104.Опишите портрет Полковника в рассказе Л.Н. Толстого «После бала»?

105.Почему вернувшись с бала, домой, Иван Васильевич не мог заснуть. (Л.Н. Толстой «После бала»)?

106.Как характеризует Ивана Васильевича реакция, охватившая его при виде истязания человека. (Л.Н. Толстой «После бала»)?

107.Можно ли сказать, что Полковник двуличен или он прав и поступает по закону?

108.Рассказать эпизоды из рассказа Л.Н. Толстого «После бала»:

«Полковник на балу» и «Полковник после бала»?

109.Как сложилась дальнейшая судьба Ивана Васильевича в рассказе Л.

Толстого «После бала»?

110.Определить своеобразие композиции рассказа Л.Н. Толстого «После бала»?

111. Почему так взволнованно рассказчик вспоминает события сорокалетней давности. (Л.Н. Толстой «После бала»)?
112. Что дает для раскрытия темы рассказа Л.Н. Толстого «После бала» эпилог (упоминание о том, как сложилась дальнейшая жизнь Ивана Васильевича)?
113. Какова тема и идея рассказа Чехова «Крыжовник»?
114. Объясните смысл заглавия рассказа «Крыжовник»?
115. Какой композиционный прием используется в рассказе «Крыжовник»?
116. О чем мечтал Николай Иванович?
117. Как с приобретением имения изменился внутренний мир Николая Ивановича?
118. Какую роль в создании образа Николая Ивановича играют такие художественные средства, как портрет, речь?
119. Где происходят события рассказа «Дама с собачкой» и кто является автором этого рассказа?
120. Что узнает читатель из авторской характеристики о молодости Гурова, о его семье?
121. Есть ли основания утверждать, что в семье Гурова не было и нет любви?
122. Помогает ли пейзаж в рассказе «Дама с собачкой» А.П. Чехова понять состояние героев (примеры)?
123. Каков Гуров в представлении Анны Сергеевны?
124. Осознает ли Анна Сергеевна серьезность возникшего чувства?
125. Что испытывает Гуров после отъезда Анны Сергеевны?
126. Кто прав на ваш взгляд: Анна Сергеевна, считавшая Гурова «Необыкновенным», «возвышенным», или он, думавший, что обманывал ее?
127. Чем заканчивается курортный роман в рассказе А.П. Чехова «Дама с собачкой»?
128. Расскажите эпизод встречи Гурова с Анной Сергеевной в театре?

129.Какое чувство овладевает Гуровым, когда он встречается Анну Сергеевну в театре?

130.Можно ли сказать, что волнение, охватившее Гурова в театре, неожиданно для него самого?

131.Как Чехов описывает реакцию Анны Сергеевны на появление Гурова в театре?

132.Какой цвет преобладает в характеристике города С.?

**РАХИМОВА Р.Д., СОБИРОВА Ф.А.,
ХАСАНОВА О.А., ДИЛРАБОИ О.
ПРАКТИКУМ ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Компьютерная вёрстка: *Бунафша Джабборовва*

Сдано в печать 00.00.2022. Подписано к 00.00.2022.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Формат 60х84 $\frac{1}{16}$
21 п.л. Тираж 00 экз. Заказ № 00. Цена договорная

**ООО «Шаҳпар»,
г. Душанбе, проспект «Дружбы народов»- 47**